

ИВ. БУНИНЪ.

ДЕРЕВНЯ

№. 6

МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

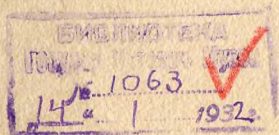
сн

К 45-9
196

И В. БУНИНЪ.

ДЕРЕВНЯ.

МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

ДЕРЕВНЯ.

МОСКВА.

Т-во Типо-Литографіи И. М. Машистова, Б. Садовая, соб. дѣль.
1910.

Прадѣда Красовыхъ, прозваннаго на дворѣ Цыганомъ, затравилъ борзыми ротмистръ Дурново. Цыганъ отбилъ у него, у своего господина, любовницу. Дурново приказалъ вывести цыгана въ поле, за Дурновку, и посадить на бугрѣ. Самъ же выѣхалъ со сворой и крикнулъ: „Ату его!“ Цыганъ, сидѣвшій въ оцѣпенѣннѣи, кинулся бѣжать. А бѣгать отъ борзыхъ не слѣдуетъ.

Дѣду Красовыхъ почему-то дали вольную. Онъ ушелъ съ семьей въ городъ — и скоро прославился: сталъ знаменитымъ воромъ. Навялъ въ Черной Слободѣ хибарку для жены, посадилъ ее плести и продавать кружево, а самъ, съ какимъ-то мѣщаниномъ Бѣлокопытовымъ, поѣхалъ по губерніи грабить церкви. Года черезъ два его поймали. Но и на судѣ онъ велъ себя такъ, что долго повторяли его отвѣты судьямъ: стоитъ себѣ, будто бы, въ плисовомъ кафтанѣ, при серебряныхъ часахъ, въ козловыхъ сапожкахъ и—въ кандалахъ, нахально играетъ скулами, глазами и почти тельнѣйше сознается даже въ самомъ малѣйшемъ изъ своихъ несмѣтныхъ дѣлъ:

— Такъ точно-съ. Такъ точно-съ.

А родитель Красовыхъ былъ мелкимъ шибаемъ. Бѣдилъ по уѣзду, жилъ одно время въ Дурновкѣ,—завелъ, было, шинокъ и лавочку,—но прогорѣлъ, запилъ, воротился въ городъ и умеръ. Послуживъ въ городѣ, торгашили и сыновья его, Тихонъ и Кузьма, почти однолѣтки. Тянутся, бывало, въ телѣгѣ, съ рѣзнымъ передкомъ, съ рундукомъ по середкѣ и заунывно орутъ:

— Ба-абы, това-ару! Ба-абы, това-ару!

Товаръ—въ рундукъ: зеркальца, мыльца, перстни, нитки, платки, иголки, крендели. А въ телѣгѣ все, что добыто: дохлыя кошки, яйца, холсты, тряпки...

Но, проѣздивъ нѣсколько лѣтъ, братья однажды чуть ножами не порѣзались,—по слухамъ, изъ-за барышей,—и разошлись отъ грѣха. Кузьма нанялся къ гуртовщику подъ Ельцомъ, Тихонъ снялъ постоянный дворикъ на шоссе при станціи Ворголь, верстахъ въ пяти отъ Дурновки. Снялъ—и открылъ кабакъ и „черную“ лавочку: „торговля мелочного товару чаю сахару, табаку сигаръ и прочего“.

Годамъ къ сорока борода Тихона уже походила на серебро съ чернью. Но красивъ, высокъ, строенъ былъ онъ попрежнему: лицомъ строгъ, смугль, чуть-чуть рябъ, въ плечахъ широкъ и сухъ, въ разговорѣ властенъ и рѣзокъ, въ движеніяхъ быстръ и ловокъ. Только брови стали сдвигаться все чаще, да глаза блестятъ еще острѣй, чѣмъ прежде: дѣло того требовало!

Неутомимо гонялъ онъ за становыми—въ тѣ глухія осеннія поры, когда взыскиваютъ подати и идутъ по деревнѣ торги за торгами. Неутомимо скупалъ у помѣщиковъ хлѣбъ на корню, снималъ у нихъ и у мужиковъ землю—по частямъ, не гребуя даже полнivoй. Жилъ онъ долго съ нѣмой кухаркой,—„нѣмая-то ничего не расбрешетъ!“—имѣлъ отъ нея ребенка, котораго она заспала—придавила во снѣ,—и, говорятъ, хотѣлъ жениться на ней. Но женился онъ на пожилой горничной старухи-княжны Шаховой. А, женившись, взявъ приданого, „доконалъ“ потомка обнищавшихъ Дурново, полного, ласковаго барчука, лысаго на двадцать пятомъ году, но съ великолѣпной каштановой бородой,—„прогрессиста“, какъ острили помѣщики, намекая на про-

грессивный параличъ. И мужики такъ и ахнули отъ гордости, когда взялъ онъ дурновское имѣніе,—около полутора ста десятинъ: вѣдь чуть не вся Дурновка состоитъ изъ Красовыхъ!

Ахали они и на то, какъ это ухитрился онъ не разорваться: торговать, покупать, чуть не каждый день бывать въ имѣніи, ястребомъ слѣдить за каждой пядью земли... Ахали и говорили:

— Да вѣдь съ нами, чертями, добромъ-то и не подѣлаешь ничего! Зато и хозяинъ. Нѣту справедливѣе.

А убѣждалъ ихъ въ этомъ самъ же Тихонъ Ильичъ. Въ добрую минуту наставлялъ:

— Живемъ—не мотаемъ, попадешься—обротаемъ. Но—по справедливости. Я, братъ, человекъ русскій, деревенскій.

Въ злую, блестя глазами, отрѣзалъ:

— Свиныя! Справедливѣй меня человекъ нѣтъ!

— Свиныя, да не я,—думалъ мужикъ, отводя глаза отъ его взгляда.

И покорно бормоталъ:

— Господи! Да айтъ мы не знаемъ?

— Знаешь, да забылъ. Мнѣ твоего даромъ не надо, но имѣй въ виду: своего я тебѣ тринки не отдамъ. Вонъ у меня братъ: злодѣй мнѣ, пьянчужка, а и то бы помогъ, кабы пришелъ, да поклонился. Передъ истиннымъ Богомъ, помогъ бы! Но баловать,—нѣтъ, замѣтъ, не побалую. Я, братъ, не хохоль безмозглый.

А Настасья Петровна, ходившая по-утиному, поскрами вдувъ, переваливаясь,—отъ постоянной беременности, все кончавшейся мертвыми дѣвочками,—желтая, опухшая, съ рѣденькими бѣлесыми волосами, стонала, поддакивала:

— Охъ, и простъ же ты, посмотрю я на тебя! Что

ты съ нимъ, глупымъ, трудишься? Компаньонъ онъ тебѣ? Ты его уму-разуму учишь, а ему и горя мало. Ишь ноги-то разставилъ,—эмирскій бухаръ какой!

„Страшная охотница“ до свиней и птицы была она— и Тихонъ Ильичъ сталъ выкармливать поросятъ, индюшекъ, куръ, гусей: за станціей былъ казенный прудъ. Пуще же всего пристрастился онъ къ ссыпкѣ хлѣба. Осенью, возлѣ двора его, стоявшаго однимъ бокомъ къ шоссе, другимъ къ станціи, стономъ стоналъ скрипъ колесъ: обозы сворачивали и сверху, и снизу. А на дворѣ ночевали лошади, шибай, птичники, крендельщики, косники, богомолки. И поминутно визжалъ блокъ то на двери въ кабакъ, гдѣ стояла Настасья Петровна, то на двери въ лавку,—темную, грязную, крѣпко пахнущую мыломъ, сельдями, махоркой, мятнымъ пряникомъ, хомутиной, копченой ветчиной, керосиномъ. И поминутно раздавалось въ кабакъ:

— У-ухъ! И здорова же водка у тебя, Петровна! Ажъ въ лобъ стукнула, пропади она пропадомъ.

— Сахаромъ въ уста, любезный!

— Либо она у тебя съ нюхальнымъ табакомъ?

— Вотъ и вышелъ дуракомъ!

А въ лавкѣ было еще людиѣ:

— Ильичъ! Хунтикъ ветчинки не отвѣсишь?

— Ветчинкой я, братъ, новѣшній годъ, благодаря Богу, такъ обезпеченъ, такъ обезпеченъ!

— А почему?

— Дешевка!

— Хозяинъ! Деготь у васъ хорошій есть?

— Такого дегтю, любезный, у твоего дѣда на свадьбѣ не было!

— А почему?

И казалось, что никогда и не было у Красовыхъ

иного разговору, кромѣ толковъ, что почему: почему ветчинка, почему тесь, почему крупа, почему деготь...

Потеря надежды на дѣтей и закрытіе кабаковъ были крупными событіями. Тихонъ Ильичъ явно постарѣлъ, когда уже не осталось сомнѣній, что не быть ему отцомъ. Сперва онъ пошучивалъ:

— Нѣтъ-съ, ужъ я своего добыюсь!—говорилъ онъ знакомымъ.—Безъ дѣтей человекъ—не человекъ. Такъ, обѣвокъ какой-то... То ли дѣло-съ, когда покозлекиваютъ по дому этакіе самоварчики!

Потомъ даже страхъ сталъ нападать на него: что же это,—одна заспала, другая мертвыхъ рождаетъ! И время послѣдней беременности Настасьи Петровны было тяжкимъ временемъ. Тихонъ Ильичъ томился, злобился; Настасья Петровна тайкомъ молилась, тайкомъ плакала и была жалка и неприятна, когда потихоньку слѣзала по ночамъ, при свѣтѣ лампадки, съ постели, думая, что мужъ спитъ, и начинала съ трудомъ становиться на колѣни, съ шопотомъ припадать къ полу, съ тоской смотрѣть на иконы и старчески, мучительно подниматься съ колѣнъ. Прежде она передъ сномъ корчила свою княжну: надѣвала туфли, кофточку, молилась разсѣянно, а помолясь, любила перебрать всѣхъ знакомыхъ, переругать ихъ. Теперь передъ образомъ стояла простая баба въ короткой бумазейной юбкѣ, въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ и въ рубашкѣ, не закрывавшей шеи и по старушечьи полныхъ рукъ. Съ дѣтства, нерѣшаясь даже самому себѣ признаться, не любилъ Тихонъ Ильичъ лампадокъ, ихъ невѣрнаго церковнаго свѣта: на всю жизнь осталась въ памяти та ноябрьская ночь, когда въ крохотной, кособокой хибаркѣ въ Черной Слободѣ тоже горѣла лампадка,—такъ смиренно и ласково-грустно, — чуть двигались тѣни отъ цѣпей ея,

было мертвенно-тихо, на лавкѣ, подъ святыми, неподвижно лежалъ отецъ, закрывъ глаза, поднявъ острый носъ и сложивъ на груди большія лилово-восковыя руки, а возлѣ него, за окошечкомъ, завѣшеннымъ красной занавѣской, съ буйно-тоскливыми пѣснями, съ воплями и не въ ладъ орущими гармониками проходили годные... Теперь лампадка горѣла постоянно. И Тихонъ Ильичъ чувствовалъ, что ведетъ Настасья Петровна какое-то таинственное дѣло съ невѣдомыми силами. Да не съ одними святыми, а и съ темными.

Кормили возлѣ постоялаго двора лошадей владимірскіе коробочники — и въ домѣ появился „Новый полный Оракулъ и чародѣй, предсказывающій будущее по предложеннымъ вопросамъ съ присовокупленіемъ легчайшаго способа гадать и отгадывать на картахъ, бобахъ и кофе“. И Настасья Петровна надѣвала по вечерамъ очки, катала изъ воска шарикъ и начинала кидать его на круги Оракула. А Тихонъ Ильичъ искоса поглядывалъ. Но отвѣты получались все грубые, зловѣщіе или бессмысленные.

— „Любить ли меня мой мужъ?“—спрашивала Настасья Петровна.

И Оракулъ отвѣчалъ:

— „Любить какъ собака палку“.

— „Сколько дѣтей будетъ у меня?“

— „Судьбой назначено тебѣ умереть, худая трава изъ-поля вонъ“.

Тогда Тихонъ Ильичъ говорилъ:

— Дай-ка я кину...

И загадывалъ:

— „Затѣвать ли мнѣ тяжбу съ извѣстною мнѣ особю?“

Но и ему выходила чепуха:

— „Считай во рту зубы“.

И Оракула смѣнили Чугунокъ.

Дурновскій мужикъ Чугунокъ,—небольшой, кряжистый, съ необыкновенно высокой и плотной грудной клеткой, съ живыми карими глазами на широкомъ смугломъ лицѣ,—былъ мужикъ хороший и хозяйственный, но со странностями: онъ теноромъ пѣлъ пѣсни, что, по-деревенски, совершенно неприлично для женатаго, и пѣлъ чаще всего съ бабами и по-бабьи, былъ большой балагуръ и сплетникъ, лѣчилъ заговорами и настояями, могъ сбѣгать обыденкой въ городъ—„не оставалъ отъ тройки!“—и велъ знакомство съ колдунами, которыми споконъ вѣку полна Басовка, деревушка верстахъ въ трехъ отъ Дурновки. И вотъ этого-то Чугунка и заставлялъ Тихонъ Ильичъ на какихъ-то таинственныхъ переговорахъ съ Настасьей Петровной, сразу обрывавшихся при его появленіи. Заставалъ—и мгновенно дѣлалъ видъ ничего незамѣтившаго человѣка, прикидывался, что ничего и не знаетъ о бутылочкахъ съ наговорной водой, которыя то и дѣло доставлялъ Чугунокъ Настасьѣ Петровнѣ. Ему только неловко немного было, ибо, въ глубинѣ-то души, и онъ надѣялся, что Чугунокъ поможетъ.

Но можно ли было надѣяться крѣпко? Разъ, взглянувъ за непритворенную дверь, въ пустую кухню, Тихонъ Ильичъ увидалъ жену возлѣ люльки кухаркина ребенка. Пестренькій цыпленокъ, попискивая, бродилъ по подьоконнику, стучалъ клювомъ въ стекло, ловя мухъ, а она сидѣла на „хорахъ“, качала люльку и жалкимъ, дрожащимъ голосомъ пѣла старинную колыбельную пѣсню:

Гдѣ мой дитятко лежить?
Гдѣ постелюшка его?
Онъ въ високомъ терему,
Въ колыбелькѣ расписной.
Не ходите къ намъ никто,
Не стучите въ терему!
Онъ уснулъ, започиваль,
Темнымъ пологомъ покрыть,
Темнымъ пологомъ покрыть,
Расцвѣченою тафтой...

И такъ измѣнилось лицо Тихона Ильича въ эту минуту, что, взглянувъ на него, Настасья Петровна не смутилась, не оробѣла,—только заплакала и, сморкаясь, тихо сказала:

— Отвези ты меня, Христа ради, къ угоднику.

И Тихонъ Ильичъ повезъ ее въ Задонскъ. Но дорогой думалъ, что все равно Богъ долженъ наказать его за то, что онъ, въ суетѣ и хлопотахъ, только подъ Свѣтлый День бываетъ въ церкви,—живетъ, какъ татаринъ... Да и лѣзли въ голову кощунственныя мысли: онъ все сравнивалъ себя съ родителями святыхъ, тоже долго не имѣвшими дѣтей. Это было не умно, но онъ уже давно замѣтилъ, что есть въ немъ еще кто-то—глупѣе его. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ письмо съ Аэона: „Боголюбивѣйшій благодѣтель Тихонъ Ильичъ! Миръ вамъ и спасеніе, Благословеніе Господне и честный Покровъ Всепѣтой Богоматери отъ земного Ея жребія св. горы Аэонской! Я имѣлъ счастье слышать о вашихъ добрыхъ дѣлахъ и о томъ, что вы съ любовью удѣляете лепты на созиданіе и украшеніе храмовъ Божіихъ, за что Господь не оставитъ и васъ своей милостью по слову: „блаженны милостивые, яко тѣи помиловацы будутъ“. Нынѣ хижина моя пришла отъ времени въ такое ветхое состояніе...“ И Тихонъ Ильичъ послалъ на

поправку этой хижины красненькую. Давно прошло то время, когда онъ съ наивной гордостью вѣрилъ, что и впрямь до самаго Аэона дошли слухи о немъ, хорошо зналъ, что ужъ слишкомъ много аэонскихъ хижинъ пришло въ ветхость—и все-таки послалъ. Но не помогло и это, закончилась беременность прямо мукою: передъ тѣмъ, какъ родить послѣдняго мертвого ребенка, стала Настасья Петровна тушить лампадку на ночь, а, заснувъ,—вздрагивать, стонать, взвизгивать и раздражаться воплемъ и слезами. Ею, по ея словамъ, мгновенно овладѣвала во снѣ какая-то дикая веселость, соединенная съ невыразимымъ страхомъ, ибо тотчасъ же, какъ только она забывалась, начинались кошмары: то видѣла она, что идетъ къ ней по полямъ, вся сіяя золотыми ризами, Царица Небесная и несется откуда-то стройное, все растущее пѣніе; то выскакивалъ изъ-подъ кровати чертенокъ, не отличный отъ темноты, но ясно видимый зрѣніемъ внутреннимъ, и начиналъ такъ звонко, лихо, съ перехватами, отжаривать на губной гармоникѣ плясовую, что сердце отрывалось и летѣло куда-то въ бездну, въ пропасть... Легче было бы спать не въ духотѣ, на перинахъ, а на воздухѣ, подъ навѣсомъ амбаровъ. Но Настасья Петровна боялась:

— Подойдутъ собаки и голову нанюхаютъ.

Монополія же была солью на рану. Когда пропала надежда на дѣтей, все чаще стало приходиться въ голову: „Да для кого же вся эта каторга, пропади она пропадомъ?“ Но думы думами, а жизнь жизнью! И стали трястись отъ злобы руки, болѣзненно сдвигаться и подниматься брови, косить лѣвый конецъ верхней губы—особенно при фразѣ, не сходившей съ языка: „имѣйте въ виду“. Прямъ, строенъ былъ Тихонъ Ильичъ по-прежнему. Но немного пополнѣлъ. По-прежнему моло-

дился—носилъ щеголеватые опойковые сапоги и расшитую косоворотку подъ двубортнымъ пиджакомъ. Но борода сѣдѣла, рѣдѣла, путалась...

А лѣто, какъ нарочно, выдалось жаркое, засушливое. Совсѣмъ пропала рожь. И наслажденіемъ стало жаловаться покупателямъ.

— Прекращаемъ-съ, прекращаемъ-съ!—съ радостью, отчеканивая каждый слогъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ о своей винной торговлѣ.—Какъ же-съ! Министру захотѣлось поторговать!

— Охъ, посмотрю я на тебя!—стонала Настасья Петровна.—Договоришься ты! Загонять тебя, куда воронъ костей не таскалъ!

— Не испугаете-съ!—отвѣчалъ Тихонъ Ильичъ, вскидывая бровями, по-звѣриному поднимая конецъ губы и протягивая руку съ растопыренными пальцами.—Нѣтъ-съ! На всякій ротокъ не накинешь платокъ.

И опять, еще рѣзче чеканя слова, обращался къ покупателю:

— И ржица-съ радуеть. Имѣйте въ виду: всѣхъ радуеть. Ночью-съ,—повѣрите ли: ночью-съ!—и то видать. Выйдешь на порогъ, глянешь по мѣсяцу-то въ поле: сквозить-съ, какъ лысина! Выйдешь, глянешь: блистаеть!

— А ты судись!—крикнулъ однажды случившійся при такомъ разговорѣ дурновскій Трифонъ, старикъ, извѣстный своей дерзостью, злостью и тѣмъ, что онъ неустанно, всю жизнь судился съ кѣмъ попало и по самымъ ничтожнымъ поводамъ,—очень худой и высокій, съ бѣгающими зелеными глазами, съ рѣденькой сѣдой бородой клинушкой, въ длинной рубахѣ и большихъ лаптяхъ на тонкихъ ногахъ, крѣпко искрещенныхъ оборочками по онучамъ.

И это было такъ неожиданно, что Тихонъ Ильичъ слегка опѣшилъ.

— Съ кѣмъ же это я судиться-то буду?—спросилъ онъ, поднявъ брови.

— Съ обидчиками!—крикнулъ Трифонъ и стукнулъ палкой въ землю.—Съ злодѣями! Съ пахарями!

Тихонъ Ильичъ покачалъ головою.

— Охъ, мало тебя, чорта двужилнаго, драли!—сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Брешешь!—крикнулъ Трифонъ.—Много! На десятерыхъ хватить! Да не поддамся! До царя дойду! Ну,—вотъ, и норови по-моему.

Въ Петровкѣ Тихонъ Ильичъ пробылъ четверо сутокъ въ городѣ на ярмаркѣ и разстроился еще больше—отъ думъ, отъ жары, отъ бессонныхъ ночей. Обычно отправлялся онъ на ярмарку съ большой охотой. Въ сумерки подмазывали телѣги, набивали ихъ сѣномъ; къ одной, въ которой ѣхалъ староста, привязывали лошадей или коровъ, назначенныхъ къ продажѣ; въ другую, въ которой ѣхалъ самъ хозяинъ съ работникомъ-старикомъ, клали подушки, чуйку. Выѣзжали поздно и, поскрипывая, тянулись себѣ до разсвѣта. Сперва вели дружественные разговоры, курили, рассказывали другъ другу страшныя старинныя исторіи о купцахъ, убитыхъ въ дорогѣ и на ночевкахъ. Потомъ Тихонъ Ильичъ укладывался спать—и такъ пріятно было слышать сквозь сонъ голоса встрѣчныхъ, чувствовать, какъ зыбко покачивается и какъ будто все подъ гору ѣдетъ телѣга, ерзаетъ щека по подушкѣ, сваливается картузь и холодитъ голову ночная свѣжесть; хорошо было и проснуться до солнца, розовымъ росистымъ утромъ среди матово-зеленыхъ хлѣбовъ, увидеть вдали, въ голубой огромной низменности, весело бѣлѣющей городъ,

блескъ его церковей, крѣпко зѣвнуть, перекреститься на отдаленный звонъ и взять вожжи изъ рукъ полусоннаго старика, виновато жмурившагося, по-дѣтски ослабѣвшаго на утреннемъ холодкѣ, блѣднаго, какъ мѣль, при свѣтѣ зари... Теперь Тихонъ Ильичъ отослалъ телѣги со старостой, а самъ поѣхалъ на бѣгункахъ. Ночь была теплая, свѣтлая, розово-лунная; ѣхалъ онъ шибко, но подѣ городомъ сильно усталъ; огоньки на ярмаркѣ, въ острогѣ и больницѣ, что при въѣздѣ въ городъ, видны въ степи верстѣ на десять, и казалось, что до нихъ никогда не доѣдешь, до этихъ дальнихъ сонныхъ огоньковъ. А на постояломъ дворѣ на Щепной площади было такъ жарко, такъ кусали блохи и такъ часто раздавались голоса у воротъ, такъ гремѣли въѣзжавшія на каменный дворъ телѣги и такъ рано заорали пѣтухи, заворковали голуби и побѣлѣло за открытыми окнами, что онъ и глазъ не сомкнулъ. Мало спалъ и вторую ночь, которую попробовалъ провести на ярмаркѣ, въ телѣгѣ: ржали лошади, горѣли огни въ палаткахъ, кругомъ ходили и разговаривали, а на разсвѣтѣ, когда такъ и слипались глаза, зазвонили въ острогѣ, въ больницѣ—и надъ самой головой подняла ужасный ревъ корова...

— Каторга!—поминутно приходило въ голову за эти памятные дни и ночи,—какъ и прошлымъ лѣтомъ, въ ожиданіи родовъ.

Ярмарка, раскинувшаяся по выгону на цѣлую версту, была, какъ всегда, шумна, безтолкова. Хорошо продавали только то, чѣмъ деревня запасается на рабочую пору: метла, косы, жбаны, лопаты, колеса. Но не смолкая ни на минуту стоялъ нестройный гомонъ, скрипъ колесъ, ржаніе лошадей, трели дѣтскихъ свистулечъ, марши и польки гремящихъ на каруселяхъ оркестро-

новъ. Бездѣльная, говорливая толпа мужиковъ и бабъ валомъ валила съ утра до-вечеру по пыльнымъ, унавоженнымъ переулкамъ между телѣгами и палатками, лошадьми и коровами, балаганами и съѣстными, откуда несло вонючимъ чадомъ сальныхъ жаровенъ. Какъ всегда, была пропасть барышниковъ, придававшихъ страшный азартъ всѣмъ спорамъ и сдѣлкамъ; безконечными вереницами, съ гнусавыми напѣвами тянулись слѣпые и убогіе, нищіе и калѣки, на костыляхъ и въ телѣжкахъ; медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправника, сдерживаемая кучеромъ въ плисовой безрукавкѣ и въ шапочкѣ съ павлиньими перьями... Покупателей было много. Но все кончалось лишь спорами да пустословіемъ. Подходили сизые цыгане, евреи изъ юго-западнаго края,—сѣролицые, рыжіе, запыленные, въ парусиновыхъ балахонахъ и сбитыхъ сапогахъ. Подходили загорѣлые мелкопомѣстные дворяне въ поддевахъ и картузахъ, становой съ урядникомъ, богачъ-купецъ Сафоновъ,—старикъ въ чуйкѣ, огромный, бритый, говорившій басомъ, съ сигарой; подходилъ сорокалѣтній красавецъ-гусаръ князь Бахтинъ съ женой въ англійскомъ костюмѣ и, неизвестно зачѣмъ, дряхлый севастопольскій герой Хвостовъ,—высокій и костистый, съ крупными чертами темнаго морщинистаго лица, со старчески тупымъ взглядомъ, въ длинномъ мундирѣ, обвислыхъ штанахъ, въ сапогахъ съ широкими носами и въ большомъ картузѣ съ желтымъ околышемъ, изъ-подъ котораго были начесаны на виски крашенные волосы мертваго бураго цвѣта... Всѣ корчили знатоковъ, толковали о мастяхъ, ладахъ, рассказывали о своихъ лошадяхъ. Мелкопомѣстные врали и хвастались; Бахтинъ не унижался до разговора съ Тихономъ Ильичемъ, хотя тотъ почти-

тельно вставалъ передъ нимъ и говорилъ: „подходящая-съ лошадка для вашего сіятельства“. Бахтинъ только откидывался назадъ, глядя на лошадь, сдержанно улыбался въ усы съ подъусниками и намеками перекидывался съ женой, поигрывая ногой въ рейтузѣ вишневаго цвѣта. А Хвостовъ, дошаркавъ до лошади, косившей на него огненнымъ глазомъ, останавливался такъ, что казалось, что онъ падаетъ, подпирался лѣвой рукой подъ самую мышку, поднималъ правой костыль и въ десятый разъ спрашивалъ глухимъ, ничего невыражающимъ голосомъ:

— Сколько просишь?

И всѣмъ надо было отвѣчать... Отъ скуки Тихонъ Ильичъ купилъ на ярмаркѣ книжечку „Ой, Шмуль до Ривке, сборникъ модныхъ сценокъ, каламбуровъ и разсказовъ изъ походовъ нашихъ еврейчиковъ“—и, сидя на телѣгѣ, много разъ принимался за нее. Но только что онъ начиналъ: „Каздому, гишпада, жвѣстна, што мы, жидочки, вжасно любимъ гешефтъ“... какъ кто-нибудь окликалъ. И Тихонъ Ильичъ поднималъ глаза и отзывался, но черезъ силу, стискивая челюсти, страдальчески морща брови.

Онъ очень загорѣлъ, похудѣлъ и поблѣднѣлъ, запылится и чувствовалъ смертельную тоску и слабость во всемъ тѣлѣ. Онъ разстроилъ желудокъ, да такъ, что начались корчи. Пришлось сходить въ больницу. Но тамъ онъ часа два ждалъ очереди, сидѣлъ въ гулкомъ коридорѣ, нюхая противный запахъ—гваякола, карболовки,—и чувствовалъ себя не Тихономъ Ильичемъ, а такъ, какъ будто онъ былъ въ прихожей хозяина или начальника. И, когда докторъ, похожій на дьякона, красный, свѣтлоглазый, съ огромной рыжей бородой, въ неопрятномъ и кургузомъ черномъ сюртукѣ, пахнущемъ

мѣдью, сопя, приложилъ холодное ухо къ его груди, онъ успѣшилъ сказать, что „животъ почти прошелъ“, и только по робости не отказался отъ касторки. А воротясь на ярмарку, проглотилъ стаканъ водки съ перцемъ, съ солью и опять сталъ ѣсть что попало, всю хомятку,—колбасу и подрукавный хлѣбъ,—пить чай, сырую воду, кисляци—и все не могъ утолить жажды. Звали знакомые „пивцомъ освѣжиться“—и онъ шелъ. Оралъ хромой квасникъ:

— Вотъ квасокъ, попыриваетъ въ носокъ! По копейкѣ бокалъ, самый главный лимонадъ!

И онъ останавливалъ квасника.

— Во-отъ морожено!—теноромъ кричалъ лысый потный мороженщикъ, брюхатый старикъ въ красной рубахѣ.

И онъ—„какъ мальчишка!“—ѣлъ съ костяной ложечки мороженое—почти снѣгъ, отъ котораго жестоко ломило въ вискахъ.

Пыльный, истолченный ногами, колесами и копытами, засоренный и унавоженный выгонъ уже пустѣлъ,—ярмарка разѣзжалась. Но Тихонъ Ильичъ, точно назло кому-то, все держалъ и держалъ на жарѣ и въ пыли непроданныхъ лошадей, все сидѣлъ на телѣгѣ. Точно не болѣзнью былъ подавленъ онъ, а картиной великой нищеты и великаго убожества, спокойнѣе вѣку владѣвшихъ и городомъ этимъ, и всѣмъ уѣздомъ его. Господи Боже, что за край! Черноземъ на полтора аршина, да какой! А пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода. Городъ на всю Россію славенъ хлѣбной торговлей,—ѣсть же этотъ хлѣбъ до сыта—сто человѣкъ во всемъ городѣ. А ярмарка? Нищихъ, дурачковъ, слѣпыхъ и калѣкъ,—такихъ безобразныхъ, что смотрѣть страшно и тошно,—прямо полкъ цѣлый!.. И домой возвращался Тихонъ Ильичъ не въ обычномъ настроеніи.

Домой онъ ѣхалъ въ солнечное жаркое утро по Старой большой дорогѣ. ѣхалъ сперва городомъ, базаромъ, мимо собора, черезъ мелкую и кисло-вонючую отъ кожевенныхъ заводовъ рѣчку, а за рѣчкой—въ гору, черезъ Черную Слободу. На базарѣ онъ провелъ когда-то девять лѣтъ, служилъ вмѣстѣ съ братомъ въ „черной“ лавкѣ Маторина. Теперь на базарѣ всѣ кланялись ему. Въ Слободѣ прошло его дѣтство: тутъ, на полугорѣ, среди вросшихъ въ землю мазанокъ съ прогнившими и почернѣвшими крышами, среди навоза, который сушатъ на солнцѣ для топки, среди мусора, золы и тряпокъ, великою радостью было для него мастерить и запускать змѣя, или съ крикомъ, свистомъ гоняться за нищимъ, давно выгнаннымъ со службы учителемъ уѣзднаго училища, злымъ старичкомъ-онанистомъ, что зиму и лѣто ходилъ въ валенкахъ, подштанникахъ и короткомъ пальто съ облѣзлымъ бобровымъ воротникомъ, будучи извѣстенъ городу подъ странной кличкой: „Собачій Пистолетъ“. Теперь и слѣда не было той мазанки, гдѣ родился и росъ Тихонъ Ильичъ. На ея мѣстѣ стоялъ новый тесовый домикъ, со старой, ржавой вывѣской надъ входомъ: „Духовный портной Соболевъ“. Да и все-то было въ Слободѣ по-старому: свиньи и куры по переулочкамъ; высокіе шести у воротъ, а на шестахъ—баряньи рога; бѣлыя большія лица кружевницъ, выглядывающихъ изъ-за горшковъ съ цвѣтами, изъ крохотныхъ окошечекъ; босые мальчишки съ одной помочей черезъ плечо, запускающіе бумажнаго змѣя съ мочальнымъ хвостомъ; бѣлобрысыя тихія дѣвочки, играющія возлѣ завалинокъ въ любимую игру—похороны куколъ... А на горѣ, въ полѣ, онъ перекрестился на кладбище, за оградой котораго, среди густыхъ старыхъ деревьевъ, была когда-то

страшная могила богача и скряги Зыкова, провалившаяся въ ту же минуту, какъ только засыпали ее. И, подумавъ, повернулъ лошадь къ воротамъ кладбища.

У этихъ большихъ бѣлыхъ воротъ постоянно сидѣлъ и позванивалъ въ колокольчикъ съ ручкой и мѣшечкомъ косою монахъ въ черной рясѣ, въ черномъ клобукѣ и рыжихъ сапогахъ,—очень сильный, лохматый и свирѣпый на видъ, пьяница, съ необыкновеннымъ мастерствомъ ругавшійся по-матерну. Теперь монаха, по счастью, не было: на его мѣстѣ сидѣла и вязала чулокъ старуха, похожая на старуху изъ сказки,—въ очкахъ, съ клювообразнымъ носомъ, съ провалившимися губами,—одна изъ вдовъ, живущихъ въ пріютѣ при кладбищѣ.

— Здравово, бабка! — ласково крикнулъ Тихонъ Ильичъ, привязывая лошадь къ столбу у воротъ.— Можешь мою лошадь постеречь?

Старуха встала, низко поклонилась и прошамкала:

— Могу, батюшка.

Тихонъ Ильичъ снялъ картузъ, еще разъ, подкатывая глаза подъ лобъ, перекрестился на картину Успѣнія Богородицы надъ воротами и прибавилъ:

— Много васъ тутъ теперь?

— Цѣлыхъ двѣнадцать старушекъ, батюшка.

— Что жъ, часто ругаетесь?

— Часто, батюшка.

И, улыбувшись, Тихонъ Ильичъ не спѣша пошелъ среди старыхъ деревьевъ и крестовъ по аллеѣ, ведущей къ старой деревянной церкви, когда-то окрашенной охрой. На ярмаркѣ онъ постригъ волосы, подровнял и укоротилъ бороду—и очень помолодѣлъ и похорошѣлъ. Молодили его и худоба, загарь,—бѣлѣли нѣжной незагорѣвшей кожей только выстриженные

треугольнички на вискахъ. Молодили воспоминанія дѣтства и молодости, новый парусиновый картузь. Лицо его было задумчиво и просто. Онъ улыбнулся отвѣту старухи, съ грустью глядѣлъ по сторонамъ... Какъ коротка и безтолкова жизнь! И какой миръ и покой вокругъ, въ этомъ солнечномъ затишьѣ, въ оградѣ стараго погоста! Горячій вѣтеръ проносился по верхушкамъ свѣтлыхъ деревьевъ, сквозившимъ на безоблачномъ небѣ, до времени порѣдѣвшимъ отъ зноя, волновалъ по памятникамъ и камнямъ ихъ прозрачную, легкую тѣнь. А когда затихалъ, жарко пригрѣвало солнце цвѣты и травы, сладко пѣли птицы въ кустахъ, въ сладкой истомѣ замирали на горячихъ дорожкахъ пышноцвѣтныя бабочки.. На одномъ крестѣ Тихонъ Ильичъ прочелъ:

Какіе страшные оброки
Смерть собираетъ отъ людей!

Но ничего страшнаго не было вокругъ. Онъ шелъ, даже какъ бы съ удовольствіемъ замѣчая, что кладбище растетъ, что появилось много новыхъ отличныхъ мавзолеевъ среди тѣхъ старинныхъ камней въ видѣ гробовъ на ножкахъ, тяжкихъ чугунныхъ плитъ и огромныхъ грубыхъ и уже гніющихъ крестовъ, которыми полно Чернослободское кладбище. „Скончалась 1819 года Ноября 1 въ 5 часовъ утра“—такія надписи было жутко читать,—нехороша смерть на разсвѣтѣ ненастнаго осенняго дня, въ старомъ уѣздномъ городѣ! Но рядомъ свѣтилъ среди деревьевъ своей бѣлизной мраморный ангелъ съ очами, устремленными въ голубое небо, и на черно-зеркальномъ гранитѣ подъ нимъ были выбиты бѣлыя буквы: „Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ!“ Возлѣ церкви на желѣзномъ

радужномъ отъ непогоды и времени памятникѣ какого-то коллежскаго ассесора можно было разобрать стихи:

Царю онъ честно послужилъ,
Сердечно ближняго любилъ,
Былъ уважаемъ отъ людей...

И стихи эти показались Тихону Ильичу лживыми. Но здѣсь и ложь трогала. Ибо—гдѣ правда? Вотъ въ кустахъ валяется человѣческая челюсть, точно сдѣланная изъ грязнаго воска,—все, что осталось отъ чловѣка... Но все ли? Гніютъ цвѣты, ленты, кресты, гробы и кости въ землѣ—все смерть и тлѣнъ. Но шель далѣе Тихонъ Ильичъ и читалъ: „Такъ и при воскресеніи мертвыхъ: сѣются въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи“... „Милый сынъ нашъ, память о тебѣ не умретъ въ сердцахъ нашихъ во вѣки!..“

Все печальнѣе и строже сдвигая брови, онъ минутно снималъ картузь и крестился. Онъ былъ блѣденъ и еще слабъ послѣ болѣзни, онъ вспоминалъ свое дѣтство, молодость, Кузьму... Онъ шелъ въ тотъ дальній уголь кладбища, гдѣ были похоронены всѣ его близкіе—отецъ, мать, сестра, умершая еще дѣвочкой. Надписи трогательно и мирно говорили о покоѣ и отдыхѣ, о нѣжности къ отцамъ, матерямъ, мужьямъ и женамъ, о любви, которой какъ будто нѣтъ и не будетъ въ жизни, о той преданности другъ другу и покорности Богу, о тѣхъ горячихъ упованіяхъ на жизнь будущую и свиданія въ иной блаженной странѣ, которыми вѣришь только здѣсь, и о томъ равенствѣ, что даетъ только смерть,—тѣ минуты, когда мертваго нищаго цѣлуютъ въ уста послѣднимъ цѣлованіемъ, какъ брата, сравниваютъ его съ царями и владыками, говорятъ надъ нимъ самыя мудрыя, самыя великія и торжественныя слова. А тамъ, въ дальнемъ углу ограды,

въ кустахъ бузины и бересклета, дремлющихъ на припекѣ,—тамъ, гдѣ когда-то были могилы, а теперь—только холмы и впадины, заросшіе травой и бѣлыми цвѣтами, увидалъ Тихонъ Ильичъ свѣжую дѣтскую могилку, крестъ, а на крестѣ—двустипіе:

тише, листья, не шумите,
мово Костю не будите!—

и, вспомнивъ своего ребенка, задавленнаго сонной кухаркой, заморгаль отъ навернувшихся слезъ.

По шоссе, идущему мимо кладбища и пропадающему среди волнистыхъ полей, никто никогда не ѣздитъ. Шагаетъ по шоссе только какой-нибудь легконогий босякъ, пробирающийся на отдыхъ въ родную подгородную деревню,—малый въ розовой слинявшей рубахѣ безъ пояса, въ порткахъ изъ разноцвѣтныхъ заплатъ и опоркахъ. Ѣздятъ же по пыльному проселку, рядомъ. По проселку поѣхаль и Тихонъ Ильичъ. Навстрѣчу ему пронеслась сперва ободранная извозчичья пролетка,—лихо носятся уѣздные извозчики!—а въ пролеткѣ—охотникъ изъ банковскихъ чиновниковъ; у ногъ—пѣгая легавая собака, на колѣняхъ—ружье въ чехлѣ, на ногахъ—высокіе болотные сапоги, хотя болотъ въ уѣздѣ никогда и не бывало. Потомъ пронырялъ по пыльнымъ ухабамъ молодой почтарь, высоко взгромоздившійся на старинный велосипедъ съ двумя колесами, изъ которыхъ одно было огромное, а другое, то, что сзади, крохотное. Онъ испугаль лошадь—и Тихонъ Ильичъ сердито стиснулъ зубы: въ работники бы отдать этого лодаря! Полдненное солнце палило, вѣтеръ дуль горячій, безоблачное небо становилось грифельнымъ. И думая о краткости и безтолковости жизни, все сердитѣе отворачивался Тихонъ Ильичъ отъ пыли, летѣвшей по до-

рогѣ, все озабоченнѣе косился на тощіе, до времени подсыхающіе хлѣба по сторонамъ...

Мѣрнымъ шагомъ, съ высокими посощками, шли толпы замученныхъ усталостью и зноемъ богомолокъ. Онѣ отвѣшивали Тихону Ильичу низкіе, смиренные поклоны, но поклоны эти казались ему жульническими.

— Смиреницы! А грызутся, небось, на ночевкахъ, какъ собаки!—бормоталь онъ.

Подымая тучи пыли, гнали лошаденокъ пьяные мужики, возвращавшіеся съ ярмарки,—чуть не по десятку на каждой подводѣ,—рыжіе, сивые, черные, бѣлобрысые, но всѣ одинаково безобразные, тощіе и лохматые. И, обгоняя ихъ гремящія телѣги, Тихонъ Ильичъ моталь головой:

— У, нищерброды, пропади вы пропадомъ!

Одинъ, въ изорванной на ленты ситцевой рубахѣ, спаль, колотился, какъ мертвый, лежа на спинѣ, закинувъ голову, задравъ окровавленную бороду и распухшій въ засохшей крови носъ. Другой бѣжалъ, догонялъ сорванную вѣтромъ шапку, споткнулся—и Тихонъ Ильичъ съ злобнымъ наслажденіемъ вытянулъ его кнутомъ. Попалась телѣга, полная рѣшетъ, лопать и бабъ; сидя къ лошади спинами, онѣ тряслись и подпрыгивали; у одной на головѣ былъ новый дѣтскій картузикъ козырькомъ назадъ, другая пѣла, набивъ ротъ калачомъ, третья махала руками и съ хохотомъ орала вдогонку Тихону Ильичу:

— Дядя! Чеку потерялъ!

И онъ придержаль лошадь, далъ себя обогнать и вытянулъ кнутомъ и бабу...

Что-то творилось въ его душѣ за эти дни,—такое, что онъ даже почти не говорилъ ни съ кѣмъ о своихъ хозяйственныхъ бѣдахъ. Рѣдко вспоминалъ и о томъ,

что совѣмъ пропадаетъ хлѣбъ отъ засухи. Но какъ только выѣхалъ въ поле, сразу все вспомнилось. И за заставой, гдѣ свернуло шоссе въ сторону, гдѣ отстали отъ бѣгунковъ гремящія телѣги и охватила тишина, просторъ и зной степи, опять почувствовалъ онъ, что все-таки самое главное на свѣтѣ—„дѣло“. Съ великимъ презрѣніемъ подумалъ онъ о помѣщикахъ, форсировавшихъ на ярмаркѣ жалкими троечками... Эхъ, и нищета же кругомъ! До тла разорены мужики, трюнки не осталось въ оскудѣвшихъ усадьбишкахъ, раскиданныхъ по уѣзду... Хозяина бы сюда, хозяина!

— Да не ты, братъ, хозяинъ-то!—зло ухмылялся онъ самому себѣ.—Самъ нищій. Да и послѣднее отнимаютъ!

На полпути было Ровное, большое однодворческое село. Суховѣй проносился вдоль пустыхъ улицъ, по лозинкамъ, спаленнымъ жаромъ. У пороговъ ерошились, зарывались въ золу куры. Грубо торчала на голомъ выгонѣ, на выѣздѣ, церковь дикаго цвѣта. За церковью блестялъ на солнцѣ мелкій глинистый прудъ подъ навозной плотинной — густая желтая вода, въ которой по поясъ стояло стадо коровъ, поминутно отправлявшее свои нужды, и намыливалъ голову голый мужикъ. Онъ тоже по поясъ вошелъ въ воду, на груди его блестялъ мѣдный крестикъ, шея и лицо были черны отъ загара, а тѣло поразительно блѣдно и бѣло.

— Размуздай-ка лошадь-то,—сказалъ Тихонъ Ильичъ, въѣзжая въ прудъ, пахнуцій стадомъ.

Мужикъ кинулъ мраморно-синеватый обмылокъ на черный отъ коровьяго помета берегъ и, съ сѣрой головой, стыдливо закрываясь, поспѣшилъ исполнить приказаніе. Лошадь жадно припала къ водѣ, но вода была такъ тепла и противна, что она подняла морду и от-

вернулась. Посвистывая ей, Тихонъ Ильичъ покачалъ картузомъ:

— Ну, и водица у васъ! Ужли пьете?

— А у васъ-то ай сахарная?—ласково и весело возразилъ мужикъ.—Тыщу лѣтъ пьемъ! Да вода что—вотъ хлѣбушка нѣтут!

И пришлось промолчать: вѣдь и въ Дурновкѣ вода не лучше и тоже нѣтъ хлѣбушка... Да и не будетъ. За Ровнымъ дорога опять пошла среди ржей, но какихъ! Тощихъ, слабыхъ, почти безъ колоса, переполненныхъ васильками... А возлѣ Выселокъ, подъ Дурновкой, тучей сидѣли на дуплистой корявой ракичѣ грачи съ раскрытыми серебристыми клювами: отъ Выселокъ осталось въ этотъ день только одно званіе—только черные остовы избъ среди мусора! Мусоръ курился молочно-синеватымъ дымкомъ, кисло воняло гарью... И мысль о пожарѣ молніей пронизала Тихона Ильича. „Бѣда!“—подумалъ онъ, блѣднѣя.—Ничего-то у него не застраховано, — все можетъ въ одинъ часъ слетѣть...

Съ этихъ Петровокъ, съ этой памятной поѣздки на ярмарку Тихонъ Ильичъ началъ попивать — и таки частенько, не до-пьяну, но до порядочной красноты лица и возбужденности. Однако это ничуть не мѣшало дѣламъ, да не мѣшало, по его словамъ, и здоровью. „Водка кровь полируетъ“,—говорилъ онъ; и, правда, видъ у него сталъ еще болѣе крѣпкій, чѣмъ прежде. Жизнь свою онъ и теперь нерѣдко называлъ каторгой, петлей, золотою клѣткой. Но характеръ опредѣлился рѣзче, силы окрѣпли, возмужали, и шагаль Тихонъ Ильичъ по своей дорогѣ все увѣреннѣе, не обращая вниманія на погоду и дорогу. Будни воцарились въ его домѣ, и нѣсколько лѣтъ прошло такъ ровно, одно-

образно, что все слилось въ одинъ будничнй рабочий день. А новыми крупными событіями оказалось то, чего и не чаяли,—война съ Японіей и революція.

Слухи о войнѣ начались, конечно, бахвальствомъ. „Казакъ желтую-то шкуру скоро спустить, братъ!“ Но оно глѣло такъ недолго, это слабое подобіе прежнихъ бахвальствъ. Скоро послышались инья рѣчи. Скоро почувствовалось, что онѣ возможны...

— Своей земли дѣвать некуда!—строгимъ хозяйственнымъ тономъ говорилъ Тихонъ Ильичъ, кажется, впервые за всю свою жизнь разсуждая не о дурновской, а о всей русской землѣ.—Не война-съ, а прямо—безсмыслица.

Сказывалось и другое, исконное—быть на сторонѣ тѣхъ, кто одолеваетъ. И въ восхищеніе приводили вѣсти о страшныхъ разгромахъ русской арміи:

— Ухъ, здѣрово! Такъ ихъ, мать ихъ такъ!

Восхищали и побѣды революціи, восхищали убійства:

— Какъ далъ этому самому министру подъ жилу,—говорилъ иногда Тихонъ Ильичъ въ пылу восторга,—какъ далъ—праху отъ него не осталось!

Но нарастала и тревога. Какъ только заговорили о землѣ, стала просыпаться злоба къ „соціалисту“. „Все жиды работаютъ! Все жиды-съ, да вотъ еще лохмачи эти—студенты!“ И, странно!—кажется, болѣе всего раздражало Тихона Ильича то, что соціаль-демократомъ называетъ себя сынъ дьякона въ Ульяновкѣ, семинаристъ, околачивавшійся безъ дѣла у отца. Да и непонятно было: всѣ говорятъ—революція, революція, а во кругъ—все прежнее, будничное: солнце свѣтитъ, въ полѣ ржи цвѣтутъ, подводы тянутся на станцію...

Мужики, до которыхъ доходило еще меньше слу-

ховъ, тоже восхищались японцами, хотя и покачивали головами:

— Народу-то, народу-то что зря пропадаетъ!

Восхищались и они тѣмъ, что „въ прахъ разносить“... Восхищались, восхищались — и вдругъ при- молкли. И Тихонъ Ильичъ сталъ говорить уже съ явной тревогой:

— Скрытень-съ народъ! Прямо жуть, какъ скрытень!

И, забывъ о „жидахъ“, прибавлялъ:

— Положимъ, что и музыка-то вся эта не хитрая-съ. Правительство смѣнить, да земелькой поровнять—это вѣдь и младенецъ пойметъ-съ. И, значить, дѣло ясно, за кого онъ гнетъ,—народъ-то-съ. Но, конечно, помалкиваетъ. И, надо, значить, слѣдить, да такъ наровить, чтобъ помалкивалъ. Не давать ему ходу! Не то держись: почуветь удачу, почуветь шлею подъ хвостомъ—вдребезги расшибеть-съ!

Когда онъ читалъ или слышалъ, что будутъ отнимать землю только у тѣхъ, у кого больше пятисотъ десятинъ, онъ и самъ становился „смутьянсмъ“. Даже съ Дурновцами въ споръ пускался. Случалось — стоимъ возлѣ его лавки мужикъ: купилъ на станціи поль-бу-тылочки, купилъ въ лавкѣ таранку и кренделей, снялъ шапку; но все оттягиваетъ наслажденіе и говорить:

— Нѣтъ, это ты, Ильичъ, не толкуй. По справедливой оцѣнкѣ—это можно, взять-то ее. А такъ—нѣтъ, не хорошо...

Пахнетъ сосновымъ тесомъ, сваленнымъ возлѣ амбаровъ, напротивъ двора. Раздражающе пахнетъ таранками и мочалой, на которой нанизаны крендели. Слышно, какъ за деревьями и за постройками станціи сипить, разводитъ пары горячій паровозъ товарнаго поѣзда.

Безъ шапки стоитъ возлѣ лавки, щурясь и хитро улыбаясь, Тихонъ Ильичъ. Улыбается и отвѣчаетъ:

— Толкушка! А если онъ не хозяинъ, а бродяга?

— Кто? Баринъ-то?

— Нѣтъ,—задница!

— Ну, это дѣло особое. У такого-то и со всѣми потрохами отнять не грѣхъ.

— Ну, вотъ, то-то и оно-то!..

Но приходила другая вѣсть—будутъ и меньше пятисотъ брать!—и сразу овладѣвала душой разсѣянность, подозрительность, придирчивость. Все, что дѣлается по дому, начинало казаться отвратительнымъ.

Выносилъ изъ лавки Егорка, подручный, мучные мѣшки и начиналъ ихъ вытряхать. И голова его напоминала голову городского дурачка „Мотя-Утиная-Головка“. Макушка клиномъ, волосы жестки и густы—„и отчего это такъ густы они у дурачковъ?“—лобъ маленькій и вдавленный, лицо—какъ яйцо косое; глаза выпуклые, а вѣки съ бѣлыми телячьими рѣсницами точно натянуты на нихъ: кажется, что не хватило кожи, что если малый сомкнетъ ихъ, нужно будетъ ротъ разинуть, если закроетъ ротъ,—придется широко раскрыть вѣки. И Тихонъ Ильичъ кричалъ:

— Далдонъ! Что-жъ ты на меня-то трясешь?

Выносила кухарка какой-то сундучокъ, раскрывала его, клала нутромъ наземь и начинала стучать въ дно кулакомъ. И, понявъ въ чемъ дѣло, Тихонъ Ильичъ медленно качалъ головой:

— Ахъ, хозяйки, мать вашу такъ! Прусаковъ выбиваешь?

— Ихъ тутъ—прямо туча!—радостно отвѣчала кухарка.—Глянули, а тамъ страсти Божіи!

И, скрипнувъ зубами, Тихонъ Ильичъ выходилъ на

шоссе и долго глядѣлъ въ волнистыя поля, въ сторону Дурновки.

Горницы его, кухня, лавка и амбаръ, гдѣ прежде была винная торговля,—все это составляло одинъ срубъ, подъ одной желѣзной крышей. Съ трехъ сторонъ вплотную примыкали къ нему навѣсы скотнаго варка, крытые соломой—и получался уютный квадратъ. Крыльцо и всѣ окна глядѣли на югъ. Но видъ загоразивали хлѣбные амбары, стоявшіе противъ оконъ, черезъ дорогу. Направо была станція, налево шоссе. За шоссе—березовый лѣсокъ. И когда Тихону Ильичу хотѣлось простора, онъ выходилъ на шоссе. Бѣлой извилистой лентой, съ перевала на переваль убѣгало оно къ югу, все понижаясь вмѣстѣ съ полями и снова поднимаясь къ горизонту только отъ далекой будки, гдѣ его пересѣкала идущая съ юго-востока чугунка. И если случалось, что ѣхалъ въ Ульяновку кто-нибудь изъ дурновскихъ мужиковъ, конечно, подѣльнѣе, поразумнѣе, на примѣръ, Яковъ, котораго всѣ зовутъ Яковомъ Микитчемъ за то, что онъ жаденъ, бережетъ второй годъ скирдокъ хлѣба и владѣетъ тремя справными лошадьми,—Тихонъ Ильичъ останавливалъ его.

— Хоть бы картузишко-то кушилъ!—кричалъ онъ ему съ усмѣшкой.

Яковъ, въ шапкѣ, въ длинной замашной рубахѣ, въ короткихъ тяжевыхъ порткахъ и босой, сидѣлъ на грядкѣ телѣги. Онъ натягивалъ веревочныя возжи, оставливая сытую кобылу.

— Здорово, Тихонъ Ильичъ,—сдержанно говорилъ онъ.

— Здорово! Шапку-то, говорю, пора пожертвовать на гадчинныя гнѣзда!

Яковъ, съ хитрой усмѣшкой въ землю, кивалъ головой.

— Это... какъ сказать?... не плохо бы. Да капиталъ-то, къ примѣру, не дозволяетъ.

— Будетъ толковать - то! Знаемъ мы васъ, казанскихъ сиротъ! Дѣвку отдалъ, малаго женилъ; деньги есть... Чего тебѣ еще отъ Господа Бога желать?

Это льстило Якову, но сдерживало еще болѣе.

— О, Господи!—вздыхая, бормоталъ онъ дрожащимъ, какъ бы похотывающимъ голосомъ.—Деньги... У меня ихъ, къ примѣру, и въ заведеньи-то не бывало... А малый... что-жъ, малый? Малый не радуется... Прямо надо сказать—не радуется!

Быль Яковъ очень нервенъ и особенно тогда, когда доходило дѣло до его семьи, хозяйства. Быль очень скрытенъ, но тутъ нервность одолѣвала, хотя изобличала ее только отрывистая, дрожащая рѣчь. И, чтобы уже совсѣмъ растревожить его, Тихонъ Ильичъ участливо спрашивалъ:

— Не радуется? Скажи, пожалуйста! И все изъ-за бабы?

Яковъ, озираясь, скребъ ногтями грудь.

— Изъ-за бабы, родимецъ ее расшиби...

— Ревнуетъ?

— Ревнуетъ. Въ снохачи меня... записали.

— Хмъ!—участливо отзывается Тихонъ Ильичъ, хотя отлично зналъ, что не безъ огня тутъ дымъ.

А у Якова уже бѣгали глаза.

— Тамъ нажалилась мужу, тамъ нажалилась! Да что—отравить хотѣла! Иной разъ, къ примѣру, остудишься... покуришь маленько... Ну, и запримѣтила... Да и сунула мнѣ подъ подушку цыгарку... Кабы не глянулъ—пропалъ бы!

— Что-жъ за цыгарка такая?

— Костей мертвыхъ натолкла, да замѣсто табаку и всыпала...

— То-то малый-то дуракъ! Поучилъ бы ее, анаемому, по-русски!

— Куда тебѣ! Мнѣ же, къ примѣру, на грудь полѣзъ. А самъ какъ змѣй вьется... Ухвачу за голову, анъ голова-то стриженная! Ухвачу за пельки... рубаху драть жалко!

Тихонъ Ильичъ качалъ головой, молчалъ минуту и, наконецъ, рѣшался:

— Ну, а какъ у васъ тамъ? Все бунту ждете?

Но тутъ скрытность сразу возвращалась къ Якову. Онъ усмѣхался и махалъ рукой.

— Ну!—скороговоркой бормоталъ онъ.—Какого тамъ рожна — бунту! У насъ народъ смирный... Смирный народъ...

И натягивалъ вожжи, будто не стоитъ лошадь.

— А сходка - то зачѣмъ въ воскресенье была?—вдругъ злобно кидалъ Тихонъ Ильичъ.

— Сходка-то?... А чума ихъ знаетъ! Погалдѣли, къ примѣру...

— Знаю, о чемъ галдѣли-то! Знаю!

— Да что-жъ, я и не таюсь... Болтали, къ примѣру, что вышла, молъ, распоряженіе... вышла будто распоряженіе—никакъ не работать по прежней цѣнѣ...

Очень обидно было думать, что изъ-за какой-то Дурновки руки отваливаются отъ всякаго дѣла. И дворовъ-то въ этой Дурновкѣ всего три десятка. И лежить-то она въ чертовой яругѣ: широкой оврагъ, на одномъ боку—избы, на другомъ—усадебка. И переглядывается она съ избами и со двоя на день ждетъ какого-то „распоряженія“... Эхъ, взять бы нѣсколько казаковъ съ плетями!

Но „распоряженіе“ таки вышло. Пронесся въ одно изъ воскресній слухъ, что въ Дурновкѣ — сходка, вырабатывается планъ наступленія на усадьбу. Съ злобно-радостными глазами, съ ощущеніемъ необычной силы и дерзости, съ готовностью „самому чорту рога сломать“, Тихонъ Ильичъ крикнулъ „запречь въ бѣгунки жеребчика“ и черезъ десять минутъ уже гналъ его вдоль шоссе къ Дурновкѣ. Солнце садилось послѣ дождливаго дня въ сѣро-красныя тучи, стволы въ березовомъ лѣсочкѣ были алые, проселокъ, рѣзко выдѣлявшійся черно-фіолетовой грязью среди свѣжей зелени, былъ тяжелъ. Съ ляшекъ жеребчика, съ шлеи, ерзавшей по нимъ, падала розовая пѣна. Но не до жеребчика было. Крѣпко щелкая по немъ вожжами, Тихонъ Ильичъ свернулъ отъ будки влѣво, вдоль чугунокки, взялъ направо, на изволокъ, полевой дорогой и, увидавъ Дурновку, на минуту усомнился въ правдивости слуховъ о бунтѣ. Мирная тишина была вокругъ, мирно пѣли свои вечернія пѣсни жаворонки, просто и спокойно пахло влажной землей и сладостью полевыхъ цвѣтовъ... Но вдругъ взглядъ его упалъ на пары возлѣ усадьбы, густо усѣянные желтымъ донникомъ: на парахъ пасся мужицкій табунъ! Началось, значитъ! И, крѣпко передернувъ вожжи, Тихонъ Ильичъ пролетѣлъ мимо табуна, мимо риги, заросшей лопухами и крапивой, мимо низкорослаго вишневаго сада, полнаго воробьями, мимо конюшни и людской избы и, вскочивъ во дворъ, оторопѣлъ еще болѣе: дворъ былъ пустъ—хоть шаромъ покати!

А потомъ творилось что-то несуразное: въ сумеркахъ, замирая отъ злобы, обиды и страха, Тихонъ Ильичъ сидѣлъ въ полѣ на бѣгункахъ. Сердце его колотилось, руки дрожали, лицо горѣло, слухъ былъ

чутокъ, какъ у звѣря. Онъ сидѣлъ, слушалъ крики, доносившіеся изъ Дурновки, и вспоминалъ, какъ толпа показавшаяся огромной, повалила, завидя его, черезъ оврагъ къ усадьбѣ, наполнила дворъ галдой и бранью, сгрудилась у крыльца и прижала его къ двери. Въ рукахъ у него былъ только кнутъ. И онъ махалъ имъ, то отступая, то отчаянно кидаясь въ толпу. Но еще шире и смѣлѣе махалъ палкой наступавшій шорникъ,—злой, поджарый, съ провалившимся животомъ, востроносый, въ сапогахъ и въ лиловой ситцевой рубахѣ. Онъ отъ лица всей толпы, — дико было видѣть въ ней Николку Сѣраго, самаго нищаго мужичонку во всей Дурновкѣ, Чугунка, Якова!—оралъ, что вышло распоряженіе „пошабашить это дѣло“—пошабашить въ одинъ и тотъ же день и часть по всей губерніи: согнать изъ всѣхъ усадьбъ и экономій постороннихъ батраковъ, заступитъ на ихъ работу мѣстнымъ,—по цѣлковому на день!—а хозяевъ турить въ три шеи, куда ихъ глаза глядятъ. И Тихонъ Ильичъ оралъ еще неистовѣе, стараясь заглушить шорника:

— А-а! Вотъ какъ! Навострился, бродяга, у дьяконова сына? Насобачился?

И шорникъ, какъ собака хлѣбъ, на лету ловилъ его слова.

— Ты бродяга-то!—до сипоты вопилъ онъ, наливаясь кровью. — Ты, дуракъ, сѣдой! Ай я безъ дьяконова-то сына не жилъ? Ай я не знаю, сколько земли-то у тебя? Сколько, кошкoderъ? Двѣсти? А у меня—чортъ!—у меня ее и всей-то съ твое крыльцо! А почему? Кто ты такой? Кто ты такой есть, спрашиваю я тебя? Изъ какихъ такихъ квасовъ?

— Ну, помни-и, Митька!—крикнулъ, наконецъ, Тихонъ Ильичъ безпомощно и, чувствуя, что голова его

мутится, кинулся сквозь толпу къ бѣгункамъ.— Помни ты это себѣ!

Но никто не боялся угрозъ— и дружный гоготь, ревъ и свистъ понеслись ему во слѣдъ... А ночью онъ колесилъ вокругъ усадьбы, замиралъ, слушалъ. Онъ выѣзжалъ на дорогу, на перекрестокъ и становился лицомъ къ зарѣ, къ станціи, готовый каждую минуту ударить по лошади. Было очень тихо, тепло, сыро и темно. Земля, поднимаясь къ горизонту, гдѣ еще тлѣлъ красноватый слабый свѣтъ, была черна, какъ пропасть.

— С-стой, стерва!— сквозь зубы шепталъ Тихонъ Ильичъ шевелившейся лошади.— Сто-ой!

А издали доносились то крики, то хохотъ, то пѣсни. И изо всѣхъ голосовъ выдѣлялся голосъ Ваньки Краснаго, уже два раза побывавшаго на Донецкихъ шахтахъ... А потомъ надъ усадьбой вдругъ поднялся дымно-огненный столбъ: мужики отрясли въ саду всю завязь, зажгли шалашъ— и пистолетъ, забытый въ шалашѣ сбѣжавшимъ мѣщаниномъ-садовникомъ, сталъ палить изъ огня...

Впослѣдствіи узнали, что, и правда, совершилось чудо: въ одинъ и тотъ же день и часъ вѣбунтовались мужики чуть не по всему уѣзду. И гостиницы города долго были переполнены помѣщиками, искавшими защиты у властей. Но впослѣдствіи Тихонъ Ильичъ съ великимъ стыдомъ вспоминалъ, что искалъ и онъ ея: ибо бунтъ-то весь кончился тѣмъ, что поорали дурновцы, побезобразничали, да и смолкли. Шорникъ вскорѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять сталъ появляться въ лавкѣ на Ворглѣ и почтительно снимать шапку на порогѣ, точно не замѣчая, что Тихонъ Ильичъ въ лицѣ темнѣетъ отъ злобы при его появленіи. Однако,

еще ходили слухи, что собираются дурновцы убить Тихона Ильича. И онъ побаивался запаздывать на пути изъ Дурновки, ощупывалъ въ карманѣ огромный бульдогъ, надоѣдливо оттягивавшій карманъ шароваръ, давалъ себѣ клятву сжечь до тла Дурновку въ одну прекрасную ночь... отравить воду въ дурновскихъ прудахъ... Потомъ прекратились и слухи. Но Тихонъ Ильичъ сталъ твердо подумывать развязаться съ Дурновкой. „Не тѣ деньги, что у бабушки, а тѣ, что въ пазушкѣ!“ Да и посмѣлѣли мужики въ обращеніи, появилась у нихъ какая-то загадочная освѣдомленность...

-- Да ты въ газетахъ это, что ли, читалъ?— спросилъ разъ Тихонъ Ильичъ заику Кобыляя, прославившагося тѣмъ, что его однажды „поймали“ въ табунѣ.

— Въ ггазетахъ?— удивился Кобыляя.— А ккто ихъ... намъ ддавалъ?

И правда: никто не давалъ. Но знали дурновцы прямо-таки „всю подноготную“, и ужъ по одному этому глупо было поручать надзоръ и веденіе дѣлъ въ усадьбѣ работникамъ изъ дурновцевъ... Да и старостой-то былъ Родька.

Въ этотъ годъ,— самый тревожный изъ всѣхъ послѣднихъ,— Тихону Ильичу сравнялось уже пятьдесятъ. И мысль о томъ, что жизнь пошла, подъ гору, опять стала овладѣвать имъ. Овладѣвало порою и смутное желаніе какъ-нибудь измѣнить ее. Но жилъ онъ все по прежнему. Неожиданные слухи, неожиданныя событія, неожиданныя настроенія то и дѣло выбивали изъ привычной колеи. Но ненадолго: надо всѣмъ, по прежнему, господствовали только заботы о наживѣ, да мечта— стать отцомъ. И вотъ она-то и столкнула его съ Родькой.

Родька, долговзвѣый, хмурый малый изъ Ульяновки, пошелъ назадъ тому два года во дворъ къ брату Якова,

Федоту. Женился, скоронилъ Федота, умершаго съ перепоя на свадьбѣ, и отбылъ въ солдаты. А молодая,—стройная, съ очень бѣлой, нѣжной кожей, съ тонкимъ румянцемъ, съ вѣчно опущенными рѣсницами,—стала работать въ усадьбѣ—на поденщинѣ. И эти рѣсницы волновали страшно. Носятъ дурновскія бабы „рога“ на головѣ: какъ только изъ-подъ вѣнца, косы кладутся на макушкѣ, покрываются платкомъ и образуютъ нѣчто дикое, коровье. Носятъ старинныя темно-лиловыя паневы съ позументами, бѣлый передникъ въ родѣ сарафана и лапти. Но Молодая,—за ней такъ и осталась эта кличка,—была и въ этомъ нарядѣ хороша. И однажды вечеромъ, въ темной ригѣ, гдѣ Молодая одна дومتала колось, Тихонъ Ильичъ, оглянувшись, быстро подошелъ къ ней и быстро, задыхаясь, сказалъ:

— Въ полсапожкахъ ходить будешь, въ платкахъ шелковыхъ... Четвертого не пожалѣю!

Но Молодая молчала, какъ убитая.

— Слышишь, что ли?—шопотомъ крикнулъ Тихонъ Ильичъ.

Но Молодая точно окаменѣла, склонивъ голову и кидая граблями.

И такъ онъ и не добился ничего—за цѣлыхъ два года. Какъ вдругъ явился Родька: раньше срока, кривой. Было это вскорѣ послѣ бунта дурновцевъ, и Тихонъ Ильичъ тотчасъ же нанялъ Родьку вмѣстѣ съ женой въ дурновскую усадьбу, ссылаясь на то, что „безъ солдата теперь не обойдешься“. Подъ Ильинъ день Родька уѣхалъ въ городъ, а Молодая мыла полы въ домѣ. Шагая черезъ лужи, Тихонъ Ильичъ вошелъ въ комнату, глянулъ на склонившуюся къ полу Молодую, на ея бѣлыя икры, забрызганныя грязной водой, на все ея раздавленное и пополнѣвшее тѣло... И

вдругъ щелкнулъ ключомъ въ двери и, какъ-то особенно ловко владѣя своей силой и желаніемъ, шагнулъ къ Молодой. Она быстро выпрямилась, подняла возбужденное, раскраснѣвшееся лицо и, держа въ рукѣ мокрую ветошку, весело крикнула:

— Такъ и смажу тебя, малый!

Пахло горячими помоями, но еще сильнѣй горячимъ тѣломъ, потомъ... И, схвативъ руку Молодой, звѣрски стиснувъ ее, тряхнувъ и выбивъ ветошку, Тихонъ Ильичъ правой рукой поймалъ Молодую за талію, прижалъ къ себѣ, да такъ, что хрустнули кости,—и понесъ въ другую комнату, гдѣ была постель. И откинувъ голову, расширивъ глаза, Молодая уже не билась, не противилась...

Стало послѣ этого мучительно видѣть жену, мучительно видѣть Родьку,—звать, что онъ спитъ съ Молодой, что онъ свирѣпо бьетъ ее—ежедневно и еженощно. А вскорѣ стало и жутко. Неисповѣдимы пути, по которымъ доходить до правды ревнивый человѣкъ. И Родька дошелъ. Худой, кривой, длиннорукій и сильный, какъ обезьяна, съ маленькой коротко стриженной черной головой, которую онъ всегда гнулъ, глядя глубоко запавшимъ блестящимъ глазомъ исподлобья, онъ сталъ страшень. Въ солдатахъ онъ нахватался хохлацкихъ словъ и удареній. И если Молодая осмѣливалась возражать ему на его краткія, жесткія рѣчи, онъ спокойно бралъ ременный кнутъ, подходилъ къ ней съ злой усмѣшкой и, сквозь зубы, спокойно спрашивалъ:

— Вы что говорите?

И такъ вытягивалъ ее, что у нея въ глазахъ темнѣло.

Разъ наткнулся на эту расправу самъ Тихонъ Ильичъ и, не выдержавъ, крикнулъ:

— Что ты дѣлаешь, мерзавецъ ты этакій?

Но Родька спокойно сѣлъ на лавку и только исподлобья глянулъ на него:

— Вы что говорите?—спросилъ онъ тихо.

И Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ хлопнуть дверью...

Стали мелькать уже дикія мысли: отравить жену, — напимѣръ, угаромъ, — подстроить такъ, чтобы Родьку гдѣ-нибудь придавило крышей, иль землей... Но пошелъ мѣсяць, пошелъ другой — и надежда, та надежда, которая и опьянила-то этими мыслями, жестоко обманула: Молодая не забеременѣла. Всѣ въ Дурновкѣ были убѣждены, что виноватъ Родька. Былъ убѣжденъ въ этомъ и Тихонъ Ильичъ — и надѣялся крѣпко. Но однажды въ серединѣ сентября, неожиданно явившись въ усадьбу, когда Родька былъ на станціи, Тихонъ Ильичъ такъ и ахнулъ, глянувъ на перекосившееся отъ испуга женственно-прекрасное лицо Молодой.

— Ай опять готова?—крикнулъ онъ, взбѣгая на крыльцо.

И у Молодой побѣлѣли губы, восковымъ сталъ носъ, до столбняка почернѣли и расширились глаза. Она ожидала смертельнаго удара въ голову и невольно откинула ее. Но Тихонъ Ильичъ сдержался — онъ смогъ только одинъ разъ ударить ее по щекѣ, да простоналъ отъ боли и бѣшенства...

Черезъ минуту онъ уѣхалъ обратно — и съ тѣхъ поръ Родькѣ не было повода ревновать. И, почувствовавъ это, Родька сталъ робѣть Тихона Ильича. А у того таилось теперь лишь одно желаніе: прогнать его съ глазъ долой, да поскорѣ... Но кѣмъ было замѣнить его?

Съ дурновцами Тихонъ Ильичъ держался еще на чеку. Станового, урядника зазывалъ въ гости, подпай-

валъ. А какая была отъ нихъ польза? Урядникъ, — его фамилія была Орловъ, но онъ дѣлалъ удареніе на первомъ слогѣ, — заѣзжалъ, да только и дѣлалъ, заѣхавъ, что пилъ, — „за здоровье глубокоуважаемой Анастасіи Петровны!“ — закусывалъ, форсилъ своимъ свободомыслиемъ, очень развязно критикуя „примѣръ-министра“ и не давая хозяину и двухъ словъ сказать о своихъ дѣлахъ. А, ночуя, спалъ себѣ до десяти часовъ, да еще и одѣвался хозяйской чуйкой, выставляя изъ-подъ нея грязныя худыя ноги съ длинными, какъ у собаки, ногтями.

Выручилъ случай. Неожиданно Тихонъ Ильичъ помирился съ братомъ и уговорилъ его взять на себя управленіе Дурновкой.

Узналъ онъ отъ знакомаго въ городѣ, что Кузьма бросилъ пить, овдовѣлъ, живетъ уже третій годъ конторщикомъ у помѣщика Касаткина и, что всего удивительнѣе, — „сталъ авторомъ“. Да, напечатали будто бы цѣлую книжку его стиховъ и на оборотѣ обозначили: „складъ у автора“.

— Та-акъ-съ! — протянулъ Тихонъ Ильичъ, услышавши это. — Онъ — Кузьма, а ничего! И что же, позвольте спросить, такъ и напечатали: сочиненіе Кузьмы Красова?

— Все честь честью, — отвѣтилъ знакомый, твердо вѣрившій, впрочемъ, — какъ и многіе въ городѣ, — что стихи свои Кузьма „сдираетъ“ изъ книгъ, изъ журналовъ.

Тогда Тихонъ Ильичъ, не сходя съ мѣста, за столомъ въ трактирѣ Даева, написалъ брату твердую и краткую записку: пора старикамъ помириться, покаяться. Въ трактирѣ же произошло и примиреніе — почти безмолвное и быстрое. А на другой день и дѣловой разговоръ.

Было утро, въ трактирѣ еще пусто. Солнце свѣтило въ запыленные окна, озаряло столики, крытые сыроватыми красными скатертями, темный, только что вымытый отрубями полъ, пахнуцій конюшной, половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и бѣлыхъ штанахъ. Въ клѣткѣ на всѣ лады, какъ не живая, какъ заведенная, заливалась канарейка. Рядомъ, у Михаила Архангела, звонили къ обѣднѣ, и важно-веселый густой звонъ сотрясалъ стекла, дрожа гудѣлъ надъ головой. Тихонь Ильичъ, съ нервнымъ и серьезнымъ лицомъ, сѣлъ за столъ, потребовалъ сперва только пару чаю, но не утерпѣлъ и взялся за карточку, — новость, смѣшившую всѣхъ посѣтителей Даева. На карточкѣ было крупно напечатано: „Графинчикъ водки съ закуской—25 к. Гафинчикъ водки съ приличной закуской — 40 к.“ И Тихонь Ильичъ потребовалъ графинчикъ за сорокъ копеекъ; съ жадностью выпилъ двѣ рюмки и уже хотѣлъ выпить третью, какъ надъ его ухомъ раздался давно знакомый голосъ:

— Ну, еще здравствуй.

Одѣвался Кузьма такъ же, какъ и братъ. Былъ онъ ниже его ростомъ, костистѣе, суше, въ плечахъ чуть шире. Было у него большое, худое, слегка скуластое лицо умнаго старика-лавочника изъ мужиковъ, накупленные сѣрыя брови, небольшіе зеленоватые глаза, простой и твердый взглядъ. Но началъ онъ не просто:

— Спервоначалу изложу я тебѣ, Тихонь Ильичъ, — началъ онъ, какъ только Тихонь Ильичъ налилъ ему чаю. — Изложу тебѣ, кто я такой, чтобъ ты зналъ... — Онъ усмѣхнулся. — Съ кѣмъ ты связываешься...

И у него была манера отчеканивать слоги, поднимать брови, разстегивать и застегивать при разговорѣ

пиджакъ на верхнюю пуговицу. И, застегнувшись, онъ продолжалъ:

— Я, видишь ли, — анархистъ...

Тихонь Ильичъ вскинулъ бровями.

— Не бойся. Политикой я не занимаюсь. А думать никому не закажешь. И вреда тебѣ тутъ — никакого. Буду хозяйствовать исправно, но, прямо говорю, — драть шкуръ не буду.

— Да и времена не тѣ, — вздохнулъ Тихонь Ильичъ.

— Ну, времена-то все тѣ же. Можно еще, — драть-то. Да нѣтъ, не годится. Буду хозяйствовать, свободное время отдамъ саморазвитію... Чтенію, то-есть.

— Охъ, имѣй въ виду: считаешься — въ карманѣ не досчитаешься! — сказалъ, тряхнувъ головой и дернувъ кончикомъ губы Тихонь Ильичъ. — Да, пожалуй, и не наше это дѣло.

— Ну, я такъ не думаю, — возразилъ Кузьма. — Я братъ, — какъ бы это тебѣ сказать? — странный русскій типъ!

— Я и самъ русскій человѣкъ, имѣй въ виду, — вставилъ Тихонь Ильичъ.

— Да иной. Не хочу сказать, что я лучше тебя, но — иной. Ты вотъ, вижу, гордишься, что ты русскій, а я, братъ, охъ, далеко не славянофилъ! Много баять не подобаетъ, но скажу одно: не хвалитесь вы, за ради Бога, что вы — русскіе! Дикій мы народъ, сонный, расхлябистый. Ни Богу свѣча, ни чорту кочерга... Да мы еще потолкуемъ объ этомъ впослѣдствіи времени.

Тихонь Ильичъ, нахмуриваясь, побарабанилъ пальцами по столу.

— Это-то, пожалуй, правильно, — сказалъ онъ и медленно налилъ рюмку. — Дикій народъ.

— Ну, вотъ то-то и есть. Я, могу сказать, довольно-

таки пошатался по-свѣту,—ну и что-жь?—прямо нигдѣ не видалъ скучнѣе и лѣнивѣе типовъ. А кто и не лѣнивъ,—покосился Кузьма на брата,—такъ и въ томъ толку нѣтъ. Рветъ, гандобить себѣ гнѣздо, а толку что?

— Какъ же такъ — толку что? — спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Да такъ. Вить его, гнѣздо-то, тоже надо со смысломъ. Совью, молъ, да и поживу по-человѣчески. Вотъ этимъ-то, да вотъ этимъ-то.

И Кузьма постучалъ себя пальцемъ въ грудь и въ лобъ.

Тихонъ Ильичъ налилъ себѣ второй стаканъ чаю. Кузьма, надѣвъ серебряное пенсне, хлебаль съ блюдечка горячую янтарную водицу, а онъ пристально поглядѣлъ на него блестящими глазами и, что-то соображая, сказалъ:

— Намъ, братъ, видно, не до этого. „Поживи-ка у деревни, похлебай-ка сѣрыхъ щей, поноси худыхъ лаптей!“

— Нашивали!—отозвался Кузьма.— Вторую тыщу лѣтъ, братъ, таскаемъ. Вторую тыщу живемъ, губы растрепавши... На чорта воду возимъ. А кто виновать? На это такъ скажу: пора бы и постыдиться все на сосѣда да на сосѣда вину валить! Татары, видишь ли, задавили! Мы, видишь ли, народъ молодой! Да вѣдь авось и тамъ-то, въ Европѣ-то, тоже давили не мало—монголы-то всякіе. Авось и германцы-то не старше... Ну, да это разговоръ особый.

— Вѣрно! — сказалъ Тихонъ Ильичъ. — Давай-ка лучше объ дѣлѣ поговоримъ.

Кузьма опрокинулъ пустой стаканъ на блюдечко, закурилъ и сталъ договаривать:

— Въ церковь я не хожу...

— Значить, ты молоканъ?—спросилъ Тихонъ Ильичъ и подумалъ: „Пропалъ я! Видно, надо развязываться съ Дурновкой!“

— Въ родѣ молокана,—усмѣхнулся Кузьма.— Да, а ты-то ходишь? Ты вѣдь съ роду и не думалъ объ Немъ, по-настоящему-то! Кабы не страхъ, да не нуждишка,— и совсѣмъ забылъ бы.

— Ну, это не я первый, не я послѣдній, — возразилъ Тихонъ Ильичъ, опять нахмуриваясь. — Всѣ грѣшны. Да вѣдь сказано: за одинъ вздохъ все прощается.

Кузьма покачалъ головою.

— Говоришь привычное! — сказалъ онъ строго. — А ты остановись да подумай: какъ же это такъ? Жилъ свиньей всю жизнь, вздохнулъ — и все какъ рукой сняло! Есть тутъ смыслъ, ай нѣтъ?

Разговоръ становился тяжелымъ. „Правильно и это“, — подумалъ Тихонъ Ильичъ, глядя въ столъ блестящими глазами. Но, какъ всегда, хотѣлось уклониться отъ думъ и разговора о Богѣ, о жизни, и онъ сказалъ первое, что подвернулось на языкъ:

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ! — подхватилъ Кузьма, стуча ногтемъ по столу. — Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово — одно, а дѣло — другое! Русская, братъ, музыка: жить по свинячьи скверно, а все-таки живу и буду жить по свинячьи!.. Типъ, братъ, ты! Типъ! — Ну, а теперь говори дѣло...

Звонъ смолкъ, канарейка стихла. Въ трактиръ набирался народъ, за столиками разрастался говоръ. Половой открылъ одно окно, — послышался говоръ и съ базара. Но выходило оно не на самый базаръ, а въ

проходной закоулочекъ, гдѣ останавливались, — и потянуло острымъ запахомъ нашатыря и сырости. Гдѣ-то въ лавкѣ удивительно четко и звонко билъ перепелъ. И пока шель дѣловой разговоръ, Кузьма все прислушивался къ нему и порою вполголоса подхватывалъ: „Ловко!“ А договорившись, хлопнулъ по столу ладонью, энергично сказалъ: „Ну, значитъ, такъ, — не стать перетакивать!“ и, запустивъ руку въ боковой карманъ пиджака, вынулъ цѣлую кипу бумагъ и бумажекъ, на шель среди нихъ въ мраморно-сѣрой обложкѣ книжечку и положилъ ее передъ братомъ.

— Вотъ!—сказалъ онъ.—Уступаю твоей просьбѣ, да своей слабости. Книжонка плохая, стихи необдуманые, давнишніе... Но дѣлать нечего. На, бери и прячь.

И опять Тихона Ильича, уже сильно раскраснѣвагося отъ водки, взволновало сознание, что братъ его—авторъ, что на этой мраморно-сѣрой обложкѣ напечатано: „Стихотворенія К. И. Красова“. Онъ повертѣлъ книжку въ рукахъ и несмѣло сказалъ:

— А то бы прочиталъ что-нибудь... А? Ужъ сдѣлай милость, прочти стишка три-четыре!

И опустивъ голову, слегка волнуясь, далеко отставивъ отъ себя книжку и строго глядя на нее сквозь стекла, Кузьма сталъ читать то, что обычно читаютъ самоучки: подражанія Кольцову, Никитину, жалобы на судьбу и нужду, вызовы заходящей тучѣ-непогодѣ... Вѣрно, и самъ чувствовалъ онъ, что старо все это и фальшиво. Но за чужой, фальшивой формой была правда, — то, что когда-то сильно и остро переживалось, — и на худыхъ скулахъ выступали пятна, голось порою дрожалъ. Блестѣли глаза и у Тихона Ильича. Неважно было, хороши или дурны стихи, — важно то, что сочинилъ ихъ его родной братъ, бѣднякъ, простой

человѣкъ, отъ котораго пахло махоркой и старыми опойковыми сапогами...

— А у насъ, Кузьма Ильичъ, — сказалъ онъ, когда Кузьма смолкъ и, снявъ пенсне, потупился, — а у насъ одна пѣсня...

И неприятно, горько дернулъ губою:

— У насъ одна пѣсня: почему щетина?

Водворивъ брата въ Дурновкѣ, онъ принялся за эту пѣсню еще охотнѣе, чѣмъ прежде. Передъ тѣмъ, какъ сдать брату на руки Дурновку, онъ придрался къ Родькѣ изъ-за новыхъ гужей, съѣденныхъ собаками, и отказалъ ему. Родька дерзко усмѣхнулся въ отвѣтъ и спокойно пошелъ въ избу собирать свое добро. Молодая выслушала отказъ тоже какъ-будто спокойно, — она, разоидясь съ Тихономъ Ильичемъ, опять взяла манеру молчать и не глядѣтъ ему въ глаза. Но черезъ полчаса, уже собравшись, Родька пришелъ вмѣстѣ съ ней просить прощенія. Молодая стояла на порогѣ, блѣдная, съ опухшими отъ слезъ вѣками, и молчала; Родька гнулъ голову, мялъ картузь и тоже пытался плакать, — противно гримасничалъ, а Тихонъ Ильичъ сидѣлъ за столомъ, косилъ бровями и, мотая головою, щелкалъ на счетахъ. Всѣ трое не могли поднять глазъ, — особенно Молодая, чувствовавшая себя виноватой больше всѣхъ, — и мольбы остались тщетны: смилостивился Тихонъ Ильичъ только въ одномъ — не вычелъ за гужи.

Теперь онъ былъ твердъ. Отдѣлываясь отъ Родьки и передавая дѣла брату, онъ чувствовалъ себя бодро, ладно. „Ненадеженъ братъ, пустой, кажись, человѣкъ, ну, да куда сойдетъ!“ И, возвратясь на Ворголь, спокойно и безъ усталости хлопоталъ весь октябрь. Настасья Петровна все прихварывала—у нея пухли и желтѣли ноги, руки, лицо, — и Тихонъ Ильичъ уже

подумывалъ порою о ея смерти и все снисходительнѣе относился къ ея слабости, къ ея бесполезности въ дѣлахъ по дому и въ лавкѣ. И, какъ бы въ ладъ съ его настроеніемъ, весь октябрь стояла чудесная погода, солнечная, ясная и бодрая... Но погода переломилась, — смѣнилась бурей, ливнями, — а въ Дурновкѣ случилось нѣчто совершенно неожиданное.

Родька работалъ въ октябрѣ на линіи чугулки, а Молодая безъ дѣла жила дома, терпѣла попреки матери, томилась ожиданіемъ мѣста, только изрѣдка зарабатывала пятіалтынный, двугривенный въ саду при усадьбѣ. Но вела себя странно: дома молчала, плакала, а въ саду была рѣзко весела, хохотала и, не смолкая, пѣла пѣсни вмѣстѣ съ Донькой Макаровой, очень глупой и красивой дѣвкой, похожей на египтянку и прозванной: Коза, — вѣрно за глупость, рѣзкія движенія и ничего не выражающіе глаза. Коза жила съ мѣщаниномъ, снимавшимъ садъ, а Молодая, почему-то подружившаяся съ ней, вызывающе поглядывала на его брата, нахальнаго малаго лѣтъ восемнадцати, и, поглядывая, намекала въ пѣсняхъ, что она по комъ-то сохнетъ. Было ли у нея съ нимъ что-нибудь, неизвѣстно, но только кончилось все это большой бѣдой: уѣзжая подѣ Казанскую въ городъ, мѣщане устроили у себя въ шалашѣ „вечерокъ“, — пригласили Козу и Молодую, всю ночь играли на двухъ ливенкахъ, распѣвали пѣсни, кормили подругъ жамками, поили чаемъ и водкой, а на разсвѣтъ, когда уже запрягли телѣгу, внезапно, съ хохотомъ, повалили пьяную Молодую на-земь, связали ей руки, подняли юбки, собрали ихъ въ жгутъ надъ головою и стали закручивать веревкой. Коза кинулась бѣжать, забилась со страху въ мокрые бурьяны, а когда выглянула изъ нихъ, — послѣ того, какъ телѣга съ мѣ-

щанами шибко покатила вонъ изъ сада, — то увидѣла, что Молодая, по поясъ голая, виситъ на деревѣ. Былъ печальный туманный разсвѣтъ, по саду шепталь мелкій дождикъ, Коза плакала въ три ручья, зубъ на зубъ не попадала, развязывая Молодую, клялась отцомъ-матерью, что скорѣе ее, Козу, громомъ убьетъ, чѣмъ узнаютъ на деревнѣ, что случилось въ саду... Но не сравнялось и недѣли, какъ пошли по Дурновкѣ слухи о позорѣ Молодой.

Провѣрить эти слухи, было, конечно, невозможно: „видѣтъ—никто не видалъ, ну, а Коза-то и сбредить недорого возьметъ“. Да и сама Молодая, постарѣвшая за эту недѣлю лѣтъ на пять, отвѣчала на нихъ столь наглою бранью, что даже мать пугалась ея лица въ такія минуты. Однако, разговоры, вызванные слухами, не прекращались, и всѣ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали прихода Родьки и его расправы съ женой. Волнуясь, — опять выбившись изъ колеи, — ожидалъ и Тихонъ Ильичъ, узнавшій исторію въ саду отъ своихъ работниковъ: вѣдь исторія-то могла кончиться убійствомъ! Но кончилась она такъ неожиданно, что еще неизвѣстно, что поразило бы Дурновку сильнѣе, — убійство или такой конецъ: въ ночь послѣ Михайлова дня Родька, пришедшій домой „рубаху смѣнить“ и пальцемъ не тронувшій Молодую, умеръ „отъ живота“! На Ворглѣ стало извѣстно объ этомъ поздно вечеромъ, но Тихонъ Ильичъ тотчасъ же приказалъ запретъ лошадей и въ темнотѣ, подѣ дождемъ, понесся къ брату. И сгоряча, выпивъ за чаемъ бутылку наливки, въ страстныхъ выраженіяхъ, съ бѣгающими глазами, покаялся ему:

— Мой грѣхъ, братъ, мой грѣхъ!

Кузьма долго молчалъ, выслушавъ его, долго хо-

дилъ по комнатѣ, перебирая пальцы, ломая ихъ и хрустя суставами. Наконецъ сказалъ:

— Вотъ ты и подумай: есть ли кто люте нашего народа? Въ городѣ за воришкой, схватившимъ съ лотка лепешку грошовую, весь обжорный рядъ гонится, а нагонитъ—мыломъ его кормить. На пожаръ, на драку весь городъ бѣжить, да вѣдь какъ жалѣеть-то, что пожаръ, али драка скоро кончились! Не мотай, не мотай головой-то: жалѣеть! А какъ наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьетъ смертнымъ боемъ, али мальчишку дереть, какъ сидорову козу, али потѣшается надъ нимъ? Это-то ужъ самая что ни на есть веселая тема! „У кого, ребята, ножикъ есть? Давайте ему портки скинемъ, давайте ему вырѣжемъ!..“

Тихонъ Ильичъ и спросилъ:

— Да ты это къ чему?

— Къ празднику!—сердито отозвался Кузьма и продолжалъ:

— Вотъ тутъ по Дурновкѣ дурочка Феша шляется. Такъ ребята послѣднія тринки несутъ,—посадятъ ее на выгонѣ и давай лупить по стриженной головѣ щелчками: по тринкѣ десять щелчковъ! И по злобѣ что ли это? По злобѣ-то, по злобѣ, да по дурацкой какой-то, будь она проклята!.. Ну, вотъ такъ-то и съ Молодой.

— Имѣй въ виду,—горячо перебилъ Тихонъ Ильичъ,—охальниковъ и дураковъ всегда и вездѣ было много.

— Такъ. А ты самъ не привозилъ этого... ну, какъ его?..

— Мотю-Утиную-Головку, что ли?—спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Ну, вотъ, вотъ... Не привозилъ ты его къ себѣ на потѣху?

И Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: привозилъ. Разъ даже по чугункѣ доставили къ нему Мотю—въ бочкѣ сахарной. До города рукой подать, начальство знакомое—ну, и доставили. А на бочкѣ написали: „Осторожно. Дуракъ битый“.

— И учать этихъ самыхъ дураковъ для потѣхи рукоблудству!—горько продолжалъ Кузьма.—Мажуть бѣднымъ невѣстамъ ворота дегтемъ! Травятъ нищихъ собаками! Для забавы голубей сшибаютъ съ крышъ камнями! А ѣсть этихъ голубей, видите ли,—грѣхъ великій. Самъ Духъ Святой, видите ли, голубиный образъ принимаетъ!

Самоваръ давно остылъ, свѣчка оплыла, въ комнатѣ тускло синѣлъ дымъ, вся полоскательница и подносъ полны были вонючими размокшими окурками. Вентиляторъ—жестяная труба въ верхнемъ углу окна—былъ открытъ, и порою въ немъ что-то начинало визжать, кружиться и скучно-скучно ныть—„какъ въ волостномъ правленіи“—думалъ Тихонъ Ильичъ. Но накурено было такъ, что не помогли бы и десять вентиляторовъ. А по крышѣ шумѣлъ дождь, а Кузьма ходилъ, какъ маятникъ, изъ угла въ уголъ и говорилъ:

— А пословицы наши, Тихонъ Ильичъ? „За битаго двухъ не битыхъ даютъ“... „Престота хуже воровства“...

— Значить, по твоему, дуракомъ-то распоясаннымъ лучше жить?—насмѣшливо спросилъ Тихонъ Ильичъ.

И Кузьма, не отвѣтивъ, только радостно подхватилъ его слова:

— Ну, вотъ, вотъ! Нѣту во всемъ свѣтѣ голѣе насъ, да зато и нѣту охальнѣе на эту самую голѣ. Чѣмъ позлѣй уязвить? Бѣдностью! „Чортъ! Тебѣ лопать нечего...“ Да вотъ тебѣ примѣръ: Дениска... ну, этотъ... сынъ Сѣраго-то... сапожникъ... на-дняхъ и говоритъ мнѣ...

— Стой,—перебилъ Тихонъ Ильичъ,—а какъ поживаетъ самъ Сѣрый?

— Дениска говорить — „съ голоду околѣваетъ“.

— Стерва мужикъ!—сказалъ Тихонъ Ильичъ убѣжденно.—И ты мнѣ про него пѣсенъ не пой.

— Я и не пою,—сердито отвѣтилъ Кузьма.—А слѣдовало бы. Фамиліе-то его, вѣдь, Красовъ... Ну, да это разговоръ особый... Слушай лучше про Дениску-то. Вотъ онъ и рассказываетъ мнѣ: „Бывало, въ голодный годъ, выйдемъ мы, подмастерья, подъ кладбище на Черной Слободѣ, а тамъ этихъ приститутокъ—видимо-невидимо. И голодныя, шкуры, преголодныя! Дашь ей полхунта хлѣба за всю работу, а она и сожретъ его весь подъ тобой... То-то смѣху было!..“ — Замѣть! — строго крикнулъ Кузьма, останавливаясь.—„То-то смѣху было!“

— Да постой ты, Христа ради,—опять перебилъ Тихонъ Ильичъ,—дай мнѣ про дѣло-то слово сказать! Кузьма остановился.

— Ну, говори,—сказалъ онъ.—Только чтó говорить-то? Какъ быть тебѣ? Да никакъ! Денегъ имъ дать — вотъ и вся недолга. Вѣдь ты подумай: топить нечѣмъ, ѣсть нечего, хоронить не на что. Значить, самое святое дѣло—денегъ дать... Ну, и еще чего-нибудь: картошекъ, соломки возъ, другой... А Молодую — нанять. Ко мнѣ, въ кухарки...

И у Тихона Ильича сразу точно камень съ души свалился. Онъ торопливо вынулъ кошелекъ, выхватилъ десятирублевку, радостно согласился и на все прочее... И вдругъ опять страдальчески и скороговоркой спросилъ:

— А не отравила она его?

Но Кузьма только плечами пожалъ въ отвѣтъ.

Отравила, нѣтъ ли, объ этомъ страшно было и думать. И домой уѣхалъ Тихонъ Ильичъ чѣмъ свѣтъ, холоднымъ туманнымъ утромъ, когда еще пахло мокрыми гумнами и дымомъ, сонно пѣли пѣтухи на деревнѣ, скрытой туманомъ, спали собаки у крыльца, спала старая палевая ивдюшка, возгроздзясь на сукъ полуголой, расцвѣченной мертвыми осенними листьями яблони возлѣ дома. Въ полѣ въ двухъ шагахъ ничего не было видно за густой сѣрой мглой, гонимой вѣтромъ. Спать Тихону Ильичу не хотѣлось, но чувствовалъ онъ себя измученнымъ и, какъ всегда, шибко гналъ лошадь, большую гнѣдую кобылу съ подвязаннымъ хвостомъ, намокшую и казавшуюся худѣй, щеголеватѣй, чернѣе. Онъ отвернулся отъ вѣтра, приподнялъ справа холодный и влажный воротникъ чуйки, серебрившейся отъ мельчайшаго дождевого бисера, сплошь покрывшаго ее, глядѣлъ сквозь холодныя капельки, висѣвшія на рѣсницахъ, какъ все толще наворачивается липкій черноземъ на бѣгущее колесо, какъ стоитъ передъ нимъ и не проходитъ цѣлый фонтанъ высоко толкущихся комьевъ грязи, уже залѣпившихъ его сапоги и колѣни, косился на работающую ляжку лошади, на ея прижатые затуманенныя уши... А когда онъ, съ пестрымъ отъ грязи лицомъ, подлетѣлъ, наконецъ, къ дому, первое, что кинулось ему въ глаза, была лошадь Якова у коновязи. Быстро замотавъ вожжи на передокъ, онъ соскочилъ съ бѣгунковъ, подбѣжалъ къ отворенной двери лавки—и въ испугѣ остановился.

— Далдо-онъ! — говорила за стойкой Настасья Петровна, видимо подражая ему, Тихону Ильичу, но большимъ ласковымъ голосомъ и все ниже склонялась къ ящику съ деньгами, роясь въ гремящихъ мѣдякахъ

и не находя въ темнотѣ монеты для сдачи.—Далдонъ! Гдѣ онъ нынче дешевле-то?

И, не найдя, разогнулась, поглядѣла на стоящаго передъ ней въ шапкѣ и армякѣ, но босого Якова, на его слегка приподнятое лицо и косую бороду неопредѣленнаго цвѣта и прибавила:

— А не отравила она его?

И Яковъ поспѣшно, сердито пробормоталъ:

— Не наша дѣло, Петровна... Чума ее знает... Наша дѣло—сторона... Сторона, къ примѣру..

И весь день у Тихона Ильича дрожали руки при воспоминаніи объ этомъ бормотаньѣ..

Опять разладилась его жизнь! Тайна, къ счастью, такъ и осталась тайной;—Родьку причастили передъ смертью, Молодая голосила, провожая гробъ, такъ искренно, что была даже неприлична, —вѣдь эта голосьба должна быть не выраженіемъ чувствъ, а исполненіемъ обряда,—и мало-по-малу тревога Тихона Ильича улеглась. Но еще долго, долго ходилъ онъ грознѣе тучи.

Послѣ похоронъ Родьки,—когда уже опредѣлилось, что бѣда миновала,—онъ почему-то сталъ уговаривать жену съѣздить погостить къ княжнѣ или къ знакомымъ въ городъ; но отлучиться ей было нельзя—били и солили овецъ, рубили капусту — и пришлось всѣми силами затаивать въ душѣ непонятную злобу къ этой несчастной, совсѣмъ чужой ему старухѣ. А когда она, наконецъ, уѣхала—въ городъ, на поминки „подружки“,—стало бѣсить то, что нѣтъ и вовѣки не будетъ у него помощника, что работники—дураки и лѣнтыя, что погода изъ рукъ вонъ, —нѣтъ ни проходу, ни проѣзду отъ дождя и грязи,—что скука—прямо смертная..

Хлопотъ было еще по горло, — какъ всегда, — а по-

мощниковъ — нѣтъ. Въ батраки Тихонъ Ильичъ нанималъ только „полѣтчиковъ“ — до осеннихъ заговѣнь. И они уже разошлись. Остались только годовые, — кухарка, старикъ-караульщикъ, прозванный Жмыхомъ, да малый лѣтъ семнадцати, Оська, лѣнивый и злой,— „олухъ царя небеснаго“. Овецъ рѣзали и солили, но двадцать штукъ зазимовало-таки. Въ закутѣ сидѣло шесть черныхъ, вѣчно угрюмыхъ и чѣмъ-то недовольныхъ кабановъ. На варкѣ стояло три коровы, бычокъ, красная телушка. На дворѣ — одиннадцать лошадей, а на стойлѣ—сивый жеребецъ, злой, тяжелый, гривастый, грудастый, — мужикъ, но рублей въ четыреста: отецъ аттестатъ имѣлъ, полторы тысячи стоилъ. И все это требовало глѣза, да глѣза.

Передъ вечеромъ, послѣ отъѣзда Настасьи Петровны, по шоссе, мимо двора проходилъ съ ружьемъ за плечами начальникъ почтоваго отдѣленія въ Ульяновкѣ, Антонъ Марковичъ Сахаровъ, извѣстный своей страстью къ выпискѣ прейсъ-курантовъ — ружейныхъ, сѣменныхъ, музыкальныхъ — и такимъ свирѣпымъ обращеніемъ съ мужиками, что они говорили: „Подаешь письмо—руки-ноги трясутся!“ Тихонъ Ильичъ вышелъ, отъ скуки, къ нему подъ дорогу. Приподнявъ бровь онъ глянулъ на почтаря и подумалъ:

— Дуракъ старикъ. Ишь, слоны слоняетъ по грязи.

И дружелюбно крикнулъ:

— Съ полемъ, что ли, Антонъ Маркычъ?

Почтарь остановился. Тихонъ Ильичъ подошелъ и поздоровался.

— Съ полемъ, говорю, ай нѣтъ?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— Ну, какое тамъ поле!—сумрачно отвѣтилъ почтарь, огромный, сутулый, съ густыми сѣрыми волосами, тор-

чавшими изъ ушей и поздрей, съ большими бровными дугами и глубоко запавшими глазами,—настоящая горилла.—Такъ, прошелся ради геморроя,—сказаль онъ, особенно старательно выговаривая послѣднее слово.

— А имѣйте въ виду,—съ неожиданной горячностью отозвался Тихонъ Ильичъ, протягивая руку съ растопыренными пальцами,—имѣйте въ виду: совсѣмъ опустѣли наши палестины! Званія не осталось—что птицы, что звѣря-сь.

— Лѣса вездѣ вырубили,—сказаль почтарь.

— Да еще какъ-сь! Какъ вырубили-то-сь! Подъ гребеночку!—подхватилъ Тихонъ Ильичъ.

И неожиданно прибавилъ:

— Линяеть-сь. Все линяеть-сь!..

Почему сорвалось съ языка это слово, Тихонъ Ильичъ и самъ не зналъ, но чувствовалъ, что сказано оно все-таки не даромъ. „Все линяеть,—думаль онъ,—вотъ, какъ скотина послѣ долгой и трудной зимы“... И, простившись съ почтаремъ, долго стоялъ на шоссе, недовольно поглядываль кругомъ. Опять накрапываль дождь, дуль неприятный мокрый вѣтеръ. Надъ волнистыми полями — озимями, пашнями, жнивьями и коричневыми перелѣсками—темнѣло. Сумрачное небо все ниже спускалось къ землѣ. Оловомъ поблескивали залитыя дождемъ дороги. На станціи ждали почтового поѣзда, опаздывавшаго каждый день часа на полтора. Только по звонкамъ, гудкамъ, грохоту, запаху каменнаго угля и самоваровъ узнавали на дворѣ, что онъ приходитъ и уходитъ,—станцію загораживали постройки. Пахло и теперь самоваромъ, и это будило тоскливое желаніе уюта, теплой чистой комнаты, семьи, или отъѣзда куда-нибудь... Но вдругъ чувство это смѣнилось удивленіемъ: изъ голага Ульяновскаго лѣса вышелъ и направился

къ шоссе человекъ—въ котелкѣ и одномъ пиджакѣ,—и, приглядѣвшись, Тихонъ Ильичъ узналь Жихарева, давно спившагося съ круга сына богатаго помѣщика. Сердце неприятно сжалось. „Да все равно ужъ,—подумаль Тихонъ Ильичъ съ тоской,—лучше поболтать съ нимъ, дать, въ крайности, полтинникъ... Не стоить злить бродягу, злого человекъ...“

Однако, Жихаревъ подошелъ на этотъ разъ довольно гордо, ежась, но закинувъ голову въ своемъ босяцкомъ котелкѣ и играя сжатыми челюстями—жуя мундштукъ давно потухшей и выкуренной папиросы. Лицо его было сизо отъ холода, припухло отъ пьянства, глаза красны, усики взъерошены. Поднявъ воротникъ однобортнаго наглухо застегнутаго пиджака и засунувъ кончики пальцевъ въ карманы, онъ бодро шлепаль по грязи растрепанными желтыми ботинками на шнурахъ, торчавшими изъ-подъ короткихъ, съ вытянутыми колѣнками панталонъ.

— А-а!—протянулъ онъ сквозь зубы, жуя окурокъ.—Кого я вижу! Самъ Тихонъ Ѳомичъ обзрѣваетъ свои владѣнія!

И хрипло засмѣялся.

— Здравствуйте-сь, Левъ Львовичъ,—степенно отозвался Тихонъ Ильичъ.—Поѣзда ждете?

— Да, жду—и не дождусь никакъ!—пожалъ плечами Жихаревъ.—Ждалъ, ждалъ,—побрелъ отъ скуки къ лѣснику. Поболтали, покурили... Но ждать, еще, вѣроятно, цѣлую вѣчность! Не встрѣтимся на станціи? Вы вѣдь, кажется, любите... за воротникъ-то заложить?

— Богъ миловаль,—отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ прежнимъ тономъ.—Выпить отчего не выпить, да на все время надо знать.

— Толкуйте!—хрипло сказалъ Жихаревъ, довольно

легко перепрыгнувъ лужу и, какъ бы позабывъ о Тихонѣ Ильичѣ, гуляющимъ шагомъ пошелъ къ станціи.

Видъ у него былъ жалкій, и Тихонъ Ильичъ долго съ брезгливостью смотрѣлъ на его панталончики, кулькомъ торчавшія изъ-подъ короткаго пиджачка.

„Уѣдетъ или не уѣдетъ? — подумалъ онъ. — Мало веселаго, если будетъ ночью по близости шататься!“

Ночью опять лилъ дождь, темъ была, хотъ глазъ выколи. Спалъ Тихонъ Ильичъ плохо, мучительно скрипѣлъ зубами. Его знобило, — вѣрно, „иростылъ“, стоя вечеромъ на шоссе, — чуйка, которой онъ одѣлся, сползала на полъ, и тогда снилось то, что преслѣдовало съ самага дѣтства, когда по ночамъ зябла спина: сумерки, какіе-то узкіе переулки, бѣгущая толпа, скачущіе на тяжелыхъ телѣгахъ, на злыхъ воронныхъ ботикахъ пожарные... Разъ онъ очнулся, зажегъ спичку, глянулъ на тикающіе часы, — они показывали три, — поднялъ чуйку и, засыпая, опять съ тоской вспомнилъ о Жихаревѣ. И, сквозь сонъ, стала тревожить неотступная мысль: обворуютъ лавку, сведутъ лошадей...

Иногда казалось, что онъ на постояломъ дворѣ въ Данковѣ, что ночной дождь шумитъ по навѣсу воротъ и поминутно дергается, звонитъ колоколецъ надъ ними, — пріѣхали воры, привели въ эту непроглядную темъ его жеребца и, если узнаютъ, что онъ тутъ, убьютъ его... Иногда же возвращалось сознаніе дѣйствительности. Но и дѣйствительность была тревожна. Старикъ ходилъ подъ окнами съ колотушкой, но то казалось, что онъ гдѣ-то далеко, далеко, то овчарка, захлебываясь, рвала кого-то, съ бурнымъ лаемъ убѣгала въ поле и вдругъ снова появлялась подъ окнами и будила, упорно брехала, стоя на одномъ мѣстѣ. Тогда Тихонъ Ильичъ собирался выйти, глянуть, — что такое, все ли въ по-

рядкѣ. Но какъ только доходило до того, чтобы рѣшиться и встать, какъ гуще и чаще начиналъ стрекотать въ темныя окошечки крупный косою дождь, гонимый вѣтромъ изъ темныхъ безпредѣльныхъ полей, и милый отца-матери казался сонъ...

Наконецъ, стукнула дверь, понесло сырымъ холодомъ — и караульщикъ Жмыхъ, шурша, втащилъ въ прихожую вязанку соломы. Тихонъ Ильичъ открылъ глаза: было шесть, мутно, водянисто свѣтало, окошечки были потныя.

— Протопи, протопи, братуша, — сказали Тихонъ Ильичъ сиплымъ со сна голосомъ. — Да пойдемъ кормочку дадимъ, да и иди себѣ спать.

Старикъ, похудѣвшій за ночь, весь синій отъ холода, сырости и усталости, глянулъ на него провалившимися мертвыми глазами. Въ мокрой шапкѣ, въ мокромъ короткомъ чекменишкѣ и растрепанныхъ лаптяхъ, насыщенныхъ водой и грязью, онъ что-то глухо заворчалъ, съ трудомъ становясь на колѣни передъ печкой, набивая ее холодной пахучей старновкой и вздувая сѣрникъ.

— Ай языкъ-то корова отжевала? — сипло крикнулъ Тихонъ Ильичъ, слѣзая съ постели и поднимая съ полу чуйку. — Что подъ носъ-то бубнишь?

— Цѣльную ночь шатался, теперъ — кормочку давай, — пробормоталъ старикъ, не поднимая головы, какъ бы самъ съ собою.

Тихонъ Ильичъ покосился на него:

— Видѣлъ я, какъ ты шатался!

Онъ чувствовалъ себя разбитымъ, но все-таки надѣлъ поддевку и, пересиливая мелкую дрожь въ животѣ, вышелъ на истоптанное собаками, крылечко, на ледяную свѣжесть блѣднаго ненастнаго утра. Всюду

налило свинцовыхъ лужь, всѣ стѣны потемнѣли отъ дождя...#

— Работнички! — подумалъ Тихонъ Ильичъ злобно.

Чуть моросило, но, вѣрно, къ обѣду опять польетъ, — подумалъ онъ. И съ удивленіемъ глянулъ на лохматого Буяна, кинувшагося къ нему изъ-подъ амбара: лапы въ грязи, но самъ — какъ кипень, глаза блестятъ, языкъ свѣжъ и красенъ, какъ огонь, здоровое горячее дыханіе такъ и пышетъ псиной... И это послѣ цѣлой ночи бѣготни и лая!

Онъ взялъ Буяна за ошейникъ и, шлепая по грязи, обошелъ, оглядѣлъ всѣ замки. Потомъ привязалъ его на цѣпь подъ амбаромъ, вернулся въ сѣни и заглянулъ въ большую кухню, въ избу. Въ избѣ противно и тепло воняло, кухарка спала, какъ убитая, на голомъ коникѣ, подъ святыми, закрывъ лицо фартукомъ, поджавъ подъ него руки, выставивъ кострець и подогнувъ къ животу ноги въ старыхъ большихъ валенкахъ съ толсто натоптанными по земляному полу подошвами. Оська лежалъ на нарахъ, внизъ лицомъ, въ полушубкѣ, въ лаптяхъ, уткнувъ голову въ сальную тяжелую подушку.

— Связался чортъ съ младенцемъ! — подумалъ Тихонъ Ильичъ съ отвращеніемъ. — Ишь, всю ночь распутничала, а подъ утро — на лавочку.

И, оглянувъ черныя стѣны, маленькія окошечки, лохань съ помоями, громадную плечистую печь, стоявъ въ мертвой тишинѣ и вони, громко и строго крикнулъ:

— Эй! Господа-бояре! Пора и честь знать.

Пока кухарка, почесываясь и зѣвая, затапливала печку, варила кабанамъ картошки и раздувала самоваръ, Оська, безъ шапки, спотыкаясь отъ дремоты,

таскалъ хоботье лошадямъ и коровамъ. Тихонъ Ильичъ самъ отперъ скрипучія ворота варка и первый вошелъ въ его теплый и грязный уютъ, обнесенный навѣсами, денниками и закутами. Выше щиколки былъ уважень варокъ. Навозъ, моча, дождь — все слилось и образовало густую коричневую жижу. Лошади, уже темнѣя бархатной зимней шерстью, бродили подъ навѣсами. Овцы грязно-сѣрой волнующейся массой сбились въ одинъ уголь. Старый бурый меринъ одиноко, отвѣсивъ уши и нижнюю губу, дремалъ возлѣ пустыхъ яслей, измазанныхъ тѣстомъ рѣзки. Съ непривѣтливаго ненастнаго неба надъ квадратомъ двора моросило и моросило, но меринъ ничего не замѣчалъ. Кабаны болѣзненно, настойчиво ныли и урчали въ закутѣ.

— Скука! — подумалъ Тихонъ Ильичъ и тотчасъ же свирѣпо гаркнулъ на старика, тащившаго вязанку старновки:

— Куда въ грязь-то валишь, старая транда?

Старикъ бросилъ старновку на-земь, поглядѣлъ на него и спокойно сказалъ:

— Отъ транды слышу.

Тихонъ Ильичъ быстро оглянулся, — вышелъ ли малый, — и, убѣдившись, что вышелъ, быстро и тоже какъ будто спокойно подошелъ къ старику, далъ ему въ зубы, да такъ, что тотъ головой мотнулъ, схватилъ его за шиворотъ и изо всей силы пустилъ къ воротамъ.

— Вонь! — крикнулъ онъ, задохнувшись и поблѣднѣвъ какъ мѣль. — Чтобъ твоего и духу здѣсь не пахло больше, рвань ты этакая!

Старикъ вылетѣлъ за ворота — и черезъ пять минутъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукѣ, уже шагаль по шоссе, къ Ульяновкѣ, домой. А Тихонъ Ильичъ трясущимися руками напоилъ жеребца, самъ

засыпалъ ему свѣжаго овса, — вчерашній онъ только перерылъ, переслюнявилъ, — и, широко шагая, утоная въ жиждъ и навозѣ, пошелъ въ избу.

— Готово, что ли? — крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь.

— Поспѣешь! — огрызнулась кухарка.

Избу застилало теплымъ прѣснымъ паромъ, валившимъ изъ чугуна, отъ картошекъ. Кухарка, вмѣстѣ съ малымъ, яростно толкла ихъ толкачами, посыпая мукой, и за стукомъ Тихонъ Ильичъ не слышалъ отвѣта. Хлопнувъ дверью, онъ пошелъ пить чай.

Въ маленькой прихожей онъ поддалъ ногой грязную тяжелую попону, лежавшую у порога, и направился въ уголь, гдѣ, надъ табуреткой съ оловяннымъ тазомъ, былъ прибитъ мѣдный рукомойникъ и на полочкѣ лежалъ обмызанный кусочекъ кокосоваго мыла. Онъ уже успокоился, но, гремя рукомойникомъ, еще долго косилъ, двигалъ бровями, раздувалъ ноздри, не могъ остановить злого, бѣгающаго взгляда и съ особенной отчетливостью говорилъ:

— Хм! Нѣтъ, каковы работнички-съ? Сладу съ ними нынче не стало! Скажи ты ему слово — онъ тебѣ десять! Скажи ему десять — онъ тебѣ сто! Да нѣтъ, брешешь! Авось не къ лѣту, авось васъ, чертей, много! Къ зимѣ-то, братъ, жрать захочешь, — придеешь, сукинъ сынъ, приде-ешь, покло-о-нишься!

Утирка, служившая и хозяевамъ, и постояльцамъ, висѣла возлѣ рукомойника съ Михайлова дня. Она была очень длинна и такъ затерта, что, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ стиснулъ челюсти.

— Охъ! — сказалъ онъ, закрывая глаза и трясая головой. — Охъ, мати Царица небесная!

И, швырнувъ утирку на полъ, утерся шитымъ подоломъ рубахи, выпущенной изъ-подъ жилета.

Двѣ двери вели изъ прихожей. Одна, налѣво, — въ комнату для прѣзжающихъ, длинную, полутемную, окошечками на варокъ; стояли въ ней два большихъ дивана, жесткихъ, какъ камень, обитыхъ черной клеенкой, переполненныхъ и живыми, и раздавленными, высохшими клопами, а на простѣнкѣ висѣлъ портретъ какого-то генерала съ лихими бобровыми бакенбардами; портретъ окаймляли маленькіе портреты героевъ русско-турецкой войны, а внизу была подпись: ~~—~~

„Долго будутъ дѣти наши и славянскіе братушки помнить славныя дѣла, какъ отецъ нашъ, воинъ смѣлый, Сулейманъ-пашу разбилъ, побѣдилъ враговъ невѣрныхъ и прошелъ съ дѣтьми своими по такимъ крутизнамъ, гдѣ носились лишь туманы да пернатые цари“.

Другая дверь вела въ комнату хозяевъ. Тамъ, направо, возлѣ двери, блестѣла стеклами горка, налѣво бѣлѣла печь-лежанка; печь когда-то треснула, ее, по бѣлому, замазали глиной — и получились очертанія чего-то въ родѣ изломаннаго худого челоуѣка, крѣпко надоѣвшаго Тихону Ильичу. За печью высилась двухспальная постель; надъ постелью былъ прибитъ коверъ мутно-зеленыхъ и кирпичныхъ шерстей съ изображеніемъ тигра, усатаго, съ торчащими кошачьими ушами. Противъ двери, у стѣны, стоялъ комодъ, крытый вязанной скатертью, на скатерти — вѣнчалъ шкатулка Настасьи Петровны; въ шкатулкѣ лежали условія съ работниками, пузырьки съ давно испортившимися лекарствами, спички, ключики отъ часовъ...

— Въ лавку пожалуйста! — крикнула, пріотворивъ дверь, кухарка.

— Успѣется съ козами на базарь! — сердито отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ — и поспѣшно вышелъ.

Дали затянуло водянистымъ туманомъ, опять стано-

засыпалъ ему свѣжаго овса, — вчерашній онъ только перерылъ, переслюнявилъ, — и, широко шагая, утоная въ жиждъ и навозъ, пошелъ въ избу.

— Готово, что ли? — крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь.

— Поспѣешь! — огрызнулась кухарка.

Избу застилало теплымъ прѣснымъ паромъ, валившимъ изъ чугуна, отъ картошекъ. Кухарка, вмѣстѣ съ малымъ, яростно толкла ихъ толкачами, посыпая мукой, и за стукомъ Тихонъ Ильичъ не слышалъ отвѣта. Хлопнувъ дверью, онъ пошелъ пить чай.

Въ маленькой прихожей онъ поддалъ ногой грязную тяжелую попону, лежавшую у порога, и направился въ уголь, гдѣ, надъ табуреткой съ оловяннымъ тазомъ, былъ прибитъ мѣдный рукомойникъ и на полочкѣ лежалъ обмызганный кусочекъ кокосоваго мыла. Онъ уже успокоился, но, гремя рукомойникомъ, еще долго косилъ, двигалъ бровями, раздувалъ ноздри, не могъ остановить злого, бѣгающаго взгляда и съ особенной отчетливостью говорилъ:

— Хм! Нѣтъ, каковы работнички-съ? Сладу съ ними нынче не стало! Скажи ты ему слово — онъ тебѣ десять! Скажи ему десять — онъ тебѣ сто! Да нѣтъ, брешешь! Авось не къ лѣту, авось васъ, чертей, много! Къ зимѣ-то, братъ, жрать захочешь, — придеешь, сукинъ сынъ, приде-ешь, покло-о-нишься!

Утирка, служившая и хозяевамъ, и постояльцамъ, висѣла возлѣ рукомойника съ Михайлова дня. Она была очень длинна и такъ затерта, что, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ стиснулъ челюсти.

— Охъ! — сказалъ онъ, закрывая глаза и тряся головой. — Охъ, мати Царица небесная!

И, швырнувъ утирку на полъ, утерся шитымъ подоломъ рубахи, выпущенной изъ-подъ жилета.

Двѣ двери вели изъ прихожей. Одна, налѣво, — въ комнату для прѣзжающихъ, длинную, полутемную, окошечками на варокъ; стояли въ ней два большихъ дивана, жесткихъ, какъ камень, обитыхъ черной клеенкой, переполненныхъ и живыми, и раздавленными, высохшими клопами, а на простѣнкѣ висѣлъ портретъ какого-то генерала съ лихими бобровыми бакенбардами; портретъ окаймляли маленькіе портреты героевъ русско-турецкой войны, а внизу была подпись: —

„Долго будутъ дѣти наши и славянскіе братушки помнить славныя дѣла, какъ отецъ нашъ, воинъ смѣлый, Сулейманъ-пашу разбилъ, побѣдилъ враговъ невѣрныхъ и прошелъ съ дѣтьми своими по такимъ крутизнамъ, гдѣ носились лишь туманы да пернатые цари“.

Другая дверь вела въ комнату хозяевъ. Тамъ, направо, возлѣ двери, блестѣла стеклами горка, налѣво бѣлѣла печь-лежанка; печь когда-то треснула, ее, по бѣлому, замазали глиной — и получились очертанія чего-то въ родѣ изломаннаго художественнаго человѣка, крѣпко надоѣвшаго Тихону Ильичу. За печью высилась двуспальная постель; надъ постелью былъ прибитъ коверъ мутно-зеленыхъ и кирпичныхъ шерстей съ изображеніемъ тигра, усатаго, съ торчащими кошачьими ушами. Противъ двери, у стѣны, стоялъ комодъ, крытый вязанной скатертью, на скатерти — вѣнчальная шкатулка Настасьи Петровны; въ шкатулкѣ лежали условія съ работниками, пузырьки съ давно испортившимися лекарствами, спички, ключики отъ часовъ...

— Въ лавку пожалуйте! — крикнула, пріотворивъ дверь, кухарка.

— Успѣется съ козами на базаръ! — сердито отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ — и поспѣшно вышелъ.

Дали затянуло водянистымъ туманомъ, опять стано-

вилось похоже на сумерки, моросилъ дождь, но вѣтеръ повернулъ, дулъ съ сѣвера—и воздухъ посвѣжѣлъ. Веселѣи и звончѣи, чѣмъ за всѣ послѣдніе дни, крикнулъ на станціи отходившій товарный поѣздъ.

— Здорово, Ильичъ,—сказалъ, кивая мокрой манчжурской папахой, трегубый мужикъ, державшій у крыльца мокрую пѣгую лошадь.

— Здорово,—кинулъ Тихонъ Ильичъ.—Что надо?

И, торопливо отпустивъ соли и керосину, торопливо вернулся въ горницы.

— Лба не дадутъ перекрестить! — бормоталъ онъ на ходу.

Самоваръ, стоявшій на столѣ возлѣ простѣнка, бурлилъ, клокоталъ, зеркальце, висѣвшее надъ столомъ, подернулось налетомъ бѣлаго пара. Отпотѣли окна и олеографія, прибитая подъ зеркаломъ,—огромный мужикъ въ желтомъ кафтанѣ и красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ російскимъ стягомъ въ рукахъ, изъ-за котораго глядѣлъ башнями и главами московскій кремль. Фотографическія карточки въ рамкахъ изъ раковинъ окружали эту картину. На самомъ почетномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ іерея въ муаровой рясѣ, съ рѣденькой бородкой, съ припухшими щеками и маленькими пронзительными глазками. И, взглянувъ на него, Тихонъ Ильичъ истово перекрестился на икону въ углу. Потомъ снялъ чайникъ съ бурлившаго самовара, налилъ стаканъ чаю, крѣпко пахнущаго распареннымъ вѣшникомъ, и сѣлъ.

— Лба не дадутъ перекрестить,—думалъ онъ, страдальчески морщась.—Зарѣзали, будь они прокляты!

Казалось, что нужно что-то вспомнить, сообразить, или просто лечь и выспаться какъ слѣдуетъ. Хотѣлось тепла, покоя, ясности, твердости мысли. Онъ всталъ,

подошелъ къ горкѣ, задребезжавшей стеклами и посудой, взялъ съ полки бутылку рябиновки, кубастенскій стаканчикъ, на которомъ было написано: „его же монаси приѣмлютъ“...

— Ай не надо?—сказалъ онъ вслухъ.

Но твердости не было. Въ головѣ, противъ воли, мелькнула прибаутка: „пить—умереть и не пить—умереть“. И онъ налилъ и выпилъ, еще налилъ и еще выпилъ. И, закусывая толстымъ кренделемъ, опять сѣлъ за столъ.

Онъ почувствовалъ пріятный ожогъ внутри, жадно хлебалъ съ блюдечка горячій чай, сосалъ, держа на языкѣ, кусочекъ сахара. Тѣлу стало лучше. Но душа продолжала жить своею жизнью, хмурой и тоскливой. Думы смѣняли одна другую, но толку въ нихъ не было. Онъ разсѣянно и подозрительно покосился, хлебая чай, на простѣнокъ, на мужика въ желтомъ кафтанѣ, на карточки въ рамкахъ изъ раковинъ и даже на іерея въ муаровой рясѣ.

— Не до лериги намъ, свиньямъ!—подумалъ онъ и, какъ бы оправдываясь передъ кѣмъ-то, грубо прибавилъ:—Поживи-ка у деревни, похлебай-ка кислыхъ щей!

Косясь на іерея, онъ чувствовалъ, что все сомнительно... даже, кажется, и обычное благоговѣніе его къ этому іерею... сомнительно и не продумано. Если подумать хорошенько... Но тутъ онъ поспѣшилъ перевести взглядъ на московскій кремль.

— Страмъ сказать!—пробормоталъ онъ.—Въ Москвѣ сроду не бывалъ!

Да, не бывалъ. А почему? Кабаны не велятъ! То торгашество не пускало, то постоялый дворъ, то кабакъ, то Дурновка... Теперь вотъ не пускаютъ жеребецъ, кабаны. Да что—Москва! Въ березовый лѣсишко, что за

шоссе, и то десять лѣтъ напрасно прособирался. Все надѣялся какъ-нибудь урвать свободный вечерокъ, захватить съ собой коверъ, самоваръ, посидѣть на травѣ, въ прохладѣ, въ зелени,—да такъ и не урвалъ... Какъ вода межъ пальцевъ, скользятъ дни, опомниться не успѣлъ—пятьдесятъ стукнуло, вотъ-вотъ и конецъ всему, а давно ли, кажись, безъ портокъ бѣгаль? Прямо—вчера!

Неподвижно и молча смотрѣли лица изъ рамокъ-раковинокъ. Вотъ сцена, которой никогда не было и не могло быть: на полу, среди густой ржи лежатъ двое—самъ Тихонъ Ильичъ и молодой купецъ Ростовцевъ—и держатъ въ рукахъ стаканы, ровно до половины налитые пивомъ. Какая дружба завязалась было между Ростовцевымъ и Тихономъ Ильичемъ! Какъ запомнился тотъ сѣрый масляничный день, когда снимались! Но въ какомъ году это было? Куда исчезъ Ростовцевъ? Умеръ въ Воронежѣ—и теперь нѣтъ даже увѣренности: жилъ онъ на свѣтѣ или нѣтъ... А вотъ стоять, вытянувшись во фронтъ и окаменѣвъ, три мѣщанина, гладко причесанные на прямой рядъ, въ вышитыхъ косовороткахъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ расчищенныхъ сапогахъ,—Бучневъ, Выставкинъ и Богомоловъ. Выставкинъ, тотъ что по срединѣ, держитъ передъ грудью хлѣбъ-соль на деревянной тарелкѣ, прикрытой полотенцемъ, расшитымъ пѣтухами, Бучневъ и Богомоловъ—по иконѣ. Эти снимались въ пыльный, вѣтренный день въ маѣ, когда освящали элеваторъ,—когда приѣзжали архіерей и губернаторъ, когда Тихонъ Ильичъ такъ гордъ былъ тѣмъ, что попалъ въ число публики, привѣтствовавшей начальство. Но что осталось въ памяти отъ этого дня? Только то, что часовъ пять ждали возлѣ элеватора, на новыхъ бурыхъ рельсахъ, прибытія губернатора, что

тучей летѣла бѣлая пыль по вѣтру, что запылены были и вагоны, и деревья, что губернаторъ, необыкновенно худой, длинный и чистый покойникъ въ бѣлыхъ штанахъ съ золотыми лампасами, въ камергерскомъ шитомъ золотомъ мундирѣ и треуголкѣ, шелъ къ депутаціи необыкновенно медленно, что было очень страшно, когда онъ заговорилъ, принимая хлѣбъ-соль, что всѣхъ поразили необыкновенной худой и бѣлизной его руки, ихъ кожа, тончайшая и блестящая, какъ снятая со змѣи шкурка, блестящіе размытые перстни и кольца на сухихъ тонкихъ пальцахъ съ прозрачными длинными ногтями... Теперь губернатора этого уже нѣтъ въ живыхъ, нѣтъ въ живыхъ и Выставкина... А черезъ пять, десять лѣтъ такъ же будутъ говорить и про Тихона Ильича:

— Покойный Тихонъ Ильичъ...

Въ горницѣ стало теплѣй и уютнѣй отъ нагрѣвшейся печки, зеркальце прояснилось, но за окнами ничего не было видно, стекла бѣлѣли матовымъ паромъ,—значить, на дворѣ свѣжѣло и свѣжѣло. Все слышнѣе доносился съ варка нудный стонъ голодныхъ кабановъ—и вдругъ этотъ стонъ превратился въ дружный и мощный ревъ: вѣрно, кабаны слышали голоса кухарки и Оськи, тащившихъ къ нимъ тяжелую лоханку съ мѣсивомъ. И, не кончивъ думъ о смерти, Тихонъ Ильичъ кинулъ папиросу въ полоскательницу, надернулъ поддевку и поспѣшилъ на варокъ. Широко и глубоко шагая по хлопающему навозу, онъ самъ отворилъ закуту—и долго не сводилъ жадныхъ и тоскливыхъ глазъ съ кабановъ, кинувшихся къ корыту, въ которое съ паромъ вывалили мѣсиво.

Думу о смерти перебывала другая: покойный-то, покойный, а этого покойнаго, можетъ быть, въ примѣръ

будутъ ставить. Кто онъ былъ? Сирота, нищій, въ дѣтствѣ не жравшій по два дня куска хлѣба... А теперь?

— Твою біографію жизни описать слѣдуетъ, — насмѣшливо сказалъ однажды Кузьма.

А насмѣхаться-то, пожалуй, и не надъ чѣмъ. Значить, была башка на плечахъ, если изъ нищаго, едва умѣвшаго читать мальчишки, вышелъ не Тишка, а Тихонъ Ильичъ...

Но вдругъ кухарка, тоже пристально глядѣвшая на кабановъ, тѣснившихъ другъ друга и залѣзавшихъ въ корыто передними ножками, икнула и сказала:

— Охъ, Господи! Кабы у насъ какой бѣды нынче не было. Вижу нынче во снѣ—нагнали къ намъ, будто, скотины на дворъ, — нагнали овецъ, коровъ, свиней всякихъ... Да все черныхъ, все черныхъ!..

И опять засосало сердце. Да, вотъ скотина эта самая! Отъ одной скотины удавиться можно. Трехъ часовъ не прошло,—опять берись за ключи, опять таскай кормъ всему двору. Въ общемъ денникъ—три дойныхъ коровы, въ отдѣльныхъ—красная телушка, быкъ Бисмаркъ: имъ теперь подавай сѣна. Лошадямъ, овцамъ въ обѣдъ полагается хоботье, а жеребцу—и самъ чортъ не придумаетъ, что! Совсѣмъ избаловался. Просунулъ морду въ рѣшетчатый верхъ двери и что-то нюхаетъ, гримасничаетъ: поднялъ верхнюю губу, обнажилъ розовыя десны и бѣлые зубы, искажилъ ноздри... И Тихонъ Ильичъ, съ неожиданнымъ для самого себя бѣшенствомъ, вдругъ зыкнулъ на него:

— Балуй, анаема, разрази тебя громомъ!

Опять онъ промочилъ ноги, прозябъ—шла крупа—и опять выпилъ рябиновки. Ълъ картошки съ подсолнечнымъ масломъ и солеными огурцами, щи съ грибной

подбивкой, пшениную кашу... Лицо раскраснѣлось, голова отяжелѣла.

— „Восемьдесятъ шесть утенкокъ“, прочелъ онъ на косякѣ окна, гдѣ Настасья Петровна вела карандашомъ кое-какія хозяйственныя записи, и мутно ухмыльнулся. Вѣрно говорить Кузьма: своего собственнаго языка не знаемъ. „Восемьдесятъ шесть утенкокъ“ — покаковски это, спрашивается? А то разъ захотѣлось ему варенья клубничнаго,—выпивши былъ,—открылъ онъ низъ горшки, сталъ перебирать банки, а на банкахъ—ярлычки съ надписями Настасьи Петровны: „Колубнико“. И съ злымъ удовольствіемъ вспомнилось, какъ выставила однажды Настасья Петровна горшки съ цвѣтами на крыльцо, подъ дождь, а со двора выскочилъ кабанъ Ѳомка и—давай чавкать фікусы. Работники кинулись къ нему, а онъ рванулъ цвѣтокъ, вырвалъ изъ горшка съ корнемъ и былъ таковъ... Батюшки, какой гвалтъ подняла Настасья Петровна!

— Пикусъ сожралъ! Пикусъ сожралъ!

— Вотъ тебѣ и пикусъ!—сказалъ Тихонъ Ильичъ, раздувая ноздри.

Отъ водки, ѣды и безтолковыхъ утомительныхъ мыслей клонило голову. Не раздѣваясь,—только стащивъ ногу объ ногу грязные сапоги,—онъ легъ на постель. Но тревожило то, что придется вотъ-вотъ опять вставать лошадямъ, коровамъ и овцамъ надо къ вечеру задать овсяной соломы, жеребцу—тоже... или нѣтъ, лучше перебить ее съ сѣномъ, а потомъ полить и посолить хорошенько. Только вѣдь непременно проспипь, если дашь себѣ волю. И Тихонъ Ильичъ потянулся къ комоду, взялъ будильникъ и сталъ заводить его. И будильникъ сразу ожилъ, застучалъ—и въ горницѣ

стало какъ будто-покойниѣ, веселѣй подѣ его бѣгущій мѣрный стукъ. Мысли спутались...

Но только что спутались, какъ внезапно раздалось грубое и громкое церковное пѣніе. Въ испугѣ открывъ глаза, Тихонъ Ильичъ сперва разобралъ только одно: орутъ въ носѣ два мужика, а изъ прихожей несетъ холодомъ и запахомъ мокрыхъ чекменей, прѣющихъ лаптей и онучъ. Потомъ вскочилъ, сѣлъ и, разглядѣвъ, что это за мужики, вдругъ почувствовалъ, какъ у него заколотилось сердце: одинъ былъ слѣпецъ, — большой, рябой, съ маленькимъ носомъ, длинной верхней губой, выстриженной, какъ у сумасшедшаго, и съ большимъ круглымъ черепомъ, остриженнымъ по-хохлацки, а другой — самъ Макаръ Ивановичъ!

Былъ Макаръ Ивановичъ когда-то просто Макарой — такъ и звали всѣ: „Макарка - Странникъ“ — и зашелъ однажды въ кабакъ къ Тихону Ильичу. Брелъ куда-то по шоссе — въ лаптяхъ, скуфьѣ и засаленномъ подрясникѣ, — и зашелъ. Въ рукахъ — высокая палка, выкрашенная мѣдянкой, съ крестомъ на верхнемъ концѣ и съ копьемъ — на нижнемъ, за плечами — ранецъ и солдатская манерка; волосы длинные, желтые; лицо — широкое, цвѣта замазки, ноздри — огромныя, нахальныя, какъ два ружейныхъ дула, носъ — переломленный, въ родѣ сѣдельнаго арчака, а глаза, какъ это часто бываетъ при такихъ носахъ, — свѣтлыя, остро-блестящія. Безстыжій, смѣтливый, жадно курившій цыгарку за цыгаркой и пускавшій дымъ въ ноздри, говорившій грубо и отрывисто, тономъ, совершенно исключаящимъ возраженія, онъ очень понравился Тихону Ильичу и какъ разъ за этотъ тонъ, — за то, что сразу было видно: „прожженный сукинъ сынъ“.

И Тихонъ Ильичъ оставилъ его у себя — за подруч-

наго. Скинулъ съ него бродяжью одежду и оставилъ. Но воровъ Макарка оказался такимъ, что пришлось жестоко избить его и прогнать. А черезъ годъ Макарка на весь уѣздъ прославился прорицаніями, — настолько зловѣщими, что его посѣщеніи стали бояться, какъ огня. Подойдетъ къ кому-нибудь подѣ окно, заунывно затыветъ „со святыми упокой“, или подастъ кусочекъ ладану, щепотку пыли — и ужъ не обойтись тому дому безъ покойника.

Теперь Макарка, въ своей прежней одеждѣ и съ палкой въ рукѣ, стоялъ у порога и пѣлъ. Слепой подхватывалъ, подкатывая блѣдно-бирюзовые глаза подѣ лобъ, и по той несоразмѣрности, которая была въ его чертахъ, Тихонъ Ильичъ сразу опредѣлилъ его, какъ бѣглаго каторжника, страшнаго и безпощаднаго звѣря. Но еще страшнѣе было то, что пѣли эти бродяги. Слепой, сумрачно шевеля поднятыми бровями, смѣло заливался мерзкимъ гнусавымъ теноромъ. Макарка, остро блестя неподвижными глазами, гудѣлъ свирѣпымъ басомъ. Выходило что-то не въ мѣру громкое, грубо-стройное, древне-церковное, властное и грозящее:

Расплачется мать сыра - земля, разрыдается! —

заливался слѣпой.

Ра-спла-че-тся, раз-ры-да-ется! —

убѣжденно и рѣзко вторилъ Макарка.

Передъ Спасомъ, передъ Образомъ, —

вопилъ слѣпой.

Авось, грѣшники покаются! —

угрожалъ Макарка, раскрывая нахальныя ноздри. И сливая свой басъ съ теноромъ слѣпого, твердо выговаривалъ:

Не минуютъ суда Божьго!
Не минуютъ огня вѣчнаго!

И вдругъ оборвалъ—въ ладъ со слѣпымъ,—крякнулъ и просто, своимъ обычнымъ дерзкимъ тономъ, приказалъ:

— Пожалуйте, купецъ, погрѣться.

И, не дождавшись отвѣта, шагнулъ черезъ порогъ, подошелъ къ постели и сунулъ Тихону Ильичу въ руки какую-то картинку.

Это была простая вырѣзка изъ журнала „Родина“, но, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ почувствовалъ внезапный холодъ подъ ложечкой. Подъ картинкой, — гнущаяся отъ бури деревья, бѣлый зизгагъ по тучамъ и падающій человѣкъ,— была подпись:

Жанъ-Поль-Рихтеръ, убитый молніей.

И Тихонъ Ильичъ опѣшилъ.

Но тотчасъ же и опомнился. „Ахъ, сукинъ сынъ!“ — подумалъ онъ. И медленно изорвавъ картинку на мелкіе клочки, кинулъ клочки на полъ. Потомъ слѣзъ съ постели и, натягивая сапоги, сказалъ:

— Ты напугивай кого подурѣе меня. Я-то, братъ, хорошо знакомъ съ тобою! Получи, что слѣдуетъ, и — съ Богомъ.

Потомъ пошелъ въ лавку, вынесъ Макаркѣ, стоявшему со слѣпымъ возлѣ крыльца, два фунта кренделей, пару селедокъ и повторилъ еще строже:

— Съ Господомъ!

— А табачку?—нахально спросилъ Макарка.

— Табачку—къ одному бочку.

Макарка ухмыльнулся.

— Такъ!—сказалъ онъ.—Значить, табакъ вашъ, бумажки дашь,—вотъ и покуримъ.

— Въ городѣ за кабакомъ сучка съетъ табакомъ,—

отрѣзалъ Тихонъ Ильичъ. — Меня, братъ, не перебре- шешь!

И помолчавъ, прибавилъ:

— Удавить тебя, Макарка, мало за твои пашни!

Макарка поглядѣлъ на слѣпого, стоявшего прямо, твердо, съ высоко поднятыми бровями и спросилъ его:

— Человѣкъ божій, какъ по твоему? Удавить, ай разстрѣлять?

— Разстрѣлять вѣрнѣе,—отвѣтилъ слѣпой серьезно.— Тутъ, по крайности, прямая сообщеніе.

Смеркалось, гряды сплошныхъ облаковъ синѣли, холодѣли, дышали зимою. Грязь густѣла. Спровадивъ Макарку, Тихонъ Ильичъ потопалъ по крыльцу, про- зябъ и пошелъ въ горницу. Тамъ онъ, не раздѣваясь, сѣлъ въ полумракѣ на стулъ возлѣ окошка, закурилъ и опять задумался. „А что и дѣлать, какъ не думать?—мысленно сказалъ онъ кому-то. — Это, братъ, тебѣ не городъ“. Думы были по-прежнему беспорядочны, но трезвы, ясны. Вспомнились лѣто, бунтъ, Молодая, ра- бочая пора, братъ, жена... и то, что еще до сихъ поръ не платилъ по квиткамъ за рабочую пору. Былъ у него обычай затягивать платежи. Дѣвки и ребята, ходившіе къ нему на поденщину, по цѣлымъ днямъ стояли осенью у его порога, жаловались на самыя крайнія нужды, раздражались, говорили иногда дерзости. Но онъ былъ непреклоненъ. Онъ кричалъ, призывая Бога во свидѣ- тели, что у него „во всемъ домѣ двѣ трынки — хоть обыщи!“ и вывертывалъ карманы, кошелекъ, въ при- творномъ бѣшенствѣ плевалъ, какъ бы пораженный недовѣріемъ, „безсовѣстностью“ просителей... И не хо- рошимъ показался ему этотъ обычай теперь. Безпо- щадно строгъ, холоденъ былъ онъ съ женой, чуждъ

ей настолько, что порою совѣмъ забывалъ о ея существованіи. И вдругъ и это поразило его: Боже мой, да вѣдь онъ даже понятія не имѣетъ, что она за человѣкъ! Умри она нынче,—онъ двухъ словъ не сумѣетъ сказать, зачѣмъ она жила, что думала, что чувствовала за долгіе годы, прожитые съ нимъ, за эти годы, слившіеся въ одинъ годъ и промелькнувшіе въ непрестанныхъ хлопотахъ и заботахъ... А къ чему вели всѣ эти заботы?

Онъ кинулъ папиросу, закурилъ другую... Ухъ, и умень, эта бестія, Макарка! А разъ умень, развѣ не можетъ онъ предугадать — кого, что и когда ждать? Его же, Тихона Ильича, ждетъ непременно что-нибудь скверное. Вѣдь уже и не молоденькій! Сколько его сверстниковъ на томъ свѣтѣ! А отъ смерти да старости—спасенья нѣтъ. Не спасли бы и дѣти. И дѣтей бы онъ не зналъ, и дѣтямъ былъ бы чужой, какъ чуждъ онъ всѣмъ близкимъ—и живымъ, и умершимъ. Народу на свѣтѣ—какъ звѣздъ на небѣ; но такъ коротка жизнь, такъ быстро растутъ, мужаютъ и умираютъ люди, такъ мало знаютъ другъ друга и такъ быстро забываютъ все видѣнное и пережитое, что съ ума сойдешь, если вдумаясь хорошенько! Вотъ, онъ давеча про себя сказалъ:

— Мою жизнь описать слѣдуетъ.

А что описывать-то? Нечего. Нечего или не стоитъ. Вѣдь онъ самъ почти ничего не помнитъ изъ этой жизни. Совѣмъ, на примѣръ, забылъ дѣтство: такъ, мерещится порой день какой-нибудь лѣтній, случай, сверстникъ... Кошку чью-то опалилъ однажды—сѣкли. Плеточку со свистулькой подарили—и несказанно обрадовали. Пьяный отецъ подозвалъ какъ-то, — ласково, съ грустью въ голосѣ:

— Поди ко мнѣ, Тиша, поди, родной!

И неожиданно сгребъ за волосы.

Если-бъ живъ былъ теперь шибай Илья Мионовъ, Тихонъ Ильичъ кормилъ бы старика изъ милости и не зналъ бы, едва замѣчалъ его. Вѣдь, было же такъ съ матерью; спроси его теперь: помнишь мать?—и онъ отвѣтитъ: помню какую-то согнутую старуху... навозъ сушила, печку топила, тайкомъ пила, ворчала... И больше ничего. Чуть не десять лѣтъ служилъ онъ у Маторина, но и эти десять лѣтъ слились въ одинъ, два дня: апрѣльскій дождикъ накрапываетъ и пятнитъ желѣзные листы, которые, грохоча и звеня, кидаютъ на телѣгу возлѣ сосѣдней лавки; сѣрый морозный полдень, голуби шумной стаей падаютъ на снѣгъ возлѣ лавки другого сосѣда, торгующаго мукой, крупой, халуемъ,—гуртуютъ, воркуютъ, трепещутъ крыльями,—а они съ братомъ бычачьимъ хвостомъ подхлестываютъ жужжащій у порога кубарь... Маторинъ былъ тогда молодъ, крѣпокъ, сизо-красенъ, съ чисто выбритымъ подбородкомъ, съ рыжими бачками, сѣзанными до половины. Теперь онъ обѣднѣлъ, шмыгаетъ старческой походкой, въ своей выгорѣвшей на солнцѣ чуйкѣ и глубококомъ картузѣ, отъ лавки къ лавкѣ, отъ знакомаго къ знакомому, играетъ въ шашки, сидитъ въ трактирѣ Даева, пьетъ понемножку, хмѣлѣетъ и приговариваетъ:

— Мы—люди маленькіе; выпили, закусили, расплатились—и домой!

А встрѣчая Тихона Ильича, не узнаетъ его, жалко улыбается:

— Никакъ ты, Тиша?

А самъ Тихонъ Ильичъ не узналъ при первой встрѣчѣ, нынѣшней осенью—брата родного: „да неужели это

Кузьма, съ которымъ столько лѣтъ скитались они по полямъ, деревнямъ и проселкамъ?«

— Постарѣлъ ты, братъ!

— Есть малость.

— А раненько!

— На то я и русскій. У насъ это—живо.

И, Боже мой, какъ измѣнилось все со времени ихъ торгашества! Какъ страшно непохожъ теперешній Тихонъ Ильичъ на чернаго, какъ жукъ, отчаяннаго и веселаго полуцыгана, торгаша Тишку!

Закуривая третью папиросу, Тихонъ Ильичъ упорно и вопросительно глядѣлъ въ окошко:

— Да неужели такъ и въ другихъ странахъ?

Нѣтъ, не можетъ того быть. Бывали знакомые за границей,—вотъ, хоть купецъ Рукавишниковъ,—разсказывали... Да и безъ Рукавишникова можно сообразить. Взять нѣмцевъ городскихъ или жидовъ: всѣ ведутъ себя дѣльно, аккуратно, всѣ другъ друга знаютъ, всѣ пріятели,—да не только по пьяному дѣлу, и всѣ помогаютъ другъ другу; если разъѣзжаются, переписываются всю жизнь, портреты отцовъ, матерей, знакомыхъ изъ семьи въ семью передаютъ; дѣтей учатъ, любятъ, гуляютъ съ ними, разговариваютъ, какъ съ равными,—вотъ вспомнить-то ребенку и будетъ чтó. А у насъ всѣ враги другъ другу, завистники, сплетники, другъ у друга разъ въ годъ бываютъ, сидятъ по своимъ закутамъ, мечутся, какъ угорѣлые, когда нечаянно заѣдетъ кто, кидаются комнаты прибираться... Да что! Ложки варенья жалѣютъ гостю! Безъ упрашиваній гость лишняго стакана не выпьетъ...

Мимо оконъ прошла чья-то тройка. Тихонъ Ильичъ внимательно оглядѣлъ ее. Лошади гнѣдые, поджарыя, но, видно, рѣзвыя. Тарантасъ въ исправности. За кѣмъ

бы это? По близости ни у кого нѣтъ такой тройки. По близости помѣщики такая голь, что безъ хлѣба по три дня сидятъ, послѣднія ризы съ иконъ продали, разбитаго стекла вставить, крышу поправить не на что: окна подушками затыкаютъ, а по полу, какъ дождь, лотки и ведра разставляютъ, — сквозь потолоки, какъ сквозь рѣшета льетъ... Потомъ прошелъ Дениска-сапожникъ. Куда это? И съ чѣмъ? Никакъ съ чемоданомъ? Охъ, и дуракъ же, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе!

Машинально Тихонъ Ильичъ накиннулъ на поддевку чуйку, сунулъ ноги въ калоши и вышелъ на крыльцо. Выйдя и глубоко дохнувъ свѣжимъ воздухомъ предзимнихъ синеватыхъ сумерокъ, опять остановился, сѣлъ на лавочку... Да, вотъ тоже семейка—Сѣрый съ сынкомъ! Мысленно Тихонъ Ильичъ сдѣлалъ ту дорожку, которую одолѣлъ Дениска по грязи, съ чемоданомъ въ рукѣ. Увидалъ Дурновку, свою усадьбу, оврагъ, избы, сумерки, огонекъ у брата, огоньки по дворамъ... Кузьма сидитъ, небось, и читаетъ. Молодая стоитъ въ темной и холодной прихожей, возлѣ чужь теплой печки, грѣетъ руки, спину, ждетъ, когда скажутъ—„ужинать!“ и, поджавъ постарѣвшія, подсохшія губы, думаетъ... О чемъ? Можетъ, о Родкѣ? Брехня все это, будто она его отравила,—брехня! А если отравила...

Господи Боже! Если отравила, — что должна она чувствовать? Какой тяжелый могильный камень лежитъ на ея скрытной, странной душѣ! И какъ случилось то, на что рѣшилась она, обезумѣвшая отъ ненависти къ Родкѣ, отъ лютыхъ побоевъ,—можетъ быть, и отъ поруганныхъ чувствъ къ нему, Тихону Ильичу, — и отъ своего позора, отъ страха, что Родька, наконецъ, узнаетъ про этотъ позоръ? Охъ, и бивалъ же онъ ее!

Да хорошъ и Тихонъ Ильичъ... И таки накажетъ его Богъ...

Мысленно онъ взглянулъ съ крыльца своего дурновскаго дома на Дурновку,—бунтовщица тоже!—на черныя избы по косогору за оврагомъ, на риги и лозинки на задворкахъ... За полями влѣво, на горизонтѣ,—желѣзнодорожная будка. Въ сумерки мимо нея проходить поѣздъ—бѣжитъ цѣпь огненныхъ глазъ. Но странно!—глухой грохотъ поѣзда доносится до Дурновки только тогда, когда эта цѣпь скроется, да и то какъ изъ-подъ земли... А потомъ загораются глаза по избамъ. Темнѣетъ, становится уютнѣй—и непріятное чувство шевельнется каждый разъ, когда взглянешь на избы Молодой и Сѣраго, что стоятъ почти по срединѣ Дурновки, за три двора другъ отъ друга: ни въ той, ни въ другой нѣтъ огня. И такъ почти всю зиму! Дѣтишки Сѣраго, какъ кроты, слѣпнуть, шалѣютъ отъ радости и удивленія, когда удастся въ какой-нибудь счастливый вечеръ освѣтить избу...

— Нѣтъ, грѣшно!—твердо сказалъ Тихонъ Ильичъ и поднялся съ мѣста.—Нѣтъ, безбожно! Надо хоть маленько помочь дѣлу,—сказалъ онъ, направляясь къ станціи.

Морозило, душистѣе, чѣмъ вчера, тянуло отъ вокзала запахомъ самовара. Чище блестѣли огни у воротъ, за бодро озябнувшими деревьями, почти голыми, разцвѣченными рѣдкой листвою. Звучнѣе громыхали бубенчики на тройкѣ. Хоть куда троечка! Зато лошаденки мужиковъ-извозчиковъ, ихъ крохотныя телѣжки на полуразсыпавшихся, косыхъ колесахъ, облѣпленныхъ грязью,—смотрѣтъ жалко! Визжала и глухо хлопала за голымъ палисадникомъ вокзальная дверь. Обогнувъ ее, Тихонъ Ильичъ поднялся на высокое каменное

крыльцо, на которомъ шумѣлъ двухведерный мѣдный самоваръ, краснѣя, какъ огненными зубами, своей рѣшеткой,—и столкнулся какъ разъ съ кѣмъ и нужно было,—съ Дениской.

Дениска, въ раздумьи, опустивъ голову, стоялъ на крыльцѣ и держалъ въ правой рукѣ дешевый сѣрый чемоданишко, щедро усѣянный жестяными шляпками и перевязанный веревкой. Былъ Дениска въ поддевки, старой и, видимо, очень тяжелой, съ обвисшими плечами и очень низкой талией, въ новомъ картузѣ и разбитыхъ сапогахъ. Ростомъ онъ не вышелъ, ноги его, сравнительно съ туловищемъ, были очень коротки. — У меня одна тулища,—смѣясь, говорилъ онъ иногда про себя. Теперь, при низкой талии и сбитыхъ сапогахъ, ноги казались еще короче.

— Денисъ!—окликнулъ Тихонъ Ильичъ.—Ты зачѣмъ здѣсь, архаровецъ?

Никогда и ничему неудивлявшійся Дениска спокойно поднялъ на него свои темные и томные, съ грустной усмѣшкой, съ большими рѣсницами глаза и стащилъ съ волосъ картузь. Волосы у него были мышинаго цвѣта и не въ мѣру густы, лицо землистое и какъ будто промасленное, но глаза красивые.

— Здравствуйте, Тихонъ Ильичъ,—отвѣтилъ онъ пѣвучимъ городскимъ тенеркомъ и, какъ всегда, немного застѣнчиво.—Ѣду... въ эту самую... въ Тулу.

— Это зачѣмъ, позвольте спросить?

— Може, мѣсто какая выйдетъ...

Тихонъ Ильичъ зорко оглядѣлъ его. Въ рукѣ — чемоданъ, изъ кармана поддевки торчатъ какія-то зеленыя и красныя книжечки, свернутыя въ трубку. Поддевка, должно быть, чужая...

— А фронтъ-то не тульскій!

Дениска тоже оглядѣлъ себя.

— Поддевка-то?—скромно спросилъ онъ.—Что-жъ, вотъ наживу въ Тулѣ денегъ,—вендерку себѣ куплю. Я лѣтомъ какъ, было, справился! Газетами торговаль.

Тихонъ Ильичъ кивнулъ на чемоданъ:

— А это что-жъ за штука такая?

Дениска опустилъ рѣсницы.

— Чумаданъ себѣ купилъ.

— Да ужъ въ венгеркѣ безъ чемодана никакъ нельзя!—насмѣшливо сказалъ Тихонъ Ильичъ.— А въ карманѣ что?

— Такъ, кляповинка разная...

— Покажь-ка.

Дениска поставилъ чемоданъ на крыльцо и вытащилъ изъ кармана книжечки. Тихонъ Ильичъ взялъ и внимательно переглядѣлъ ихъ. Пѣсеникъ „Маруся“. „Жена-развратница“. „Невинная дѣвушка въ цѣпяхъ насилія“. „Поздравительныя стихотворенія родителямъ, воспитателямъ и благодѣтелямъ“. „Роль“...

Тутъ Тихонъ Ильичъ запнулся, но Дениска, слѣдившій за нимъ, бойко и скромно подсказалъ:

— Роль проталеріата въ Россіи.

Тихонъ Ильичъ качнулъ головой.

— Новости!—Жрать нечего, а чемоданы да книжки покупаешь. Вѣрно, не даромъ тебя смутьяномъ-то зовутъ. Ты, говорятъ, все царя ругаешь? Смотри, братъ!

— Да авось, не имѣнье купилъ,—отвѣтилъ Дениска съ грустной усмѣшкой.—Это книжки хорошія. Баркова сочиненіе. А царя я не трогалъ. На меня брешутъ, какъ на мертваго. А я и въ мысляхъ того не держалъ. Ай я лунатикъ какой?

Завизжалъ блокъ на двери, показался станціонный сторожъ, — сѣдой отставной солдатъ съ свистящей и

хрипящей одышкой, — и буфетчикъ, толстый, съ заплывшими глазками, съ сальными волосами.

— Посторонитесь-ка, господа купцы, позвольте самоварчикъ взять...

Дениска посторонился и опять взялся за ручку чемодана.

— Сперъ, небось, гдѣ-нибудь? — спросилъ Тихонъ Ильичъ, кивая на чемоданъ и думая о дѣлѣ, по которому пошелъ на станцію.

Дениска промолчалъ, нагнувъ голову.

— И пустой вѣдь?

Дениска разсмѣялся.

— Пустой...

— Для форсу значить?

— Для форсу...

— Съ мѣста-то прогнали?

— Я самъ ушелъ.

Тихонъ Ильичъ вздохнулъ.

— Живой отецъ!—сказалъ онъ.—Тотъ тоже всегда такъ-то: наладятъ его въ шею съ мѣста, а онъ — „я самъ ушелъ“.

— Глаза лопни, не брешу.

— Ну, хорошо, хорошо... Дома-то былъ?

— Былъ двѣ недѣли.

— Отецъ-то опять безъ дѣла?

— Таперь безъ дѣла.

— Таперь!—передразнилъ Тихонъ Ильичъ.— Деревня стоеросовая! А еще революцанеръ. Лѣзешь въ волки, а хвостъ собачій.

— Авось и ты-то изъ тѣхъ же квасовъ,—съ усмѣшкой подумалъ Дениска, не поднимая головы.

— Значить, сидитъ себѣ Сѣрый да покуриваетъ?

— Пустой малый!—убѣжденно сказалъ Дениска.

Тихонъ Ильичъ постучалъ ему въ голову костяшками.

— Хоть бы дурь-то свою не выказывалъ! Кто-жъ такъ-то про отца говорить?

— Старъ кобель, да не батькой звать,—отвѣтилъ Дениска спокойно.—Отецъ—такъ корми. А онъ дже меня кормилъ?

Но Тихонъ Ильичъ не дослушалъ. Онъ выбиралъ удобную минуту, чтобы начать дѣловой разговоръ. И, не слушая, перебилъ:

— Ну, и вышелъ далдонъ... Продалъ Яковъ кобылу-то?

Дениска неожиданно захохоталъ грубымъ и гремкимъ хохотомъ. Но отвѣтилъ все тѣмъ же пѣвучимъ теноркомъ:

— Яковъ Микитичъ-то? Куда тебѣ! Все богатѣеть, да жаднѣеть. То-то смѣху вчерась было!

— По какому случаю?

— Да какъ же! Околѣлъ у него жеребенокъ, такъ онъ что выдумалъ? Ноги съ копытами и тѣ въ дѣло произвелъ. Не хватило въ плетнѣ кольевъ,—онъ возьми и вплети эти самыя ноги...

— Министръ, а не мужикъ! — сказалъ Тихонъ Ильичъ.—Не вамъ, голоштаннмъ, чета. Ты, что-жъ, съ волчьимъ билетомъ, значить, до Тулы-то?

— А на кой онъ мнѣ, билетъ-то?—отвѣтилъ Дениска.—Приду въ вагонъ,—прямо, Господи благослови, подъ лавку. Мнѣ бы только до Узловской добиться.

— Это какой же такой—Узловской? Узловой что ли?

— Ну, Узловой, одна честь. Доѣду до ней, а тамъ и пѣшей недалече.

— А книжечки-то гдѣ-жъ рассчитывать? Подъ лавкой-то не считаешься.

Дениска подумалъ.

— Вона!—сказалъ онъ.—Не все-жъ подъ лавкой. Залъзу въ нужникъ,—читай, хопъ до свѣту.

Тихонъ Ильичъ сдвинулъ брови.

— Ну, вотъ что,—началъ онъ.—Вотъ что: всю эту музыку пора тебѣ бросать. Не маленькій, дуракъ. Валика назадъ, въ Дурновку,—пора къ дѣлу прибаваться. А то вѣдь на васъ смотрѣть тошно. У меня вонъ... надворные совѣтники лучше живутъ. Помогу, ужъ такъ и быть... на первое время. Ну, на товаришко тамъ, на струментъ... И будешь и самъ кормиться, и отцу хоть немного подавать...

— Къ чему это онъ гнетъ?—подумалъ Дениска.

А Тихонъ Ильичъ рѣшился и закончилъ:

— Да и жениться пора.

— Та-акъ!—подумалъ Дениска—и, не спѣша, сталъ закрывать цыгарку.

— Что-жъ,—спокойно и чуть-чуть печально отозвался онъ, не поднимая рѣсницъ.—Я каляниться не стану. Жениться можно. По приституткамъ-то хуже ходить.

— Ну, вотъ то-то и оно-то,—волнуясь, подхватилъ Тихонъ Ильичъ.—Только, братъ, имѣй въ виду,—жениться съ умомъ надо. Ихъ, дѣтей-то, съ капиталомъ хорошо водить.

Дениска захохоталъ.

— Чего гогочешь-то?

— Да какъ же! Водить! Въ родѣ какъ куръ, али свиней.

— Не меньше куръ и свиней ѣсть просять.

— А на комъ?—съ печальной усмѣшкой спросилъ Дениска.

— Да на комъ? Да... на комъ хочешь.

— Это на Молодой, что ли?

Тихонъ Ильичъ густо покраснѣлъ.

— Дуракъ! А Молодая чѣмъ плоха? Баба смирная, работающая...

Дениска помолчалъ, ковыряя ногтемъ жестяную шляпку на чемоданѣ. Потомъ прикинулся дуракомъ:

— Ихъ, молодыхъ-то, много,—сказалъ онъ протяжно.— Не знаю, про какую вы балакаете... Про эту, что-ль, съ какой вы жили?

Но Тихонъ Ильичъ уже оправился.

— Жиль я, ай нѣтъ,—это не твоего, свинья, ума дѣло,—отвѣтилъ онъ и такъ быстро и внушительно, что Дениска покорно пробормотала:

— Да мнѣ одна честь... Я вѣдь это такъ... къ слову...

— Ну, значить, и не брешь пѣ-пусту... Людьями сдѣлаю. Понялъ? Приданого дамъ... Понялъ?

Дениска задумался.

— Вотъ съѣзжу въ Тулу...—началъ онъ.

— Нашелъ пѣтухъ земчужное зерно! На какой лядь тебѣ Тула-то?

— Дюже дома оголодалъ...

Тихонъ Ильичъ распахнулъ чуйку, сунулъ руку въ карманъ поддевки,—рѣшилъ, было, дать Денискѣ двугривенный. Но спохватился, — глупо деньги швырять, да еще и зазнается этотъ толкачъ,—подкупають, моль,—и сдѣлалъ видъ, что ищетъ что-то.

— Эхъ, папиросы забылъ! Дай-ка свернуть.

Дениска подаль ему кisetъ. Надъ крыльцомъ уже зажгли фонарь, и при его тускломъ свѣтѣ Тихонъ Ильичъ вслухъ прочелъ крупно вышитое бѣлыми нитками на кisetѣ:

„Каво люблю таму дарю люблю сердечна дарю кisetъ на вѣчно“.

— Ловко!—сказалъ онъ, прочитавъ.

Дениска застѣнчиво потупился.

— Значить, ужъ есть краля-то?

— Мало-ль ихъ, сукъ, шатается!—отвѣтилъ Дениска безпечно.—А жениться я не отказываюсь. Ворочусь къ мясоѣду и—Господи благослови...

Изъ-за палисадника загремѣла и съ грохотомъ подкатила къ крыльцу телѣга, вся закиданная грязью,—съ мужикомъ на грядкѣ и ульяновскимъ дьякономъ Говоровымъ по срединѣ, въ соломѣ.

— Ушелъ?—тревожно крикнулъ дьяконъ, выкидывая изъ соломы новую калошу—ботикъ.

Каждый волосъ его красно-рыжей лохматой головы буйно вился, шапка „подъ боберъ“ съѣхала на затылокъ, лицо разордѣлось отъ вѣтра и волненія.

— Поѣздъ-то?—спросилъ Тихонъ Ильичъ.—Нѣтъ-съ, еще и не выходилъ-съ. Здравствуйте, о. дьяконъ.

— Ага! Ну, слава Богу!—радостно и быстро сказалъ дьяконъ и все-таки, выскочивъ изъ телѣги, стремглавъ кинулся къ дверямъ.

Тихонъ Ильичъ качнулъ головой. „Эхъ, не во-время принесло этого долгогриваго! Не выйдетъ дѣло, пожалуй!“ Однако, взявшись за ручку двери, сказалъ твердо и увѣренно:

— Ну, стало быть, такъ. Стало быть—до мясоѣда.

Въ вокзалѣ пахло мокрыми лаптями, полушубками, самоваромъ, махоркой, керосиномъ. Накурено было такъ, что точило горло, еле свѣтили лампы въ дыму, въ полумракѣ, сырости и холодѣ. Визжали и хлопали двери, толпились и галдѣли мужики съ кнутами въ рукахъ—извозчики изъ Ульяновки, дожидавшіеся сѣдока иногда по цѣлой недѣлѣ. Среди нихъ, поднявъ брови, ходилъ еврей Градусъ, хлѣботорговецъ, въ котелкѣ, въ

пальто съ капюшономъ и съ зонтомъ на плечѣ. Возлѣ кассы мужики тащили на вѣсы чьи-то господскіе чемоданы и корзины, обшитые клеенкой, на мужиковъ кричалъ телеграфистъ, исполнявшій должность помощника начальника станціи, — молодой коротконогій малый съ большой головой, съ кудрявымъ желтымъ кокомъ, показавши взбитымъ изъ-подъ картуза на лѣвомъ вискѣ, и крупной дрожью дрожавъ сидѣвшій на грязномъ полу пойнтеръ, пятнистый, какъ лягушка, съ человѣчески тоскливыми глазами.

Протолкавшись среди мужиковъ, Тихонъ Ильичъ прошелъ къ двери въ первый классъ, возлѣ которой висѣла на стѣнѣ деревянная рама съ письмами, газетами и телеграммами, лежавшими иногда по году. Писемъ ему не оказалось. Было только три номера „Орловскаго Вѣстника“. И Тихонъ Ильичъ двинулся, было, къ буфетной стойкѣ—поболтать съ буфетчицей. Но возлѣ стойки сидѣлъ на табуретѣ пьяный человѣкъ съ голубыми остекленѣвшими глазами, съ глянцевитымъ лиловымъ лицомъ, въ кругломъ сѣромъ картузѣ съ пуговкой и въ чуйкѣ—подвальный съ винокуреннаго завода князя Лобанова. Поднимая плечи, преодолевая хмѣль, онъ громко и тупо говорилъ толпившимся вокругъ него мужикамъ:

— Всего было. Всего было. Повидаль-таки свѣтъ! Съ ха-о-рошими людьми обобщался! Въ московскомъ Маломъ театрѣ пѣлъ... Бывало, какъ хватишь...

Тутъ онъ, шатаясь, всталъ и судорожно ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

— Бывало,—гаркнулъ онъ басомъ,—какъ хватишь!

Мми лая! Ты слы-ышь ммине-е!..

И Тихонъ Ильичъ повернулся и спѣшно протолкался

къ выходу, къ крыльцу. Подвальный—знакомый человѣкъ, попадись ему на глаза, сутки не отцѣпится. Да и дуракъ, лгунъ... На крыльцѣ все еще стоялъ Дениска.

— Что я васъ хотѣлъ попросить, Тихонъ Ильичъ,—сказалъ онъ еще застѣнчивѣе, чѣмъ всегда.

— Что еще такое?—сердито спросилъ Тихонъ Ильичъ, пріостанавливаясь.—Денегъ? Не дамъ.

— Нѣтъ, какихъ денегъ! Письмо мое прочитать.

— Письмо? Къ кому?

— Къ вамъ. Хотѣлъ было давеча отдать, да не насмѣлился.

— Да объ чемъ?

— Такъ... житье свое описалъ...

Тихонъ Ильичъ взялъ изъ рукъ Дениски клочокъ бумажки, сунулъ его въ карманъ и быстро зашагалъ домой по упругой застывшей грязи.

Теперь настроеніе его было мужественно. Хотѣлось работы, и онъ съ удовольствіемъ подумалъ, что есть дѣло—кормъ скотинѣ задать. Вотъ, жалко—погорячился, Жмыха прогналъ, придется ночь не спать. На Оську надежда плохая. Небось, спитъ уже. А не то—сидитъ съ кухаркой и ругаетъ хозяина... И, пройдя мимо освѣщенныхъ оконъ избы, Тихонъ Ильичъ прокрался въ сѣни, наткнулся въ темнотѣ на холодную пахучую солому и прильнулъ ухомъ къ двери. За дверью слышался смѣхъ, потомъ голосъ Оски:

— А то вотъ еще исторія была. Жилъ на селѣ мужикъ,—бѣдный, пребѣдный, бѣднѣе во всемъ селѣ не было. И выѣхалъ разъ, братцы мои, этотъ самый мужикъ пахать. И увяжись за нимъ кобель рябий. Мужикъ пашетъ, а кобель сычуетъ по полю и все что-й-то роетъ. Рыль, рыль, да какъ заво-оетъ! Что за

причта такая? Кинулся мужикъ къ нему, глядь въ яму, а тамъ—чугунъ.

— Чугу-унъ?—спросила кухарка.

— Да ты слушай. Чугунъ-то чугунъ, а въ чугунъ—золото! Видимо, невидимо... Ну, и забогатѣлъ мужикъ...

— Ахъ, пустоболты!—подумалъ Тихонъ Ильичъ и жадно сталъ слушать, что дальше будетъ съ мужикомъ.

— Забогатѣлъ мужикъ, разстроился, какъ купецъ какой...

— Не хуже нашего Тугоногаго,—вставила кухарка.

И опять Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: онъ зналъ, что его уже давно зовутъ Тугоногимъ... Нѣтъ челоука безъ прозвища!

А Оська продолжалъ:

— Еще побогаче... Да... А кобель-то возьми да окоульи. Какъ тутъ быть? Мочи нѣтъ—жалко кобеля, надо его честь-честью хоронить...

Раздался взрывъ хохота. Захоталъ и самъ рассказчикъ и еще кто-то—со старческимъ кашлемъ.

— Никакъ Жмыхъ?—встрепенулся Тихонъ Ильичъ. — Ну, слава Богу. Вѣдь говорилъ дураку верне-ешься!

— Пошелъ мужикъ къ попу,—продолжалъ Оська,—пошелъ къ попу: такъ и такъ, батюшка, кобель окоульи,—надо хоронить...

Кухарка опять не выдержала и радостно крикнула:

— У, пропасти на тебя нѣту!

— Да дай доказать-то!—крикнулъ и Оська и опять перешелъ на повѣствовательный тонъ, изображая то попа, то мужика:

— Такъ и такъ, батюшка, — надо кобеля хоронить: Какъ затопаетъ попъ ногами: „Какъ хоронить? Гдѣ хо-

ронить? На кладбищѣ? Да я тебя въ острогъ сгною, да я тебя въ кандалы забью!“ — „Батюшка, да вѣдь это не простой кобель: онъ, какъ окоульвалъ, вамъ пятьсотъ цѣлковыхъ отказалъ!“ Какъ ускочить попъ съ мѣста: „Дуракъ! Да развѣ я тебя за то браню, что хоронить? За то браню—гдѣ хоронить-то? Его въ церковной оградѣ надо хоронить!“

Тихонъ Ильичъ громко кашлянулъ и отворилъ дверь. За столомъ, возлѣ коптящей лампочки, разбитое стекло которой было заклеено съ одного боку почернѣвшей бумажкой, сидѣла, наклонивъ голову и завѣсивъ все лицо мокрыми волосами, кухарка. Она хохотала, чесалась огромнымъ деревяннымъ гребнемъ и сквозь волосы разсматривала гребень на свѣтъ. Оська, съ цыгаркой въ зубахъ, хохоталъ, откинувшись назадъ и болтая лаптями. Возлѣ печки, въ полутемнотѣ, тоже краснѣлъ огонекъ—трубка. Когда Тихонъ Ильичъ дернулъ дверь и показался на порогѣ, хохотъ сразу оборвался, и курившій трубку робко поднялся съ мѣста, вынулъ ее изо рта и сунулъ въ карманъ... Да караульщикъ! Но, какъ-будто и ничего не было утромъ, Тихонъ Ильичъ бодро и дружелюбно крикнулъ:

— Ребятъ! Кормъ задавать...

Съ фонаремъ бродили по варку, освѣщая застывшій навозъ, рассыпанную солому, ясли, столбы, кидая огромныя тѣни, будя куръ на переметахъ подъ навѣсами. Куры слетали, падали и спотыкались, наклоняясь впередъ, засыпая на бѣгу, бѣжали куда попало. Большіе лиловые глаза лошадей, поворачивавшихъ на свѣтъ головы, блестяли и глядѣли совсѣмъ по-человѣчески. Отъ дыханія шелъ паръ,—точно всѣ курили. И когда Тихонъ Ильичъ опускалъ фонарь и взглядывалъ вверхъ, онъ съ радостью видѣлъ надъ квадратомъ

двора, въ глубокомъ чистомъ небѣ яркія разноцвѣтныя звѣзды. Слышно было, какъ сухо шуршаль по крышамъ и морозной свѣжестью дулъ въ щели сѣверный вѣтеръ... Слава тебѣ, Господи,—зима!

Отдѣлавшись и заказавъ самоваръ, Тихонъ Ильичъ съ фонаремъ сходилъ въ холодную пахучую лавку, выбралъ маринованную селедку получше:

— Ничего, — не плохо передъ чаемъ-то подсолонцевать!

И за чаемъ съѣлъ ее, выпилъ нѣсколько стаканчиковъ горько-сладкой, желто-красной рябиновки, налил чашку чаю съ краями и придвинулъ къ себѣ старые большіе счеты. Но, подумавъ, нашелъ письмо Дениски и сталъ разбирать его каракули.

„Деня получилъ 40 рублей денягъ патомъ собралъ свои вѣщи“...

— Сорокъ!—подумалъ Тихонъ Ильичъ.—Ахъ, го-лоштаный!

„Пашелъ Деня на станцію Тула и какъ разъ ево обабрали вытащили Все докопеки детца некуда и Взяла ево тоска“...

Разбирать эту брехню было трудно и скучно, но вечеръ длиненъ, дѣлать нечего... Самоваръ хлопотливо бурлилъ, спокойнымъ свѣтомъ свѣтила лампа—и была въ тишинѣ и покоѣ вечера грусть. Мѣрно ходила колотушка подъ окнами, звонко выдѣлывала на морозномъ воздухѣ плясовую...

„Патомъ соскучился я какъ ехоть домой дже отецъ грозенъ“...

— Ну, и дуракъ, прости, Господи!—подумалъ Тихонъ Ильичъ.—Это Сѣрый-то грозенъ!

„Пайду Въ дремучай лѣсъ выбрать повыше ель и взять отъ сахарной головы бѣчевычку опрѣдилится на

ней навѣчную жизнь въ новомъ шиняку вновыхъ брюкахъ по бѣсапохъ“...

— Безъ сапогъ, что ли?—сказалъ Тихонъ Ильичъ, далеко отставляя отъ уставшихъ глазъ бумажку.—Вотъ что правда, то правда...

„Патомъ пойдетъ сильный вѣтеръ синее облоки и собралась агромная туча полилъ спорый крупный дождичекъ вышла солнышко изъ за лѣсу вѣревычка перегнивать перегнивать и удругъ оборвалась а Деня палъ на земь поползываютъ мурашки по немъ начинаютъ работать а тамъ ежъ ползетъ и гадюка и ракъ зяленый“...

Кинувъ письмо въ полоскательницу, Тихонъ Ильичъ хлебнулъ чаю, поставилъ локти на столъ, глядя на лампу... Стекла запотѣли, четко и бойко, по зимнему, выговаривала колотушка что-то ладное... И какъ эти зимніе вечера похожи другъ на друга!—Эхъ, если бы дѣти! Если бы—ну, любовница, что ли, хорошая вмѣсто этой пухлой старухи, которая осточертѣла одними своими рассказами о княжнѣ, о благочестивой монахинѣ Поликарпіи, что зовутъ въ городѣ Полукарпіей!.. Да поздно, поздно.

Разстегнувъ шитый воротъ рубахи, Тихонъ Ильичъ съ горькой усмѣшкой ощупалъ шею, впадины по шеѣ за ушами... Первый знакъ старости эти впадины,—лошадиной становится голова! Да и прочее недурно. Онъ нагнулъ голову, запустилъ пальцы въ бороду... И борода сѣдая, сухая, путанная. Нѣтъ, шабашъ, шабашъ, Тихонъ Ильичъ!

Онъ пилъ, хмѣлѣлъ, все плотнѣе стискивалъ челюсти, все пристальнѣе, щуря глаза, глядѣлъ на горящій ровнымъ огнемъ фитиль лампы... Вы! подумайте: къ брату родному нельзя съѣздить, — кабаны не

пускаютъ, свиньи! А и пустили бы,—тоже радости мало. Читалъ бы ему Кузьма нотаци, стояла бы съ поджатыми губами, съ опущенными рѣсницами Молодая... Да отъ однихъ этихъ опущенныхъ глазъ сбѣжишь!

Сердце замирало, ныло, голову сладко туманило... Гдѣ это слышалъ онъ эту пѣсню?

Пришелъ мой скучный вечеръ,
Не знаю, что начать.
Пришелъ мой другъ любезный,
Онъ сталъ меня ласкать...

Ахъ, да, это въ Лебедяни, на постояломъ дворѣ. Сидятъ въ зимній вечеръ дѣвки-кружевницы и поютъ... Сидятъ, плетутъ и, не поднимая рѣсницъ, звонкими грудными голосами выводятъ:

Цѣлуешь, обнимаешь,
Прощается со мной...

Голову туманило,—то казалось, что все еще впереди—и радость, и воля, и беззаботность,—то начинало болѣзненно, безнадежно ныть сердце. То онъ говорилъ:

— Были-бъ денежки въ карманѣ,—будетъ тетушка въ торгу!

То зло глядѣлъ на лампу и бормоталъ, разумѣя брата:

— Учитель! Проповѣдникъ! Филаретъ Милосливый... Голоштаный чортъ!

Онъ допилъ рябиновку, накурилъ такъ, что потемнѣло... Невѣрными шагами, по зыбкому полу, вышелъ онъ въ одномъ пиджакѣ въ темныя сѣни, ощутилъ крѣпкую свѣжесть воздуха, запахъ соломы, запахъ псины, увидалъ два зеленоватыхъ огня, мелькнувшихъ на порогѣ.

— Буянь!—крикнулъ онъ.

И изо всей силы ударилъ Буяна сапогомъ въ голову. Потомъ послушалъ колотушку, притопывая въ ладъ ей, мочась на ступеньки крыльца, мысленно приговаривая:

Иди прямо на меня!
Гляди прямо на меня!

И крикнулъ, направляясь къ шоссе:

— Дуй бѣлку въ хвостъ—пушистѣй будетъ!

Мертвая тишина стояла надъ землей, мягко чернѣвшей въ звѣздномъ свѣтѣ. Блестѣли разноцвѣтные узоры звѣздъ. Слабо бѣлѣло шоссе, пропадая въ сумракѣ. Вдали глухо, точно изъ-подъ земли, слышался возрастающій грохотъ. И вдругъ вырвался наружу и загудѣлъ окрестъ: бѣло блистая цѣпью оконъ, освѣщенныхъ электричествомъ, разметавъ, какъ летящая вѣдьма, дымныя косы, ало озаренныя изъ-подъ низу, неся въ дали, пересѣкая шоссе, экспрессъ...

— Это мимо Дурновки-то!—сказалъ Тихонъ Ильичъ, икая.—Мимо Сѣраго-то! Ахъ, разбойники, анаемы...

Сонная кухарка вошла въ горницу, тускло освѣщенную выгорающей лампой и провонявшую табакомъ, внесла сальный чугунчикъ со щами, захвативъ его въ черныя отъ сала и сажки веточки. Тихонъ Ильичъ покосился и сказалъ:

— Сю минуту выди вонъ.

Кухарка, не выпуская изъ рукъ чугунчика, повернулась, толкнула ногой дверь и скрылась.

Тогда онъ взялъ календарь Гатцука, обмакнувъ ржавое перо въ ржавыя чернила и сталъ, стискивая зубы и сонно глядя свинцовыми глазами, безъ конца писать по календарю вдоль и поперекъ:

— Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ...

II.

Кузьма почти всю жизнь мечталъ писать и учиться. Что стихи! Стихами онъ баловался въ малолѣтствѣ. Ему хотѣлось рассказать, какъ погибалъ онъ, съ необычайной беспощадностью изобразить свою нищету и тотъ страшный въ своей обыденности бытъ, что калѣчили его, дѣлалъ бесплодной смоковницей.

Порой смущала старость, необразованность, то, что онъ чуть не каждое пятилѣтіе съ ужасомъ оглядывался на самого себя. Но порой это-то и давало силу,— значить, онъ растеть, если оглядывается,— и тогда являлась увѣренность, что вотъ именно такой, какъ онъ, и долженъ сказать настоящее слово.

Обдумывая свою жизнь, онъ и казнилъ себя, и оправдывалъ.

Да, онъ нищій уѣздный мѣщанинъ, чуть не до пятнадцати лѣтъ читалъ по складамъ. Но его исторія— исторія всѣхъ русскихъ самоучекъ. Онъ родился въ странѣ, имѣющей болѣе ста миллионъ безграмотныхъ. Онъ росъ въ Черной Слободѣ, гдѣ еще до сихъ поръ на смерть убиваютъ въ кулачныхъ бояхъ. Онъ видѣлъ въ дѣтствѣ грязь и пьянство, лѣнь и скуку. Дѣтство дало только одно поэтическое впечатлѣніе: была темная кладбищенская роща да огромный выгонъ на горѣ за Слободой, а за нимъ—просторъ, жаркое марево степи, дальняя бѣлая хата подъ тополемъ. Но даже и къ этой хатѣ внушали ему презрѣніе: тамъ жили хохлы, а, вѣдь, они такъ глупы, что на вопросъ:—„Хохлы, гдѣ ваши котлы?“—отвѣчаютъ:—„Не вамъ ли сказать, что

подъ фурами лежать?“ Буквамъ и цифрамъ выучилъ его и Тихона сосѣдъ, заливщикъ калошъ Бѣлкинъ; но и то только потому, что работы у него никогда не было, что драть кого-нибудь за „виски“ всегда пріятно и что не вѣкъ же сидѣть на завалинкѣ распояской, наклонивъ и подставивъ солнцу лохматую голову, поплеывая на пыль между сизыми босыми ногами. Въ „черной“ лавкѣ Маторина братья скоро постигли письмо, чтеніе, сталъ Кузьма и книжками увлекаться, которыя дарилъ ему базарный вольнодумецъ и чудакъ, старикъ-гармонистъ Балашкинъ. Но до чтенія ли въ лавкѣ? И Маторинъ очень часто кричалъ:—„Я тебѣ уши оболтаю за твоихъ Гуаковъ, дьяволенокъ ты этакій!“

Это старая исторія, но и о базарныхъ нравахъ хотѣлъ Кузьма напомнить. На базарѣ воспринялъ онъ много постыднаго. Тамъ ихъ съ братомъ научили высмѣивать нищету матери, то, что она стала запивать, брошенная подростыми сыновьями. Тамъ они подѣлали разъ такую штуку: мимо заднихъ дверей лавки, по улицѣ, каждый день проходилъ изъ библіотеки сынъ портного Витебскаго, еврей лѣтъ шестнадцати, съ блѣдно-голубымъ лицомъ, страшно худой, ушастый, въ очкахъ, и, на ходу, пристально читалъ, а они накидали на тротуаръ щебня—и еврей—„ученый-то этоть!“—полетѣлъ такъ удачно, что разбилъ въ кровь колѣни, локти, зубы... Тамъ Кузьма и писать сталъ,—началъ рассказомъ о томъ, какъ одинъ купецъ ѣхалъ въ страшную грозу, ночью, по Муромскимъ лѣсамъ, попалъ на ночлегъ къ разбойникамъ и былъ зарѣзанъ. Кузьма горячо изложилъ его предсмертныя мольбы, думы, его скорбь о своей несправедливой и „такъ рано пресѣкшейся жизни“... Но базаръ безъ пощады окатилъ его холодной водой:

— Ну, и чудакъ ты прости Господи!—весело и нахально сказалъ онъ устами Тихона. — „Рано!“ Давно пора чорту пузатому! Да и какъ же это ты узналъ-то, что онъ думалъ? Вѣдь, его же зарѣзали?

Тогда Кузьма написалъ кольцовскимъ ладомъ пѣсню престарѣлаго витязя, завѣщающаго сыну вѣрнаго коня.—„Онъ носилъ меня въ моей младости!“—воскликнулъ въ пѣснѣ витязь. Но Тихонъ и тутъ только покачалъ головой:

— Такъ!—сказалъ онъ.—Сколько же лѣтъ было этому самому коню? Ахъ, Кузьма, Кузьма. Ты бы лучше дѣльное-то что-нибудь сочинилъ,—ну, хоть про войну, къ примѣру...

И Кузьма въ клочки порвалъ пѣсню. И, поддѣляясь подъ базарный вкусъ, сталъ съ азартомъ писать о томъ, о чемъ толковалъ тогда базаръ,—о русско-турецкой войнѣ: о томъ, какъ—

Въ семьдесятъ седьмомъ году
Вздумалъ турка воевать,
Подвигалъ свою орду
И хотѣлъ Россію взять,—

и какъ эта орда—

Въ безобразныхъ колпакахъ
Подкрадалась подъ Царь-Пушку...

Съ болью сознавалъ онъ потомъ, сколько тупости, невѣжества было въ такихъ виршахъ и чего стоить этоть хамскій языкъ, это русское презрѣніе къ чужимъ колпакамъ. Съ болью вспоминалъ и многое другое... на примѣръ, Задонскъ. Однажды нашла на него страстная жажда покаянія, страхъ, что мать, умершая почти

съ голоду, горько повѣдала на небѣ свою скорбную жизнь, и онъ пѣшкомъ отправился къ угоднику; а тамъ только и дѣлалъ, что съ злобной радостью читалъ поклонникамъ одинъ особенно поразившій его „листокъ“: какъ нѣкій сельскій писарь вздумалъ не признавать властей и церкви, а Богъ такъ прогнѣвался, что „этотъ аристократъ слегъ на смертный одръ“ и что болѣзнь его была такая: „жралъ больше свиньи, а кричалъ, что все ему мало, и высохъ до неузнаваемости“... И вся-то молодость Кузьмы прошла въ такихъ исторіяхъ! Думалось, исповѣдывалось одно, а говорилось, дѣлалось—другое. Мечтая писать, подводя итоги жизни, Кузьма въ злой тоскѣ качалъ головой: „Русская-съ черта! Сѣяли горохомъ пополамъ съ чертополохомъ“.

Казалось, что былъ онъ въ молодости веселъ, добръ, нѣженъ, понятливъ, любознателенъ. Но такъ ли? Конечно, онъ не Тихонъ... Но отчего же и онъ, подобно Тихону, такъ рано усвоилъ грубость окружающихъ? Отчего онъ, добрый и нѣжный, такъ беспощадно забылъ мать? Отчего сердцемъ его, такъ пылко работавшимъ надъ книгой, еще такъ долго владѣлъ базарь?

Почти весь его заработокъ забиралъ въ общую копилку Тихонъ: свое дѣло рѣшили начать. Отдавалъ деньги Кузьма съ хорошей, сердечной довѣрчивостью, которой у Тихона никогда и не бывало. Но мать-то, мать-то! Вѣдь, онъ стоналъ, вспоминая, какъ она, нищая, благословляла его, дарила ему единственное свое сокровище, память лучшихъ дней, хранимую на днѣ сундука,—серебряный образокъ. И то, что онъ стоналъ, тоже было хорошо, но, вѣдь, деньги-то все-таки шли къ Тихону...

Бросивъ лавку и продавъ, что осталось послѣ матери, стали они торговать на эти деньги,—поѣхали къ

хохламъ, къ Воронежу. Въ родномъ городѣ бывать случалось часто, и съ Балашкинымъ Кузьма дружилъ по-прежнему, книги, которыя ему давалъ или указывалъ Балашкинъ, читалъ жадно, да и не такъ, какъ Тихонъ. Тихонъ, когда дѣлать было нечего, тоже любилъ почитать; могъ и годъ не брать книги въ руки, но если ужъ бралъ, то читалъ быстро, до послѣдней строчки, прочитавъ же, сразу порывалъ связь съ книгой; прочиталъ однажды за ночь цѣлый томъ „Современника“, не понялъ многого, очень занятнымъ назвалъ понятное—и ужъ на вѣкъ забылъ о „Современникѣ“. Кузьма тоже многого не понималъ—даже въ Бѣлинскомъ, Гоголѣ, Пушкинѣ. Но росло его пониманіе не по днямъ, а по часамъ, суть дѣла умѣлъ онъ схватывать и закрѣплять въ сердцѣ прямо на удивленіе... Отчего же, схватывая слова Добролюбова, сквернословилъ онъ на базарѣ и говорилъ хватъ вмѣсто фактъ? Отчего, бесѣдуя съ Балашкинымъ о Шиллерѣ, страстно мечталъ выпросить въ долгъ „ливенку“? Восторгаясь „Дымомъ“, онъ, однако, твердилъ, что „кто уменъ, да не ученъ, въ томъ безъ ученья много свѣта“. Побывавъ на могилѣ Кольцова, съ восхищеніемъ записалъ надпись на плитѣ ея: „Подсимъ памятникомъ погребено тело мещанина алесея василевича Калцова сочинителя и поэта воронежскаго награжденнаго монаршаю милостию просвещеннаго безнауку природою...“

Образумливалъ его—и крѣпкую печать наложилъ на душу—Балашкинъ.

Старый, огромный, худой, зиму и лѣто не снимавшій позеленѣйшей чуйки и теплаго картуза, большеликій, бритый и косоротый, Балашкинъ бывалъ почти страшень своими злыми рѣчами, своимъ глубокимъ стариковскимъ басомъ, колючей серебрястой щетиной

на сѣрыхъ щекахъ и губѣ и зеленымъ лѣвымъ глазомъ, выпученнымъ, сверкавшимъ и косившимъ въ ту сторону, куда былъ скопленъ и ротъ его. И какъ рывнулъ онъ однажды, выслушавъ рѣчь Кузьмы „о просвѣщеніи безъ наукъ“, какъ сверкнулъ этимъ глазомъ, отшвырнувъ цыгарку, которую насыпалъ махоркой надъ коробкой изъ-подъ килекъ!

— Ослиная челюсть! Что мелешь? Обдумалъ ли, что значить это наше „безъ наукъ просвѣщеніе“? Смерть Жадовской—вотъ дьявольскій символъ его.

— А что-жь—смерть Жадовской?—спросилъ Кузьма. И Балашкинъ бѣшено крикнулъ:

— Забылъ? Поетесса, богачка, барыня, а утопла—въ пужникѣ! Забылъ?

И опять схватилъ цыгарку и сталъ глухо ревѣть:

— Боже Милосливый! Пушкина убили, Лермонтова убили, Писарева утопили... Рылѣва удавили, Полежаева—въ солдаты, Шевченку—на десять годовъ въ арестанты законопатили... Достоевскаго къ разстрѣлу таскали, Гоголь съ ума спятилъ... А Кольцовъ, Никитинъ, Рѣшетниковъ, Помяловскій, Левитовъ? Охъ, да есть ли еще такая сторона въ мірѣ, такой народъ, будь онъ трижды проклятъ?

Тревожно теребя пуговицы длиннополага сюртука, то застегиваясь, то разстегиваясь, хмурясь и ухмыляясь, смущенный Кузьма сказалъ въ отвѣтъ:

— Такой народъ! Величайшій народъ, а не „такой“, позвольте вамъ замѣтить.

— Не смѣй призы раздавать!—опять крикнулъ Балашкинъ.

— Нѣтъ-съ, посмѣю! Вѣдь, писатели-то эти — дѣти этого самаго народа.

— Да, анахвема ты этакая, Жоржъ-Зандъ-то не меньше твоей Жадовской была, а не топла же!

— Платонъ Каратаевъ—вотъ признанный типъ этого народа!

— А почему-жь не твой негодяй-братецъ, не Тишка Красовъ?

— Платонъ Каратаевъ...

— Вши съѣли твоего Каратаева! Не вижу тутъ идеала.

— А русскіе мученики, подвижники, угодники, Христа ради юродивые, раскольники?

— Что-о? А Колезеи, хрестовые походы, войны ле-ригіозныя, секты несмѣтныя? Лютеръ, наконецъ, того? Нѣтъ, шалишь! Мнѣ-то сразу клыкъ не сломишь!

— Такъ что-жь дѣлать, по вашему?—крикнулъ и Кузьма.—Завязать глаза, да на край свѣта бѣжать?

Но тутъ Балашкинъ внезапно потухъ. Онъ закрылъ глаза, и сѣрое огромное лицо его изобразило глубокую, скорбную старость. Запустилъ руку за пазуху, вынулъ тяжелый серебряный хронометръ на длинной шейной цѣпочкѣ, тоже серебряной, долго что-то думалъ, опу-стивъ голову. И, наконецъ, пробормоталъ:

— Дѣлать? Не знаю... Одно знаю: пропали мы. Последнее—„Отечественныя Записки“—и то пристукнули! А тебѣ, дураку, все-таки одно нужно: учиться...

Да, нужно было одно—учиться. Но когда, гдѣ?

Цѣлыхъ пять лѣтъ торгашества — и это въ самую лучшую пору жизни! Великимъ счастьемъ казался даже пріѣздъ въ городъ. Отдыхъ, знакомые, запахъ пекаренъ и желѣзныхъ крышъ, мостовая на Торговой улицѣ, чай, булки и персидскій маршъ въ трактирѣ „Карсъ“. Политые изъ чайниковъ полы въ лавкахъ, предвечерняя прохлада, бой знаменитаго перепела у дверей Рудакова, запахъ рыбнаго ряда, укропа, романовской махорки...

Добрая и страшная улыбка Балашкина при видѣ подходящаго Кузьмы... Потомъ — громы и проклятiя славнофиламъ, Бѣлинскiй и скверная брань, безсвязное и страстное забрасыванiе другъ друга именами, цитатами... И самые безнадежные выводы — въ концѣ-концовъ. „Теперь-то ужъ и впрямь шабашъ,—во весь духъ ломимъ назадъ, въ Азiю!“—гудѣлъ старикъ и вдругъ, понижая голосъ, озирался: „Слышалъ? Салтыковъ, говорятъ, помираетъ. Послѣднiй! Отравили, говорятъ“. А на утро — опять телѣга, степь, зной или грязь, напряжено-мучительное чтенiе подъ толчки бѣгущихъ колесъ... Долгое созерцанiе степной дали, сладко-то-скливыи напѣвъ стиховъ внутри, перебиваемый думами о выручкѣ или перебранкой съ Тихономъ... Волнующiй запахъ дороги—пыли и дегтя... Запахъ мятныхъ приниковъ и удушливая вонь кошачьихъ шкуръ, грязной волны, сапогъ, смазанныхъ ворванью... Поистинѣ, изнурили эти годы,—усталость, по двѣ недѣли неснимаемая рубаха, ѣда всухомятку, хромота отъ сбитыхъ въ кровь пятокъ, почевки въ чужихъ семьяхъ, въ чужихъ избахъ и сѣнцахъ!

Широко перекрестился Кузьма, когда, наконецъ, выскочилъ изъ этой кабалы. Но ужъ подъ тридцать было ему, посѣрѣлъ онъ весь, трезвѣй, серьезнѣй сталъ, бросилъ стихи, бросилъ читать; привыкъ къ трактирамъ, къ выпивкѣ. Послужилъ безъ году недѣлю у гуртовщика подъ Ельцомъ, побывалъ по его дѣламъ въ Москвѣ—и расчелся. Въ Воронежѣ давно началась у него любовь, связь съ чужой женой—туда и потянуло: даже въ любви суждено было ему быть прихвостнемъ, хотя и пустили на родинѣ слухъ о его женитьбѣ! И почти десять лѣтъ околачивался онъ въ Воронежѣ — возлѣ ссыпки хлѣба, маклерствуя и пописывая въ газетахъ

статейки по хлѣбному дѣлу, отводя — или, вѣрнѣе, растравляя душу только статьями Толстого, да сатирами Щедрина. И все томился неотступной думой, что пропадаетъ, пропала его жизнь.

— Вотъ,—говорилъ онъ, вспоминая эти годы,—вотъ что значить оно, безъ наукъ-то просвѣщенiе! Да мало того: въ Глуповѣ рожденъ, въ Глуповѣ, подъ властью Держи-Морды, и околѣешь!

Въ началѣ девяностыхъ годовъ умеръ отъ грыжи Балашкинъ, а не задолго до того видѣлъ его Кузьма въ послѣднiй разъ. И что это за свиданiе было!

— Писать надо, — хмуро и зло жаловался одинъ.— Вянешь, какъ лопухъ въ полѣ..

— Да, да,—гудѣлъ другой, уже сонно кося своимъ помертвѣвшимъ глазомъ, съ трудомъ ворочая челюстью и не попадая махоркой въ цыгарку.—Сказано: каждый часъ учись, каждый часъ мысли... гляди кругомъ-то—на всѣ бѣды и убожества наши..

Потомъ застѣнчиво ухмыльнулся, отложилъ цыгарку и полѣзъ за пазуху.

— Вотъ,—забормоталъ онъ, роясь въ пачкѣ какихъ-то истершихся бумагъ и вырѣзокъ изъ газетъ. — Вотъ тутъ, другъ, куча добра... Великiй, будь онъ проклятъ, голодъ былъ. И я все почитывалъ, да записывалъ... Помру,—годится тебѣ, матерьялъ дьявольскiй. Все цынга да тифъ, тифъ да цынга. Въ одной волости всѣ дѣтишки вымерли, въ другой—всѣхъ собакъ поѣли... Богъ свидѣтель, не брешу! Да постой, я тебѣ найду сейчасъ..

Но рылся, рылся—и не нашелъ, сталъ искать очки, сталъ тревожно шарить по карманамъ, заглядывать подъ стойку, уморился—и махнулъ рукой. И, махнувъ, насупился и замоталъ головой:

— Да нѣтъ, нѣтъ—этого ты пока и касаться не смѣй.

Ты еще неучь слабоумный. Руби дерево по себѣ. На эту тему, что даваль-то я тебѣ, про Сухоносова-то написал? Нѣтъ еще? Ну, и вышель—ослиная челюсть. Какая тема-то!

— Про деревню бы надо, про народъ,—сказалъ Кузьма.—Вотъ, сами же вы говорите: Россія, Россія...

— А Сухоносый не народъ, не Россія? Да она вся—деревня, на носу заруби себѣ это! Глянь кругомъ-то: городъ это, по твоему? Стадо кажный вечеръ по улицамъ преть—отъ пыли сосѣда не видать... А ты—„городъ!“ У, непонятный обломъ,—тебѣ, видно, хоть колъ на головѣ теши, а ты все-таки никогда ничего не напишешь...

И ясно, твердо понялъ Кузьма, что святую правду сказалъ Балашкинъ: не писать ему. Вотъ Сухоносый... Много лѣтъ не выходилъ изъ головы этотъ гнусный слободской старикъ, все имущество котораго заключалось въ загаженномъ клопами тюфякѣ и сѣднемъ молью салопѣ,—въ наслѣдствѣ послѣ жены. Онъ побирался, болѣлъ, голодалъ, ютился за полтинникъ въ мѣсяцъ въ углу у торговки изъ „обжорнаго ряда“ и, по мнѣнію ея, могъ отлично поправить свои обстоятельства продажей наслѣдства. Но онъ дорожилъ имъ, какъ зеницей ока—и, конечно, совсѣмъ не въ силу нѣжныхъ чувствъ къ покойной: оно давало ему сознаніе, что у него есть, не въ примѣръ прочимъ, имущество. Ему казалось, что стоить оно дьявольски дорого: „Нынче такихъ салоповъ-то ужъ нѣтути!“ Онъ не прочь, совсѣмъ не прочь былъ продать его. Но ломилъ такія нелѣпыя цѣны, что въ столбнякъ приводилъ покупателей. И Кузьма очень хорошо понималъ эту слободскую трагедію. Но, начиная обдумывать, какъ изложить ее, начиналъ жить всѣмъ сложнымъ бытомъ слободы, воспоми-

наніями дѣтства, молодости—и запутывался, топилъ Сухоносова въ обилии картинъ, осаждавшихъ воображеніе, опускалъ руки, подавленный потребностью высказать свою собственную душу, выложить все, что калѣчило его собственную жизнь. А въ этой жизни страшнѣй всего было то, что она проста, обыденна, съ непонятной быстротой размѣнивается на мелочь... Да и не умѣлъ онъ писать: онъ, вѣдь, даже мыслить правильно и долго не умѣлъ; мучился, какъ щенокъ въ соломѣ, взявшись за перо... И предсмертное пророчество Балашкина отрезвило его: не до рассказовъ тутъ! И впервые мелькнула мысль написать „Итоги“, суровую и жесткую эпитафію себѣ...

Съ тѣхъ поръ прошло, однако, еще двѣнадцать бесплодныхъ лѣтъ. Онъ маклерствовалъ въ Воронежѣ, потомъ, когда умерла въ родильной горячкѣ женщина, съ которой онъ жилъ, маклерствовалъ въ Ельцѣ, торговалъ въ свѣчной лавкѣ въ Липецкѣ, былъ конторщикомъ въ экономіи Касаткина. И жизнь его текла ровно, въ работѣ, въ будничныхъ заботахъ,—пока выпивки не превратились въ запой какъ-то внезапно. Сталъ онъ, было, страстнымъ приверженцемъ Толстого: съ годъ не курилъ, въ ротъ не бралъ водки, не ѣлъ мяса, не разставался съ „Исповѣдью“, съ Евангелиемъ; даже почти рѣшилъ оставить службу и переселиться на Кавказъ, къ духоборамъ... Но вотъ поручили ему побывать по дѣламъ въ Кіевѣ. И, выѣхавъ, онъ почувствовалъ почти болѣзненную радость, точно неожиданно выпустили его послѣ долгой неволи на полную волю. Былъ ясный конецъ сентября—и все казалось легко, прекрасно: и чистый воздухъ, и нежаркое солнце, и бѣгъ поѣзда, и открытыя окна, и цвѣтистые лѣса, мелькавшіе вдоль нихъ. Въ вагонахъ стоялъ хохлацкій

говоръ — и напоминалъ молодость... Вдругъ, на остановкѣ въ Нѣжинѣ, увидѣлъ Кузьма большую толпу у дверей вокзала. Толпа окружала кого-то и кричала, волновалась, спорила. У Кузьмы застучало сердце, и онъ побѣжалъ къ ней. Быстро протолкался и увидалъ красную фуражку начальника станціи, бѣлый колпакъ повара, похожаго на гетмана, и сѣрую шинель рослаго жандарма, который распекалъ трехъ покорно, но упрямо стоявшихъ передъ нимъ хохловъ въ короткихъ толстыхъ свиткахъ, въ огромныхъ несокрушимыхъ сапогахъ, въ коричневыхъ бараньихъ шапкахъ. Шапки эти едва держались на чемъ-то страшномъ — на круглыхъ головахъ, увязанныхъ жесткой отъ засохшей сукровицы марлей, надъ запущенными глазами, надъ вздутыми и остекленѣвшими лицами въ зелено-желтыхъ кровоподтекахъ, въ запекшихся и почернѣвшихъ ранахъ: хохлы были искушены бѣшенымъ волкомъ, отправлены въ Кіевъ въ лечебницу и по суткамъ сидѣли чуть не на каждой большой станціи безъ хлѣба и копейки денегъ. И, узнавъ, что ихъ не пускаютъ теперь только потому, что поѣздъ называется скорымъ, Кузьма внезапно пришелъ въ ярость и, подъ одобрительные крики евреевъ изъ толпы, заоралъ, затопалъ ногами на жандарма. Его задержали, составили протоколъ, и, ожидая слѣдующаго поѣзда, въ первый разъ въ жизни напился Кузьма до безпамятства.

Хохлы были изъ Черниговской губерніи. Всегда она представлялась ему глухимъ лѣснымъ краемъ, съ тусклой, пасмурной синью надъ нимъ. О временахъ Владимира, о давней грубой жизни, боровой, мужицкой, напомнили эти люди, испытавшіе рукопашную схватку съ бѣшенымъ звѣремъ. И, напиваясь, валивая рюмки трясущимися послѣ скандала руками, Кузьма

восторгался: „Ахъ, и время же было!“ Онъ задумался отъ злобы и на жандарма, и на этихъ покорныхъ скотовъ въ свиткахъ. Тупые, дикіе, будь они прокляты... Но—Русь, древняя Русь! И слезы пьяной радости и силы, искажающей всякую картину до противоестественныхъ размѣровъ, застилали глаза Кузьмы. „А непротивленіе?“—вспоминалъ онъ порою и качалъ головой, ухмыляясь. Спиной къ нему, за общимъ столомъ, обѣдалъ молоденькій чистенькій офицеръ; и Кузьма ласково-нагло смотрѣлъ на его бѣлый китель, такой короткій, съ такой высокой таліей, что хотѣлось подойти, одернуть его. „И подойду!—думалъ Кузьма.— А вскочить, крикнуть—въ рыло! Вотъ тебѣ и непротивленіе“... Затѣмъ поѣхалъ въ Кіевъ и, махнувъ рукой на дѣла, три дня проходилъ, хмельной и радостно-возбужденный, по городу, по обрывамъ надъ Днѣпромъ. И въ Софійскомъ соборѣ, за обѣдней, многіе съ удивленіемъ оглядывали худого и широкаго кацапа, великоросса - мѣщанина, стоявшаго передъ саркофагомъ Изяслава. Одѣтъ онъ былъ опрятно, въ рукъ держалъ новый картузь, стоялъ прилично, но видъ имѣлъ странный: обѣдня кончалась, народъ выходилъ и отворялъ двери, сторожа тушили свѣчи, изъ верхнихъ оконъ падали въ голубой дымъ золотые полосы жаркаго полуденнаго солнца, онъ же, сжавъ зубы, опустивъ на грудь рѣдкую сѣрѣющую бороду и страдальчески-счастливо закрывъ глубоко-запавшіе глаза, слушалъ звонъ, пѣвуче и глухо гудѣвшій надъ соборомъ—стародавній звонъ, провожавшій нѣкогда въ походы на печенѣговъ... А передъ вечеромъ видѣли Кузьму у Лавры. Онъ сидѣлъ противъ воротъ ея, подъ засыхающей акаціей, возлѣ калѣчки-мальчишки, курилъ и, задумчиво-хитро щурясь, смотрѣлъ на бѣлыя стѣны и

ограды, на золото мелкихъ куполовъ въ чистомъ осеннемъ небѣ. Мальчишка былъ безъ шапки, съ колцевой сумой черезъ плечо, въ грязной рвани на тощемъ тѣлѣ; въ одной рукѣ держалъ онъ деревянную чашечку, съ копейкой на днѣ, а другой все перекладывалъ, какъ чужую, какъ вещь, свою уродливую, обнаженную до колѣна правую ногу, вялую, неестественно-тонкую, дочерна загорѣлую и поросшую золотистой шерстью. Никого не было кругомъ, но, сонно и болѣзненно откинувъ стриженную, жесткую отъ солнца и пыли голову, показывая тонкія дѣтскія ключицы и не обращая вниманія на мухъ, точившихъ его сопля, мальчишка непрестанно тянулъ:

Взгляните, мамыши,
какіе мы есть несчастные, страдаціе!
Ахъ, не дай Господь, мамыши,
такимъ страдающимъ быть!

И Кузьма ему поддакивалъ: „Такъ, такъ! Тяни, выродокъ, тяни. Отлично!“ А въ пьяномъ умѣ его упорно держалась хитрая, острая мысль, что вотъ еще разъ смѣло подбилъ онъ итогъ—итогъ за цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, такъ быстро и незамѣтно приведшихъ его къ какому-то совершенно неожиданному обрыву...

Одолѣвъ запой, остепенившись, онъ почувствовалъ себя уже старикомъ. Всегда скрытенъ онъ былъ — трудно было замѣтить переломъ его души. Но переломъ совершился. Съ поѣздки въ Кіевъ сравнялось три года. И за это время несомнѣнно произошло въ немъ что-то очень важное. Какъ произошло,—онъ даже самъ опредѣлить не пытался. Слишкомъ необычно была жизнь за эти годы — и его собственная, и общественная. Конечно, онъ еще въ Кіевѣ понималъ, что у Касаткина держаться ему недолго и что впереди—ни-

щета, потеря лика человѣческаго. Такъ и случилось. Продержался онъ еще два найма, но въ положеніи очень постыдномъ и тяжкомъ: вѣчно полупьяный, неопрятный, охрипшій, насквозь пропитанный махоркой, черезъ силу скрывающій свою непригодность къ дѣлу... Затѣмъ палъ еще ниже: вернулся въ родной городъ, проживалъ послѣдніе гроши; ночевалъ цѣлую зиму въ общемъ номерѣ на подворьѣ Ходова, дни убивали въ трактирѣ Авдѣича на Бабьемъ Базарѣ. Осенью девятьсотъ пятаго года изъ этихъ грошей много ушло на глупую затѣю—на изданіе книжки стиховъ, а зимой уже приходилось шататься среди посѣтителей Авдѣича и навязывать имъ книжку за поль-цѣны... Да мало того: онъ чуть шуткомъ не сталъ! Разъ, въ морозное солнечное утро, стоялъ онъ на базарѣ возлѣ мучныхъ лавокъ и глядѣлъ на босяка, который кривлялся передъ купцомъ Мозжухинымъ, вышедшимъ на порогъ. Мозжухинъ, огромный, сонно-насмѣшливый, похожій лицомъ на отраженіе въ самоварѣ, занятъ былъ больше котомъ, который лизалъ его расчищенный сапогъ. Но босякъ не унимался. Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, сталъ, поднимая плечи и хрипя, декламировать:

Кто дѣйствуетъ съ похмеля,
Тотъ дѣйствуетъ умно...

И Кузьма, блестя запухшими глазами, внезапно подхватилъ:

Да здравствуетъ веселье,
Да здравствуетъ вино!

А проходившая мимо старуха-мѣщанка, похожая лицомъ на старую львицу, остановилась, исподлобья поглядѣла на него и, поднявъ костыль, раздѣльно, зло сказала:

— Небось, молитву-то не заучилъ такъ-то!

И, Боже, какими глазами оглядѣли Кузьму съ ногъ до головы и всѣ прочіе, что были вокругъ!

Ниже падать стало некуда. Но это-то и спасло его. Въ мартѣ онъ пережилъ нѣсколько страшныхъ сердечныхъ припадковъ—и сразу оборвалъ пьянство. И отрешеніе наступило тоже сразу,—вмѣстѣ съ твердымъ рѣшеніемъ начать самую простую трудовую жизнь, снимать, на примѣръ, сады, огороды, купить гдѣ-нибудь въ родномъ уѣздѣ пчельникъ, благо, осталось еще рублей полтора ста...

Мысль эта сперва радовала его. „Да, это отлично,—думалъ онъ съ той скорбно-иронической усмѣшкой, которую еще такъ недавно усвоилъ себѣ:—домой пора!“ И правда, нуженъ былъ отдыхъ, хотѣлось новой жизни. Такъ недавно еще началась эта огромная смута и въ немъ, и вокругъ него. Но она уже сдѣлала свое дѣло, начало ея уже не было въ туманѣ. Не потому ли, что въ пьяномъ полуснѣ прошла передъ нимъ она? Да, но были и другія причины: все совершившееся за послѣдніе годы было предчувствовано и втайнѣ пережито гораздо ранѣе. Иначе какъ объяснить то, что онъ нѣсколько не удивился, на примѣръ, началу войны и бунтовъ? Почему принималъ, какъ должное, и все послѣдующее—и эти тысячи газетныхъ свѣдѣній о небывалыхъ, ошеломляющихъ событіяхъ, и то, что онъ, толстолицъ, сразу сталъ ярымъ защитникомъ самыхъ свирѣпыхъ убійствъ? Вѣчно полупьяный, дрожащій, съ мутою въ головѣ и глазахъ, онъ все-таки каждое утро жадно кидался на газету или на кровавыя вѣсти изъ устъ окружающихъ. Теперь никакими усилями памяти нельзя было уловить того момента, съ котораго началась напряженная жизнь политикой, только ею. Эта жадность была, конечно, не у одного него и возрастала такъ же естественно,

какъ бѣжить вверхъ ртуть подъ солнцемъ. Пошло къ закату солнце—пошла и ртуть на убыль; не удивившись началу, не удивился Кузьма и концу: что-жъ, такъ и должно быть на святой Руси,—по Сенькѣ и шапка. Но самъ Кузьма сталъ уже не тотъ, что былъ прежде. Совсѣмъ посѣрѣла его борода, порѣдѣли, приобрѣли желѣзные цвѣтъ его причесанные на прямой рядъ, завивавшіеся на концахъ волосы, потемнѣло и еще худѣе стало широкое въ скулахъ лицо. Обострились зрѣніе, наблюдательность, скептической умъ. Утончилась, болѣзненно и скорбно чуткой стала душа, хотя и умѣлъ онъ скрывать это за простымъ, серьезнымъ и даже порою твердымъ взглядомъ своихъ маленькихъ глазъ подъ чуть перекошенными бровями. Подтянулся онъ весь, меньше сталъ думать о себѣ, больше—объ окружающемъ... Но хотѣлось, все-таки, „домой“, отдохнуть; хотѣлось работы простой, ровной, болѣе, чѣмъ маклерство, лавки и конторы, отвѣчающей душѣ. И опять пробудились мечты—уже не тревожныя, не нудныя—приняться за „эпитафію“, гдѣ нужно было, какъ онъ чувствовалъ теперь, уже не себя на первый планъ выставить...

Весной, за нѣсколько мѣсяцевъ до мира съ Тихономъ, Кузьма прослышалъ, что сдается садъ въ селѣ Казаковѣ, въ родномъ уѣздѣ, и поспѣшилъ туда: мѣста глухія, черноземныя, по близости тѣхъ, гдѣ красовскій корень, гдѣ былъ Кузьма только въ раннемъ дѣтствѣ. Теперь онъ даже не представлялъ себѣ, что такое Дурновка, и, рѣшивъ снять казаковскій садъ, рѣшилъ непремѣнно побывать и въ Дурновкѣ.

Не удалось, однако, ни то, ни другое. Да и вернулся Кузьма въ городъ со стиснутыми зубами.

Было начало мая; послѣ жары завернули холода,

дожди, шли надъ городомъ осеннія мрачныя тучи. Кузьма, въ старой чуйкѣ и старомъ картузѣ, безъ калошъ, въ однихъ сбитыхъ опойковыхъ сапогахъ, шагаль на вокзалъ, за Пушкарную Слободу, и, качая головой, морщась отъ цыгарки въ зубахъ, заложивъ руки назадъ, подъ чуйку, улыбался: навстрѣчу ему только что пробѣжалъ босоногій мальчишка съ кипой газетъ подмышкой и на бѣгу бойко крикнулъ привычную фразу:

— Всяобщая забастовка!

— Опоздалъ, малый,—сказаль Кузьма.—Поновѣй-то чего нѣту?

Мальчишка, блестя глазами, приостановился.

— Новыя городовой на вокзалѣ отняль,—отвѣтилъ онъ весело.

— Ай да конституція!—весело сказаль и Кузьма и двинулся дальше, прыгая среди грязи подъ темными отъ дождей гнилыми заборами, подъ вѣтвями мокрыхъ садовъ и окнами косыхъ хибарокъ, сходявшихъ подъ гору, въ конецъ городской улицы. „Чудеса въ рѣшетѣ!“—думаль онъ, прыгая. Прежде въ такую погоду по лавкамъ, трактирамъ зѣвали, еле перекидывались словами. Теперь по всему городу — толки о Думѣ, о бунтахъ и пожарахъ, о томъ, какъ „Муронцевъ отбриль примѣръ-министра“... Ну, да не надолго лягушкѣ хвостъ! Въ городскомъ саду уже играетъ оркестръ стражниковъ... Казаковъ прислали цѣлую сотню. И третьяго дня на Торговой улицѣ одинъ изъ нихъ, пьяный, подошелъ къ открытому окну общественной библіотеки и, разстегивая штаны, предложилъ барышнѣ-завѣдующей купить „архметику“. Старикъ-извозчикъ, стоявшій подлѣ, сталъ стыдить его, а казакъ выхватилъ шашку, разсѣкъ ему плечо и съ матерной бранью кинулся по

улицѣ за летящими куда попало, ошалѣвшими отъ страха прохожими и пробѣжими...

— Кошкoderь, кошкoderь, завалился подъ заборъ!—тонкими голосами завопили за Кузьмой дѣвчонки, прыгавшія по камнямъ мелкаго слободскаго ручья.— Тамъ кошекъ деруть, ему лапку дадутъ!

— У, паршивыя! — цыкнулъ на нихъ, замахиваясь желѣзной коробкой, шедшій впереди Кузьмы кондукторъ въ страшно тяжелой даже на видъ шинели.—Ровесника нашли!

Но по голосу можно было понять, что онъ сдерживаетъ смѣхъ. И Кузьма повторилъ уже инымъ тономъ: „Конституція!“ Старыя глубокія калоши кондуктора были въ засохшей грязи, хлястики шинели висѣль на одной пуговицѣ... Бревенчатый мостикъ, по которому шель кондукторъ, лежалъ косо. Дальше, возлѣ рвовъ, промытыхъ вешней водой, росли чахлыя лозинки. И Кузьма невесело взглянулъ и на нихъ, и на соломенные крыши по слободской горѣ, на дымчатныя и синеватыя тучи надъ ними, и на рыжую собаку, грызшую во рву кость. На днѣ рва сидѣль на корячкахъ мѣщанинъ въ жилеткѣ сверхъ ситцевой косоворотки и съ неловкой, глупой улыбкой пялилъ вверхъ выпученные глаза, бѣлѣвшіе на красномъ отъ натуги лицѣ. Онъ сжимался, чтобы его не увидали съ горы, изъ слободы и, когда съ нимъ поровнялся Кузьма, отъ неловкости сказаль:

— Это на васъ дѣвчонки-то? Ишь, чертеняты, съ малолѣтства къ озорству привыкаютъ!

— Сами же и научаете ихъ, — отвѣтилъ Кузьма, хмурясь.

„Да, да,—думаль онъ, поднимаясь на гору.—Не надолго лягушкѣ хвостъ!..“ Поднявшись, вздохнувъ сы-

рымъ полевымъ вѣтромъ, увидавъ среди пустыхъ зеленыхъ полей красныя вокзальныя постройки, онъ опять ухмыльнулся. Парламентъ, депутаты! Вчера воротился онъ изъ сада, гдѣ, по случаю праздника, была иллюминація, взвивались ракеты, а стражники играли „Тореадора“ и „Возлѣ рѣчки, возлѣ моста“, „Матчишъ“ и „Тройку“, вскрикивая среди галопя: „Эй, мила-и!“—вернулся и сталъ звонить у заднихъ воротъ своего подворья. Дергаль, дергаль гремящую проволоку—ни души. Ни души и кругомъ, тишина, сумерки, холодное зеленоватое небо на закатѣ за площадью въ концѣ улицы, надъ головой—тучи... Наконецъ, плетется кто-то за воротами, кряхтитъ. Гремить ключами и бормочетъ:

— Въ отдѣлку охромѣлъ...

— Отчего это?—спросилъ Кузьма.

— Лошадь убила,—отвѣтилъ отворявшій и, распахнувъ калитку, прибавилъ:—Ну, теперь еще двое осталось.

— Это судейскіе, что ли?

— Судейскіе.

— А не знаешь, зачѣмъ судъ пріѣхалъ?

— Депутата судить... Говорятъ, рѣку хотѣлъ отравить.

— Депутата? Дуракъ, да развѣ депутаты этимъ занимаются?

— А чума ихъ знаетъ...

На окраинѣ слободы, возлѣ порога глиняной мазанки, стоялъ высокій, худой старикъ въ опоркахъ. Въ рукѣ у старика была длинная орѣховая палка, и, увидавъ проходящаго, онъ поспѣшилъ притвориться гораздо болѣе старымъ, чѣмъ онъ былъ,—взялъ палку въ обѣ руки, поднялъ плечи, сдѣлалъ усталое, грустное лицо. Сырой, холодный вѣтеръ, дувшій съ поля, трепалъ космы его сѣрыхъ волосъ. И Кузьма вспомнилъ отца, дѣтство... „Русь, Русь! Куда мчишься ты?“—при-

шло ему въ голову восклицаніе Гоголя.—Русь, Русь!.. Ахъ, пустоболты, пропасти на васъ нѣту! Вотъ это будетъ почище—„депутатъ хотѣлъ рѣку отравить“... Да, но съ кого и взыскивать-то? Несчастный народъ, прежде всего—несчастный!..“ И на маленькіе зеленоватые глаза Кузьмы навернулись слезы—внезапно, какъ это стало часто случаться за послѣднее время. Забрелъ онъ недавно въ трактиръ Авдѣича на Бабьемъ Базарѣ. Вошелъ во дворъ, утопая по щиколку въ грязи, и со двора поднялся во второй этажъ—„дворянскую половину“—по такой вонючей, насквозь сгнившей деревянной лѣстницѣ, что даже его, человѣка, выдававшего вида, затошнило; съ трудомъ отворилъ тяжелую, сальную дверь въ клокахъ войлока, въ рваныхъ ветошкахъ вмѣсто обивки, съ блокомъ изъ веревки и кирпича—и ослѣпъ отъ чада, дыма, блеска жестяныхъ рефлекторовъ за стѣнными лампочками, оглохъ отъ звона посуды на стойкѣ, говора, топота бѣгущихъ во всѣ стороны полныхъ и гнусаваго крика граммофона. Затѣмъ прошелъ въ дальнюю комнату, гдѣ народу было меньше, сѣлъ за столикъ, крытый мокрой красной скатертью, спросилъ меду... Подъ ногами, на затоптанномъ и заплеванномъ полу—ломтики высосаннаго лимона, яичная скорлупа, окурки... А у стѣны напротивъ сидитъ длинный мужикъ въ лаптяхъ и блаженно улыбается, мотаетъ лохматой головой, прислушиваясь къ кричащему граммофону. На столикѣ—сотка водки, стаканчикъ, крендели. Но мужикъ не пьетъ, а только мотаетъ головой, смотритъ на лапти и вдругъ, почувствовавъ на себѣ взглядъ Кузьмы, открываетъ радостные глаза, поднимаетъ чудесное доброе лицо въ рыжей вьющейся бородѣ. „Ну, залетѣлъ!“—восклицаетъ онъ радостно и изумленно. И спѣшитъ добавить—въ оправданіе: „У

меня, господишь, братъ тутъ служа... Братъ родной"... И, сморгнувъ слезы, Кузьма стиснулъ зубы. У, анаемы, до чего затоптали, забили народъ! „Залетѣлъ!“ Это къ Авдѣичу-то! Да мало того: когда Кузьма поднялся и сказалъ: „Ну, прощай!“—поспѣшно поднялся и мужикъ и отъ полноты счастливаго сердца, съ глупою благодарностью и за свѣтъ, и за роскошь обстановки, и за то, что поговорили съ нимъ по-человѣчески, поспѣшно отвѣтилъ: „Не прогнѣвайтесь“...

Въ вагонахъ прежде разговаривали только о дождяхъ и засухахъ, о томъ, что „дѣны на хлѣбъ Богъ строить“. Теперь у многихъ въ рукахъ шуршали газетные листы, а толкъ шелъ опять-таки о Думѣ, о свободахъ, отчужденіи земель—никто и не замѣчалъ проливного дождя, шумѣвшаго по крышамъ, хотя ѣхалъ народъ все жадный до весеннихъ дождей—хлѣботорговцы, мужики, мѣщане съ хуторовъ. Прошелъ молодой солдатъ съ отрѣзанной ногой, въ желтухѣ, съ черными печальными глазами, ковыляя, стуча деревяшкой, снимая манчжурскую папаху и, какъ нищій, крестясь при каждомъ подаяніи. И поднялся шумный негодующій говоръ о правительствѣ, о Линевицѣ, о Стаховицѣ, министрѣ Дурново и какомъ-то казенномъ овсѣ... Издѣваясь, вспомнили то, чѣмъ прежде наивно восхищались: какъ „Витя“, чтобы напугать японцевъ въ Портсмутѣ, приказывалъ свои чемоданы увязывать... Сидѣвшій противъ Кузьмы молодой человѣкъ, стриженный бобрикомъ, покраснѣлъ, заволновался и поспѣшилъ вмѣшаться:

— Позвольте, господа!—Вотъ вы говорите—свобода... Вотъ я служу письмоводителемъ у податного инспектора и посылаю статейки въ столичныя газеты... Развѣ это его касается? Онъ увѣряетъ, что онъ тоже за свободу, а, между тѣмъ, узналъ, что я написалъ о не-

нормальной постановкѣ нашего пожарнаго дѣла, призываетъ меня и говоритъ: „Если ты еще будешь, сукинъ сынъ, писать эти штуки, я тебѣ голову отмотаю!“ Позвольте: если мои взгляды лѣвѣе его...

— Взгляды?—альтомъ карлика вдругъ крикнулъ со сѣды молодого человѣка, толстый, большой скопецъ въ сапогахъ бутылками, мучникъ Черняевъ, все время косившій на него маленькими глазками. И, не давъ ему опомниться, завопилъ:

— Взгляды? Это у тебя-то взгляды? Это ты-то лѣвѣе? Да я тебя еще безъ портокъ видалъ! Да ты съ голоду околѣвалъ, не хуже отца своего, побирушки! Ты у инспектора-то ноги долженъ мыть, да воду пить!..

— Кон-сти-ту-у-ція,—тонкимъ голосомъ, перебывая скопца, запѣлъ Кузьма и, поднявшись съ мѣста, задѣвая колѣни сидящихъ, пошелъ по вагону къ дверямъ.

Ступни у скопца были маленькія, полныя и противныя, какъ у какой-нибудь старой ключницы, лицо тоже бабье, большое, желтое, плотное, какъ гутаперча, губы тонкія... Да хорошъ и Полозовъ,—учитель прогимназіи, тотъ, что такъ ласково кивалъ головой, слушая скопца и опираясь на трость,—коренастый, холеный человѣкъ лѣтъ тридцати, въ сапожкахъ съ голенищами подъ сѣрыми панталонами, въ сѣрой шляпѣ и сѣрой крылаткѣ, ясноглазый, съ круглымъ носикомъ и роскошной русой бородой во всю грудь. Учитель, а на указательномъ пальцѣ—тяжелый золотой перстень-печать. И ужъ домикъ имѣетъ—приданое за дочерью протопопа. Ступни тоже маленькія, руки короткія, пальцы—обрубочки; чистоплотенъ и аккуратенъ—на рѣдкость, каждый день въ купальню ходитъ... И анаема, говорятъ, не приведи Господи! Нѣтъ, все-таки мужики-то и мѣщане—не чета такимъ. И, отворивъ дверь на площадку вагона, Кузьма

глубоко вздохнул холодной и душистой дождевой свѣжестью. Дождь глухо гудѣлъ по навѣсу надъ площадкой, лилъ съ него ручьями, и на Кузьму летѣли брызги. Послѣ города опьянялъ полевой воздухъ, смѣшанный съ волнующимъ запахомъ паровознаго дыма. Вагоны, раскачиваясь, грохотали среди шума дождя, навстрѣчу, опускаясь и подымаясь, плыли проволоки телеграфа, по бокамъ бѣжали густыя свѣже-зеленыя опушки орѣшника. Пестрая куча мальчишекъ вдругъ выскочила изъ-подъ насыпи и звонко, хоромъ закричала что-то. Кузьма засмѣялся отъ удовольствія, и все лицо его покрылось мелкими морщинами. А поднявъ глаза, онъ увидалъ на противоположной площадкѣ странника: доброе, измученное крестьянское лицо, сѣдую бороду, широкополую шляпу, драповое пальто, подпоясанное веревкой, мѣшокъ и жестяной чайникъ за плечами, на тонкихъ ногахъ—лапти. Странникъ тоже улыбался. И Кузьма крикнулъ ему сквозь грохотъ и шумъ:

— Какъ тебя зовутъ, дѣдъ?

— Антономъ... Антонъ Безпалыхъ,—съ милой готовностью отвѣтилъ слабымъ крикомъ странникъ.

— Съ богомолья?

— Изъ Воронежа...

— Жгутъ тамъ помѣщиковъ?

— Жгутъ...

— И чудесно!

— Ась?

— Чудесно, говорю!—крикнулъ Кузьма.

И, отвернувшись, дрожащими руками, смаргивая набѣжавшія слезы, сталъ свертывать цыгарку... Но мысли уже опять спутались. „Странникъ—народъ, а скопецъ и учитель—не народъ? Рабство отмѣнили все-

го сорокъ пять лѣтъ назадъ,—что-жъ и взыскивать съ этого народа? Да, но кто виноватъ въ этомъ? Самъ же народъ. Русь—подъ русскимъ игомъ, братушки разные—подъ турецкимъ, галичане—подъ австрійскимъ, о полякахъ—и говорить нечего... Ай да великая славянская семья!“ — И лицо Кузьмы опять потемнѣло и осунулось. Косясь по сторонамъ, онъ сталъ перебирать пальцы, ломать ихъ и хрустѣть суставами.

На четвертой станціи онъ слѣзъ и нанялъ подводку. Мужики-извозчики просили сперва семь рублей, — до Казакова было двѣнадцать верстъ, — потомъ пять съ полтиной. Наконецъ, одинъ сказалъ: „Троякъ отдашь — повезу, а то и языкъ трепать нечего. Нынче вамъ не преждее“... Но не выдержалъ тона и прибавилъ привычную фразу: „Опять же корма дорогіе“... И повезъ за полтора. Грязь была непролазная, телѣга маленькая, еле живая, лошаденька — ушастая, какъ осель, слабая. Медленно потянулись со двора станціи, мужикъ, сидѣвшій на грядкѣ, сталъ томиться, дергая веревочныя вожжи, какъ бы желая вѣзмъ своимъ существомъ помочь лошади. Онъ хвастался, что ее „не удержишь“ и теперь, видимо, стыдился. Но что было хуже всего — такъ это онъ самъ. Молодой, огромный, довольной полный, въ лаптяхъ и бѣлыхъ онучахъ, въ въ короткомъ чекменѣ, подпоясанномъ оборкой, и въ старомъ картузѣ на прямыхъ желтыхъ волосахъ. Пахнетъ курной избой, коноплей, — пахарь временъ царя Гороха да и только!—лицо бѣлое, безусое, а горло—распухшее, голосъ сиплый.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Кузьма.

— Звали Ахванасіемъ...

„Ахванасіемъ!“—подумалъ Кузьма съ сердцемъ.

— А дальше?

— Меньшовъ... Нно, анчихристъ!
— Дурная, что-ль?—кивнулъ Кузьма на горло.
— Ну, ужъ и дурная,—пробормотала Меньшовъ, отводя глаза въ сторону.—Квасу холоднаго напился...
— Да глатать-то больно?
— Глотать—нѣтъ, не больно...
— Ну, значить, и не болтай по-пусту,—сказалъ Кузьма строго.—Налаживай-ка лучше въ больницу поскорѣе. Женатый небось?

— Женатый..
— Ну, вотъ видишь. Пойдутъ дѣти—и наградишь ты ихъ всѣхъ въ лучшемъ видѣ.

— Ужъ это какъ пить дать,—согласился Меньшовъ. И, томясь, сталъ дергать вожжи. „Но, но... Сладу съ тобой нѣту, анчихристъ!“ Наконецъ, бросилъ это бесполезное занятіе и успокоился. Долго молчалъ и вдругъ спросилъ:

— Собрали, купецъ, Думу-то, ай нѣтъ?
— Собрали.
— А Макаровъ-то, говорятъ, живъ,—только не велѣлъ сказывать...

Кузьма махнулъ рукой: хороши гуси! „А богатство какое!— думалъ онъ, мучительно сидя съ поднятыми колѣнями на голомъ днѣ телѣги, на клокъ соломы, крытомъ веретемъ, и оглядывая улицу. Еще холоднѣе стало, еще мрачнѣе шли съ сѣверо-запада тучи надъ этимъ черноземнымъ краемъ, пересыщенномъ дождями. Грязь на дорогахъ—синеватая, жирная, зелень деревьевъ, травъ, огородовъ—темная, густая, и на всемъ—этотъ синеватый тонъ чернозема и тучь. Но избы—глиняныя, маленькія, съ навозными крышами. Возлѣ избъ—разсохшіяся водовозки. Вода въ нихъ, конечно, съ головастиками... Вотъ богатый дворъ. На огородахъ, за ста-

рыми лозинами, пчельникомъ и садикомъ изъ трехъ-четырехъ яблонь-лѣсовокъ,—старая темная рига. Варокъ, ворота, изба—все подъ одной крышей, подъ старновкой въ начесъ. Изба кирпичная, въ двѣ связи, простѣнки разрисованы мѣломъ: на одномъ—палочка и по ней вверхъ—рогульки,—елка, на другомъ что-то вродѣ пѣтуха; окошечки тоже окаймлены мѣломъ — зубцами. „Творчество! —ухмыльнулся Кузьма.—Пещерныя времена, накажи Богъ,—пещерныя!“ На дверяхъ пунекъ — кресты, написанные углемъ, у крыльца—большой могильный камень,—видно, дѣдъ или бабка про смерть приготовили... Да, дворъ богатый. Но грязь кругомъ по колѣно, на крыльцѣ лежитъ свинья, и по ней, качаясь и взмахивая крылышками, ходитъ желтенькій цыпленокъ. Окошечки—крохотныя, и въ жилой половинѣ избы, небось, темнота, вѣчная тѣснота: палаты, ткацкій станъ, здоровенная печь, лохань съ помоями... А семья большая, дѣтей много, зимой—ягнята, телята... И сырость, угаръ такой, что зеленый паръ стоитъ. А дѣти хнычутъ—и орутъ, получая подзатыльники; не вѣстки ругаются—„чтобъ тебя громомъ расшибло, сука подворотная!“—желаютъ другъ другу „подавиться кускомъ на Великъ День“; старушонка - свекровь поминутно швыряетъ ухваты, миски, кидается на невѣстокъ, засучивая темныя жилистыя руки, надрывается отъ визгливой брани, брызжетъ слюной и проклятіями то на одну, то на другую... Золь, боленъ и старикъ, изнурилъ всѣхъ наставленіями и хвостовствомъ. Деретъ за волосы женатыхъ сыновьевъ, и они порою противно, по мужицки плачутъ...

— Чей дворъ?—спросилъ Кузьма.

— Красновыхъ,—отвѣтилъ Меньшовъ и прибавилъ:—Тоже всѣ въ дурной...

За Красновыми повернули на выгонъ. Село было большое, выгонъ тоже. На немъ налаживалась ярмарка. Уже кое-гдѣ торчали остовы палатокъ, навалены были колеса, глиняная посуда; дымилась смазанная на живую руку печь, пахло аладьями; сѣрѣла походная кибитка цыганъ, и возлѣ колесъ ея сидѣли овчарки на цѣпяхъ. Налѣво виднѣлись избы, а направо—складъ теса, двѣ городскія лавки, пекарня, „торговля яблочныхъ винъ“ какого-то Златоверховникова. Ни у лавокъ, ни на выгонѣ не было ни души. Но дальше, возлѣ казеннаго кабака, стояла тѣсная толпа дѣвокъ, мужиковъ и раздавались вскрикиванья.

— Гуляеть народъ,—задумчиво сказалъ Меньшовъ.

— Это съ какой радости?—спросилъ Кузьма.

— Надѣется...

— На что?

— Извѣстно, на что... На домового.

И правда. На огромномъ пустомъ выгонѣ, въ сумрачный холодный день, эти взвизгиванія и звуки двухъ ливенокъ, ладившихъ другъ другу, казались жалкими, терялись въ чемъ-то будничномъ, скучномъ и старомъ. Народъ переживаетъ что-то новое, что-то празднуеть, но вѣрить ли въ свой праздникъ? Ой, наврядъ!—думалъ Кузьма, подѣвжая и глядя на бѣлыя, розовыя, зеленыя юбки дѣвокъ, на равнодушныя, грубо накрашенныя лица, на оранжевыя, золотистыя и малиновые платочки. Телѣга подѣехала къ толпѣ и остановилась. Меньшовъ не спускалъ съ нея глазъ и осклабялся. Заглядѣвшись, сталъ улыбаться и Кузьма. Тутъ звуки уже не казались жалкими,—ливенки жадно вторили другъ другу, и въ ладъ имъ, среди одобрительнаго гама пьяныхъ, лихо раздавались прибаутки.

— И-ихъ!—крикнулъ кто-то подъ крѣпкой глухой топотъ:

Не пахать, не косить—
Дѣвкамъ жамки носить!

И невысокій мужикъ, стоявшій сзади толпы, вдругъ взмахнулъ руками. Все на немъ было домовито, чисто, прочно—и лапти, и онучи, и новые тяжевые портки, и очень коротко, кургузо подрѣзанная сборчатая юбка поддевки изъ страшно толстаго сиваго сукна. Онъ, вѣрно, и не плясалъ-то отъ роду, но тутъ вдругъ мягко и ловко топнулъ лаптями, взмахнулъ руками, теноромъ крикнулъ: „Разступись, дай куцу глянуть!“—и, вскочивъ въ разомкнувшійся кругъ, отчаянно затрясъ портками передъ молодымъ высокимъ малымъ, который, быкомъ склонивъ картузь, дьявольски вывертывалъ сапогами и, вывертывая, сбрасывалъ съ себя, съ новой ситцевой рубахи, черную поддевку. Лицо малаго было сосредоточено, мрачно, блѣдно и потно, но тѣмъ сильнѣе и неожиданнѣе казались его фальцетныя взвизгиванья.

— Сынокъ! Жаланный!—вопила, среди гама и дробнаго топота, старушка въ паневѣ, протягивая руки. Будя тебѣ за ради Христа! Жаланный, будя—помрешь!

И сынокъ вдругъ вскинулъ голову, сжалъ кулаки и зубы и съ яростнымъ лицомъ и топотомъ крикнулъ сквозь зубы:

Цыцъ, бабка, не кукуй!....

И старушка, подъ грохнувшій хохотъ, шарахнулась на дѣвокъ...

— А она и такъ послѣдніе холсты для него продала,—говорилъ Меньшовъ, тащась по выгону.— Любитъ она его безъ памяти,—дѣло вдовье,—а онъ почестъ кажный день мордуеть ее, пьяный... Знать, того стбитъ.

— Это какимъ же манеромъ—, того стоитъ“?—спросилъ Кузьма.

— А какимъ... Не поатакай.

✓ Много разъ вспоминалъ Кузьма потомъ этотъ день и такъ и не уяснилъ себѣ, отчего такимъ безнадежнымъ казалось ему все. Въ городѣ, въ вагонахъ, по деревнямъ, по селамъ,— всюду чувствовалось что-то необычное, отзвуки какого-то большого праздника, какой-то большой побѣды и большихъ ожиданій. Но ужъ въ слободѣ понялъ Кузьма, что чѣмъ дальше въ эти безпредѣльные поля, подъ холодное сумрачное небо, тѣмъ все глуше, нелѣпѣе и тоскливѣе становятся эти отзвуки. Вотъ отъѣхали—и уже опять стали жалкими крики, игра и топотъ въ толпѣ у кабака. Тамъ праздникъ, пытаются „гулять“, а впереди—будни, сѣрая и равнодушная: впереди — опять огороды, лозняки, два ряда курныхъ избъ, водовозки съ вонючей прудовкой, а въ концѣ улицы—поля, синева холодной дали, темный лѣсокъ на горизонтѣ, низкія тучи...

У одной избы—съ выбитымъ окномъ и колесомъ на гнилой крышѣ—сидитъ на скамейкѣ длинный больной мужикъ—краше въ гробъ кладутъ. Похожъ на Некрасова. На плечи, на длинную и грязную замашную рубаху, накинута старая полушубокъ; ноги, какъ палки, стоятъ въ валенкахъ, большія мертвыя руки ровно и недвижно лежатъ на острыхъ колѣнахъ, на протертыхъ порткахъ. На лобъ по-стариковски надвинута шапка, глаза замученные, просящіе, нечеловѣчески худое лицо вытянуто, губы пепельныя, полураскрытыя...

— Это Чучень,—сказалъ Меньшовъ, кивая на больного.—Отъ живота второй годъ помираетъ.

— Чучень? Это что-жъ—прозвище?

— Прозвишша...

— Глупо!—сказалъ Кузьма.

И отвернулся, чтобы не видѣть дѣвчонки возлѣ слѣдующей избы: она, перевалившись назадъ, держала на рукахъ ребенка въ чепчикѣ, пристально глазѣла на проѣзжихъ и, высовывая языкъ, нажевывала, готовила для ребенка соску изъ чернаго хлѣба... А на околицѣ, на крайнемъ огородѣ-гумнѣ гудѣли отъ вѣтра лозинки, трепалось покосившееся пугало пустыми рукавами. Гумно, что выходитъ въ степь, всегда неуютно, скучно, а тутъ еще это пугало, осеннія тучи, и гудитъ вѣтеръ съ поля, раздуваетъ хвосты куръ, бродящихъ по току, заросшему лебедой и чернобыльникомъ, возлѣ риги съ раскрытымъ хребтомъ, возлѣ голубой молотилки-рязанки... А на грядкѣ телѣги, выбирающейся изъ деревни на синюю грязь дороги, что теряется въ морѣ зеленыхъ овсовъ и ржей, сидитъ огромный бѣломордый кретинъ съ бѣлыми и крупными, какъ у телка, рѣсницами и раздувшимся горломъ...

Лѣсокъ, синѣвшій на горизонтѣ, — двѣ длинныхъ лощины, заросшихъ дубнякомъ,—назывался Порточками. И около этихъ Порточекъ захватилъ Кузьму проливной дождь съ градомъ, провожавшій до самаго Казакова. Лошаденку Меньшовъ гналъ подъ селомъ въ скачь, а Кузьма, зажмурясь, сидѣлъ подъ мокрымъ холоднымъ веретемъ. Руки костенѣли отъ холода, за воротъ чуйки текли ледяныя струйки, отяжелѣвшее подъ дождемъ веретѣе воняло прѣлымъ завромомъ. Въ голову стучали градины, летѣли лепешки грязи, въ колеяхъ, подъ колесами, шумѣла вода, гдѣ-то блеяли ягнята... Наконецъ, стало такъ душно, что Кузьма отшвырнулъ веретѣе съ головы назадъ и жадно глотнулъ свѣжій воздухъ. Дождь рѣдѣлъ, вечерѣло, мимо телѣги по зеленому выгону бѣжало къ избамъ стадо. Тонконогая черная

воца отбилась въ сторону, и за ней гонялась, накрывшись мокрой юбкой, блестя бѣлыми икрами, босая баба. На западѣ, за селомъ, свѣтлѣло, на востокѣ, на сизо-пыльномъ фонѣ тучи, надъ хлѣбами, стояли двѣ зелено-фіолетовыхъ дуги. Густо и влажно пахло зеленюю полей и тепло—жилемъ.

— Гдѣ тутъ господскій дворъ?—крикнулъ Кузьма плечистой бабѣ въ бѣлой рубахѣ и красной шерстяной юбкѣ.

Баба стояла на камнѣ возлѣ избы сотскаго и держала за руку голосившую дѣвочку лѣтъ двухъ. Дѣвочка голосила такъ яростно, что вопросъ пропалъ даромъ.

— Дворъ?—повторила баба.—Чей?

— Господскій.

— Чей? Ничего не слыжать... А, да захлебнись ты, родимецъ тебя расшиби!—крикнула баба, дернувъ дѣвочку за руку такъ сильно, что та перевернулась и, полетѣвъ съ камня, повисла.

Разспросили въ другомъ дворѣ. Проѣхали широкую улицу, взяли влѣво, потомъ вправо и мимо чьей-то старосвѣтской усадьбы съ забитымъ наглухо домомъ стали спускаться подъ крутую гору, къ мосту черезъ рѣчку. Съ лица, съ волосъ, съ чекменя Меньшова падали капли. Умытое толстое лицо его съ телячьими рѣсницами казалось еще тупѣе. Онъ съ любопытствомъ заглядывалъ куда-то впередъ. Глянулъ и Кузьма. На томъ боку, на покатоми выгонѣ—темный казаковскій садъ, широкій дворъ, обнесенный разрушающимися службами и развалинами каменной ограды; среди двора, за тремя засохшими елками—обшитый сѣрымъ тесомъ домъ, подъ ржаво-красной крышей. Внизу, у моста—кучка мужиковъ. А навстрѣчу, на крутой размытой до-

рогѣ, бьется въ грязи, вытягивается вверхъ тройка худыхъ рабочихъ лошадей, запряженныхъ въ тарантасъ. Оборванный, но красивый батракъ—стройный, блѣдный, съ красноватой бородкой, съ карими умными глазами—стоялъ возлѣ тройки, дергалъ возжи и, надсаживаясь, кричалъ: „Н-но! Н-но-о!“ А мужики съ гогомомъ и свистомъ подхватывали: „Тпру! Тпру!“ И при каждомъ ихъ словѣ отчаянно простирала впередъ руки сидѣвшая въ тарантасѣ молодая женщина въ траурѣ, съ крупными слезами на длинныхъ рѣсницахъ, съ искаженнымъ отъ ужаса и болѣзненнымъ лицомъ. Ужась, напряженіе были и въ бирюзовыхъ глазахъ толстаго рыжеусаго челоуѣка, сидѣвшаго съ ней рядомъ. Обручальное кольцо блестяло на его правой рукѣ, сжимавшей револьверъ; лѣвой онъ все махалъ, и, вѣрно, ему было очень жарко въ верблюжьей поддевкѣ и дворянскомъ картузѣ, съѣхавшемъ на затылокъ. А со скамеечки противъ сидѣвшаго съ кроткимъ любопытствомъ озирались дѣти—мальчикъ и дѣвочка, блѣдные отъ холода и усталости, закутанные въ шали.

— Это Мишка Сиверскій,—громко и сипло сказалъ Меньшовъ, объѣзжая тройку и равнодушно глядя въ глазки дѣтей.—Его сожгли вчера... Видно, стоитъ того.

Казаковыхъ было четверо: вдова-хозяйка, два барчука и холостякъ-дядя, прожившійся хуторянинъ. Дѣлами правилъ староста, бывшій солдатъ-кавалеристъ, челоуѣкъ рослый и грубый. Къ нему, въ людскую, и надо было обратиться, какъ сказалъ Кузьмѣ работникъ, вѣзжавшій во дворъ въ телѣгѣ съ накошенной мокро-зеленой травой. Но у старосты случилось въ этотъ день два несчастія, и встрѣченъ былъ Кузьма очень неласково. Утромъ умеръ ребенокъ,—уже девятый за тринадцать лѣтъ супружества,—и околѣла черная ко-

рова. Къ смерти ребенка всё отнесли, конечно, равнодушно, но на корову ходила смотрѣть даже сама барыня. Когда Кузьма, оставивъ Меньшова за воротами, подошелъ къ людской, заплаканная старостиха несла отъ сада рябую курицу, смирно сидѣвшую у нея подмышкой. Среди колоннокъ на ветхомъ крыльцѣ стоялъ высокій молодой человѣкъ, въ шароварахъ, длинныхъ сапогахъ и ситцевой косовороткѣ, и, увидавъ старостиху, крикнулъ:

— Агафья, куда-й-то ты ее несешь?

— Рѣзать,—отвѣтила старостиха серьезно и печально, остановившаяся возлѣ ледника.

— Дай-ка я зарѣжу.

И молодой человѣкъ направился къ леднику, не обращая вниманія на дождь, снова начавшій накрапывать съ насупившагося неба. Отворивъ дверь ледника, онъ взялъ съ порога топоръ—и черезъ минуту раздался короткій стукъ—и безголовая курица, съ краснымъ обрубочкомъ шеи, побѣжала по травѣ, спотыкнулась и завертѣлась, трепыхая крыльями и разбрасывая во всѣ стороны перья и брызги крови. Молодой человѣкъ кинулъ топоръ и направился къ саду, а старостиха, поймавъ курицу, подошла къ Кузьмѣ.

— Тебѣ что?

— Насчетъ сада,—сказалъ Кузьма.

— Федоръ Ивановича подожди.

— А гдѣ онъ?

— Сейчасъ съ поля приѣдетъ.

И Кузьма сталъ ждать у открытаго окна людской. Онъ заглянулъ туда, увидѣлъ въ полутьмѣ печь, нары, столъ, корытце на лавкѣ у окна—гробикъ корытцемъ, гдѣ лежалъ мертвый ребенокъ съ большой, почти голый головкой, съ синеватымъ личикомъ... За столомъ

сидѣла толстая слѣпая дѣвка и большой деревянной ложкой ловила изъ миски молоко съ кусками хлѣба. Мухи, какъ пчелы въ ульѣ, гудѣли надъ ней, ползали по мертвому личику и падали въ молоко, но слѣпая, сидя прямо, какъ истуканъ, и уставивъ въ сумракъ бѣльма, ѣла и ѣла. Кузьмѣ стало страшно и онъ отвернулся. Порывами дулъ холодный вѣтеръ, отъ тучъ становилось все темнѣе. Среди двора возвышалось два столба съ перекладиной, на перекладинѣ, какъ икона, висѣла большая чугунная доска: значить, по ночамъ боялись, били въ нее. По двору валялись худыя борзые собаки. Мальчикъ лѣтъ восьми бѣгалъ среди нихъ, позилъ на телѣжкѣ бѣлоголоваго бурдастаго братишку въ большомъ черномъ картузѣ—и телѣжка неистово визжала. Домъ былъ сѣрь, грузень и, должно быть, чертовски скученъ въ эти сумерки. „Хоть бы огонь зажгли!“—подумалъ Кузьма. Онъ смертельно усталъ, ему казалось, что онъ выѣхалъ изъ города чуть не годъ тому назадъ. Вдругъ послышался вой, лай—и изъ воротъ сада растерянно выскочила, таща другъ друга, бокомъ, куда попало прядая, озираясь и стараясь разорваться, пара собакъ,—гончая сука и дворовый кобель,—головами въ разныя стороны. За ними съ гоголомъ бѣжалъ малый, распоясанный, безъ шапки, шаркая тяжелыми сапогами. За малымъ—барчукъ...

А вечеръ и ночь Кузьма провелъ въ саду, въ старой банѣ. Староста, приѣхавъ верхомъ съ поля, сердито сказалъ, что „садъ давно сдандень“, а на просьбу о ночлегѣ только нагло изумился: „Ажноль ты умень!—ни съ того, ни съ сего крикнулъ онъ.—Постоялый дворъ какой нашель! Много васъ теперь такихъ шатается“... Но смиловивился—и разрѣшилъ итти въ баню. Кузьма расцелся съ Меньшовымъ и пошелъ мимо дома къ во-

ротамъ липовой аллеи. Изъ темныхъ раскрытыхъ оконъ, изъ-за желѣзныхъ сѣтокъ отъ мухъ, гремѣлъ рояль, покрываемый великолѣпнымъ баритональнымъ теноромъ, затѣйливыми вокализациями, совершенно не идущими ни къ вечеру, ни къ усадьбѣ. По грязному песку покатою аллеи, въ концѣ которой, какъ на краю свѣта, тускло бѣлѣло облачное небо, не спѣша двигался навстрѣчу Кузьмѣ невысокій темно-рыжій мужичокъ съ ведромъ въ рукѣ—и тоже безъ пояса, безъ шапки и въ тяжелыхъ сапогахъ.

— Ишь, ишь!—насмѣшливо говорилъ онъ на ходу, прислушиваясь къ тенору.—Ишь, раздолбается, пузо его лопни.

— Кто раздолбается?—спросилъ Кузьма.

Мужичокъ поднялъ голову и пріостановился.

— Да баггчукъ - то,—весело сказалъ онъ, сильно картавя.—Говорять, семой годъ такъ-то!

— Это какой же,—что собакъ гналъ?

— Н-вѣтъ, другой... Да это еще чтб. Иной разъ какъ примется кричать: „Нонче ты, завтра я...“ прямо бяда-а!

— Учится, вѣрно.

— Хороша ученье!

— А тотъ, другой, что же дѣлаетъ?

— Энтотъ-то? — Мужичокъ, сдержанно-насмѣшливо улыбаясь, передохнулъ.—Да ничего... Чего-жъ ему,—харчи хорошіе, забава есть: Федька подкидываетъ бутылочки, а онъ палитъ по нимъ; на-пору купить у мужука бороду, отрѣжетъ и забьетъ ружье, ради смѣху... Опять же—собаки: унасъ ихъ прямо гибель. Въ воскресный день какъ вдарятъ въ колокола—подхватятъ всей оравой... содомъ чистый! Третеводни загрызли мужицкаго кобеля... мужики во дворъ:—„Давай на ведро—и шабашъ. А то забастовку сейчасъ исдѣлаемъ“...

— Что-жъ,—дали?

— Ужли-жъ нѣтъ? Да-ашь, бра-ать! Мельникъ тутъ есть... Вышелъ прямо къ крыльцу и говоритъ: „Вѣтеръ-то, господа-дворяне, съ поля дуетъ!“ Вотъ и пойми его. Барчукъ, былъ, похорохорился:—„Это что-жъ за вѣтеръ такой?“—„А такой, говоритъ,—я тебѣ загадалъ, а ты подумай...“ Сразу, братъ, улечилъ его!

Все это были рассказано какъ - будто небрежно, вскользь, съ передышками, но съ такой ѣдкой усмѣшкой и картавостью—„сггазу, бгггать!“—что Кузьма внимательно глянулъ на встрѣчнаго. Похожъ на дурачка. Волосы прямые, въ скобку, длинные. Лицо — небольшое, незначительное, старинно-русское, суздальской работы. Сапоги огромные, тѣло тощее и какое-то деревянное. Глаза подъ большими сонными вѣками—ястребиные, съ золотистымъ кружкомъ въ зрачкѣ. Опустить вѣки — картавый дурачекъ, подниметъ — даже жутко немного.

— Ты въ саду сидишь?—спросилъ Кузьма.

— Въ саду. А то гдѣ же?;

— А какъ тебя зовутъ?

— Меня-то? Акимъ... А тебя?

— Я садъ хотѣлъ снять.

— Вона... хватился!

И Акимъ насмѣшливо мотнулъ головой и задумчиво пошелъ своей дорогой, видимо, сразу забывъ о Кузьмѣ.

Вечеръ казался октябрьскимъ, но вѣтеръ дулъ все порывистѣе, сыпля брызги съ ярко-зеленыхъ деревьевъ, за садомъ, гдѣ-то низко, гремѣлъ глухой громъ, блѣдно-голубые сполохи озаряли аллею и повсюду пѣли соловьи. Совершенно непонятно было, какъ могутъ они такъ старательно, въ такомъ упорномъ забытѣ, такъ

сладко и сильно цокать, шелкать и разсыпаться подь этимъ тяжкимъ свинцово-облачнымъ небомъ, среди гну-щихся отъ вѣтра деревьевъ, въ густыхъ мокрыхъ ку-стахъ. Но еще непонятнѣе было, какъ проводятъ караульщики на этомъ вѣтру ночи, какъ спать они на сырой соломѣ, подь навѣсомъ огромнаго гнилаго шалаша въ концѣ аллеи!

Караулило трое. И всѣ были больны. Одинъ, молодой, худощавый, симпатичный, бывший пекаръ, уволенный прошлой осенью за стачку, теперь босякъ, еще не утра-тившій крестьянскаго облика, жаловался на лихорадку; у другого, тоже босяка, но уже застарѣлаго, была ча-хотка, хотя онъ говорилъ, что ему ничего, „только вотъ промежь крыльевъ холодитъ“; Акимъ страдалъ „кури-ной слѣпотой“—отъ худосочія плохо видѣлъ въ сумер-кахъ. Пекаръ, блѣдный и ласковый, сидѣлъ, когда по-дошелъ Кузьма, возлѣ шалаша на корточкахъ и, засу-чивъ на худыхъ, слабыхъ рукахъ рукава женской ват-ной кофты, промывалъ въ деревянной чашкѣ пшено. Чахоточный Митрофанъ, человекъ небольшого роста, широкой, но страшно худой и темнолицый, похожий на дагомейца, весь въ мокромъ отрепѣ и опоркахъ, сби-тыхъ и жесткихъ, какъ старое лошадинье копыто, стоялъ возлѣ пекаря и, поднявъ плечи, карими блестящими глазами, расширенными и ничего не выражающими, глядѣлъ на его работу. Акимъ притащилъ ведро воды и разводилъ, поддувалъ въ земляной печуркѣ противъ шалаша огонь. Онъ входилъ въ шалашь, выбиралъ тамъ пуки соломы посуше и опять шелъ къ пахуче ды-мившему подь чугуномъ костру, все бормоча что-то, дыша со свистомъ и насмѣшливо-загадочно, небрежно улыбаясь на подтруниванья сотоварищей, зло и ловко срѣзая ихъ порою. Его не то и впрямь считали съ при-

дурью, не то просто привыкли къ такому тону. А Кузьма закрывалъ глаза и слушалъ то разговоръ, то соловьевъ, сидя на сырой скамейкѣ возлѣ шалаша, осыпаемый ледя-ными брызгами, когда по аллеѣ, подь сумрачнымъ, вздрагивавшимъ отъ блѣдныхъ зарницъ небомъ, про-носился сырой вѣтеръ и глухо погромыхивалъ громъ. Подь ложечкой сосало отъ голода и тютюна. Кулешъ, казалось, никогда не поспѣетъ, изъ головы не выхо-дила мысль, что, можетъ, и самому придется жить та-кой же звѣриной жизнью, какъ эти караульщики... и что впереди—только старость, болѣзни одиночество и нищета. Тѣло ныло, но чувствовалось, что не заснешь, и раздражали порывы вѣтра, дальній однообразный громъ, соловьи и медлительная, небрежно-ѣдкая карта-вость Акима, его скрипучій голосъ.

— Ты бы, Акимушка, хоть поясокъ-то купилъ, — притворно-просто говорилъ пекаръ, закуривая, продолжая трунить и все поглядывая на Кузьму, —приглашая его послушать Акима.

— Вотъ погоди, — разсѣяннo-насмѣшливо отвѣчала Акимъ, сливая изъ закипѣвшаго котелка въ чашку бѣлую жижу. — Вотъ отживемъ у хозяина лѣто—сапоги тебѣ со скрипомъ куплю.

— „Со скггипомъ!“ Да я у тебя не прошу.

— А самъ—въ опоркахъ!

И Акимъ сталъ заботливо пробовать съ ложки жижу.

Пекаръ смутился и притворно вздохнулъ:

— Ужъ гдѣ намъ сапоги носить!

— Да будетъ вамъ, — сказалъ Кузьма: — вы вотъ лучше скажите, что же это у васъ — каждый день все кулешъ да кулешъ?

— А тебѣ чего-жъ—рыбки, ветчинки захотѣлось?—

спросилъ Акимъ, не обарачиваясь. — Она бы ничего такъ-то: водочки осьмушку, сомовинки хунтика три, хвостикъ ветчинки, чайку хруктоваго...

— Ну, что-жь, — сомовинки! — улыбнулся Кузьма. — Что-жь это за рыба!

Акимъ обернулся.

— Дуракъ, — сказалъ онъ убѣжденно: — разя рыба плохая бываетъ? А это не кулешъ, а называется — рѣденькая кашка. Кулешъ — на закуску.

— А щи, похлебку — варите?

— У насъ, братъ, были они, щи-то, да какіе еще! На кобеля плеснешь — шерсть соскочить!

— Ну, похлебочки бы...

— А гдѣ ихъ, картохъ-то, взять? У мужука, у чорта, братъ, не укупишь! У мужука среди зимы снѣгу не выпросишь.

Кузьма покачалъ головой.

— А, вѣдь, это ты отъ болѣзни такъ золъ! Полечился бы, что ли, маленько...

Акимъ облизалъ ложку и, не отвѣтивъ, опустил на короточки передъ огнемъ. Огонь уже потухалъ, подъ чугуномъ краснѣла горка тонкихъ угольковъ; садъ темнѣлъ и темнѣлъ, и голубые сполохи, при порывахъ вѣтра, раздувавшихъ рубаху Акима, уже стали блѣдно озарять лица. Митрофанъ сидѣлъ рядомъ съ Кузьмой, опершись на палку, поставленную между ногъ, пекаръ — на пнѣ подъ липой. Услыхавъ послѣднія слова Кузьмы, онъ сталъ серьезенъ.

— А я такъ полагаю, — сказалъ онъ покорно и грустно, — что не иначе, какъ все Господь. Не дастъ Господь здоровья, такъ никакіе доктора тебѣ не помогутъ. Вонъ Акимъ правду говорить: раньше смерти не помрешь.

— Доктора! — подхватилъ Акимъ, глядя на угли и особенно ѣдко выговаривая это слово: дохтогга! — Доктора, братъ, свой карманъ блюдутъ. Я-бъ ему, доктору-то энтому, кишки за его дѣла выпустилъ!

— Не всѣ блюдутъ, — сказалъ Кузьма.

— Я всѣхъ не видалъ.

— Ну, и не бреши, если не видалъ, — строго сказалъ Митрофанъ и обратился къ пекарю. — Да и ты хорошъ: ишь, распѣлся сиротой казанской! Небось, кабы не валялся по-собачьи на зemi, не карезило бы тебя такъ-то.

— Да, вѣдь, я... — началъ было пекаръ.

Но тутъ насмѣшливое спокойствіе внезапно покинуло Акима. И, выкативъ свои бессмысленные ястребиные глаза, онъ вдругъ вскочилъ и закричалъ съ запальчивостью идиота:

— Что? Это я-то не бреши? Ты былъ въ больницѣ-то? Былъ? А я былъ! Я въ ней семь день сидѣлъ, — много онъ мнѣ булокъ-то давалъ, докторъ-то твой? Много?

— Да, дуракъ, — перебилъ Митрофанъ, — булки не всѣмъ же полагаются: это по болѣзни.

— А! По болѣзни!.. Ну, и подавись онъ ими, пузо его лопни! — крикнулъ Акимъ.

И, бѣшено озираясь, шваркнулъ ложку въ „рѣденькую кашку“ и пошелъ въ шалашъ.

Тамъ онъ, со свистомъ дыша, зажегъ лампочку, и въ шалашѣ стало уютно. Потомъ досталъ откуда-то изъ-подъ крыши ложки, кинулъ ихъ на столъ и крикнулъ: „Несите, что-ль, кулешъ-то!“ Пекаръ всталъ и пошелъ за чугуномъ. „Милости просимъ“, — сказалъ онъ, проходя мимо Кузьмы. Но Кузьмѣ было неприятно ѣсть вмѣстѣ съ Акимомъ. Онъ попросилъ хлѣба, круто посолилъ его и, съ наслажденіемъ жуя, опять вернулся

къ скамейкѣ. Стало совсѣмъ темно. Блѣдно-голубой свѣтъ все шире, быстрѣе и ярче озарялъ шумящія деревья, точно раздуваемый вѣтромъ, и при каждомъ сполохѣ мертвенно-зеленая листва становилась на мгновение видна, какъ днемъ, послѣ чего все заливалось могильной чернотой. Соловьи смолкли,—сладко и сильно цокаль и рассыпался только одинъ—надъ самымъ шалашомъ. А въ шалашѣ, вокругъ лампочки, уже опять текла мирно-ироническая бесѣда. „Даже и не спросили—кто я, откуда?—думалъ Кузьма. — Народъ, пропади онъ пропадомъ!“ И, жуя, шутливо, крикнулъ въ шалашъ:

— Акимъ! А ты и не спросилъ даже: кто я, откуда?

— А на что ты мнѣ нуженъ-то? — отвѣтилъ Акимъ равнодушно.

— Я вотъ его о другомъ спрашиваю,—послышался голосъ пекаря: — сколько онъ отъ Думы земли часть получить? Какъ думаешь, Акимушка? А?

— Я не письмѣнный,—сказалъ Акимъ. — Тебѣ изъ навозу виднѣй.

И пекарь, должно быть, опять смутился: на минуту наступило молчаніе.

— Это онъ насчетъ нашего брата,—заговорилъ Митрофанъ.—Я рассказывалъ какъ-то, что вотъ въ Ростовѣ бѣдный народъ, проталеріать, то-есть, зимой въ навозѣ спасается...

— Выйдетъ за городъ, — радостно подхватилъ Акимъ: — и — въ навозъ! Зароется не хуже свиньи — и горя мало.

— Дуракъ! — отрѣзалъ Митрофанъ и такъ строго, что Кузьма обернулся.—Чего гогочешь? Дуракъ слѣпой, раскоряка! Застигнетъ бѣдность—зароешься!

Акимъ, опустивъ ложку, сонно посмотрѣлъ на него.

И съ той же внезапной запальчивостью, какъ и давеча, раскрылъ свои пустые ястребиные глаза и бѣшено крикнулъ:

— А-а! Бѣдность! По часамъ захотѣлъ работать?

— А какъ-же?—бѣшено крикнулъ и Митрофанъ, раздувая свои дагомойскія ноздри и въ упоръ глядя на Акима блестящими глазами.—Двадцать часовъ за двугривенный?

— А-а! А тебѣ бы часъ за цѣлковый? — Дюже жаденъ, пузо твое лопни!

Но ссора столь же быстро и потухла, какъ разгорѣлась. Черезъ минуту Митрофанъ уже спокойно говорилъ, обжигаясь кулешомъ:

— Это онъ-то не жаденъ! Да онъ, дьяволъ слѣпой, за копейку въ алтарь удавится. Вѣрите-ли — жену за пятиалтынный продалъ! Ей-Богу, не шучу. Тамъ у насъ въ Липецкѣ есть такой старичокъ, Панковъ прозывается, тоже прежде садовничалъ, ну, а теперь на покоѣ и очень любить это дѣло...

— Да Акимъ-то тоже изъ-подъ Липецка?—перебилъ Кузьма.

— Изъ Студѣнки, изъ деревни, — равнодушно сказалъ Акимъ, точно и не про него шель толкъ.

— Вѣрно, вѣрно,—подтвердилъ Митрофанъ.—Закоренѣлый мужикъ. При братѣ живетъ, землей, дворомъ сообча владѣетъ съ нимъ, но только все-таки въ родѣ какъ замѣсто дурачка, и жена отъ него, конечно, ужъ сбѣжала; а отчего сбѣжала — какъ разъ отъ этого отъ самаго: сторговался съ Панковымъ за пятиалтынный, чтобъ пустить его, замѣсто себя, ночью въ клѣть — и пустилъ.

Акимъ молчалъ, постукивая ложкой по столу и

глядя на лампочку. Онъ уже наѣлся, утерся и теперь что-то думалъ.

— Брехать, малый, — не пахать, — сказалъ онъ, наконецъ.—А хоть бы и пустилъ: ай она слиняетъ?

И, прислушиваясь, осклабился, поднялъ брови, и его суздальское личико стало радостно-грустно, покрывшись крупными деревянными морщинами.

— Вотъ бы изъ ружья-то его!—сказалъ онъ особенно скрипуче и картаво.—Такъ бы и кувыркнулся!

— Это ты про кого-же?—спросилъ Кузьма.

— Да про соловья-то этого...

Кузьма сжалъ зубы и, подумавъ, сказалъ:

— А стерва ты, мужикъ. Звѣрь.

— Поцѣлуй меня въ... таперь,—отозвался Акимъ машинально. И, икнувъ, поднялся:

— Ну, что-жъ даггомъ огонь-то жечь?

Мигрофанъ сталъ заворачивать цыгарку, пекарь—убирать ложки, а онъ выльзъ изъ-за стола, повернулся къ лампочкѣ спиной и, поспѣшно перекрестившись три раза, съ размаху поклонился въ темный уголь шалаша, встряхнулъ мочальными прямыми волосами и, поднявъ лицо, зашепталъ молитву. Отъ него пала на какіе-то тесовые ящики и переломилась большая тѣнь, а самъ онъ показался Кузьмѣ еще меньше, чѣмъ давеча. Кузьма вспомнилъ, какъ былъ онъ когда-то на призывѣ: призывалось пятьсотъ человекъ, взять нужно было всего сто двадцать, ему достался четыреста девяносто второй номеръ—и, все-таки, чуть было не пришлось раздѣваться: такъ браковали этихъ голыхъ подростковъ, похожихъ на голыхъ воробьевъ своими тонкими, какъ плети, руками и большими, тугими животами. Акимъ опять торпливо перекрестился и опять съ размаху поклонился—и Кузьма уже съ ненавистью взглянулъ на него. Вотъ

Акимъ молится—и попробуй-ка спросить его, вѣрить ли онъ въ Бога! Изъ орбитъ выскочать его ястребинные глаза! Ему, вѣдь, кажется—никто на свѣтѣ не вѣритъ такъ, какъ онъ. Онъ до глубины души убѣжденъ, что въ угоду Богу, да чтобъ и люди не осудили, надо строго-на-строго исполнять даже малѣйшее изъ того, что положено по отношенію къ церкви, постами, праздникамъ, добрымъ дѣламъ, что для спасенія души,—не по добротѣ же, конечно!—неукоснительно слѣдуетъ творить эти дѣла, ставить свѣчи, въ постъ ѣсть рыбку да маслице, а въ праздники праздновать—и ублажать пирогами и курятиной попа... И, зная эту убѣжденность, и всѣ твердо вѣрятъ, что Акимъ очень вѣрующій человекъ, хотя за всю свою жизнь ни разу не подумалъ этотъ Акимъ: да что же такое его Богъ?—какъ никогда не думалъ онъ ни о небѣ, ни о землѣ, ни о рожденіи, ни о смерти... Что ему думать! За него обдумали. У него на все есть отвѣты—спокойные, тысячу лѣтъ тому назадъ заготовленные. Онъ, вѣдь, знаетъ: на небѣ—рай, ангелы, праведные, въ аду—черти и грѣшники, на землѣ—люди, которые пахутъ, строятъ, торгуютъ, наживаютъ денежки, женятся, живутъ въ свое удовольствіе... Не всѣ, конечно, далеко не всѣ, да что-жъ съ этимъ подѣлаешь? Стремиться-то все-таки люди должны къ этому—и ужъ придетъ времячко, покажетъ себя Акимъ!—подумалъ Кузьма, какъ всегда, съ изумленіемъ и ужасомъ вспоминая погромы, Ну, а тайна рожденія и смерти—это его не касается. По рожденіи надо быть перекрещеннымъ, да по нашему, по-русски, а не по-собачьи—по-турецки или французски. Умирая,—непрѣмѣнно приобщиться,—иначе ада не миновать,—а всего лучше особороваться. Вотъ и все. Есть еще на землѣ насѣкомыя, цвѣты, растенія, птицы, животныя... Но о

цвѣтахъ и насѣкомыхъ Акимъ думать не унижится— просто давить ихъ. Растенія онъ замѣчаетъ только тѣ, что приносятъ плоды, ягоды, идутъ на кормъ. Птицы летаютъ, поютъ—и самое любезное дѣло стрѣлять на ѣду тѣхъ изъ нихъ, что годны къ тому, а негодныхъ—для забавы. Звѣрей надо всѣхъ, до единого истребить, а къ животнымъ относиться разное: своихъ держать въ тѣлѣ, на пользу себѣ, чужимъ и старымъ—выстегивать глаза кнутомъ, ломать ноги...

— И какое ему дѣло,—съ тоской подумалъ Кузьма,— какое ему дѣло, разъ онъ не хозяйствуетъ, что идетъ недѣлю дождь, градъ, гремитъ громъ, сверкаютъ зарницы... что, небось, онѣ озаряютъ теперь мертвое синеватое личико въ темной, полной мухъ избѣ, гдѣ, какъ убитая, спитъ слѣпая дѣвка...

Казалось, что годъ тому назадъ выѣхалъ онъ изъ города и что никогда-то теперь не доберешься до него. Тяготилъ мокрый картузь, ныли холодныя ноги, сжатыя грязными сапогами. Лицо за день обвѣтрилось, горѣло. Тѣло было разбито телѣгой и неуютностью, бесполезной жаждой отдыха. Но спать—нѣтъ, еще не заснешь. Поднявшись со скамьи, Кузьма пошелъ навстрѣчу сырому вѣтру, къ воротамъ въ поле, къ пустоши давно упраздненнаго погоста. Изъ шалаша падалъ на грязь слабый свѣтъ, но, какъ только Кузьма отошелъ, Акимъ дунулъ на лампочку, свѣтъ исчезъ и сразу наступила ночь. Голубоватая зарница блеснула еще смѣлѣе и неожиданнѣй, раскрыла все небо, всю глубину сада до самыхъ отдаленныхъ яблонь, гдѣ стояла баня, и вдругъ залила все такой чернотой, что закружилась голова. И опять гдѣ-то низко загремѣлъ глухой дальній громъ и изъ-за шума деревьевъ и гула донесся отрывистый визгъ, лай—грызныя собакъ, пировавшихъ за садомъ надъ до-

хлой коровой. Постоявъ и различивъ тусклый просвѣтъ въ воротахъ, Кузьма вышелъ на дорогу, пролежавшую мимо вала, мимо шумящихъ старыхъ липъ и кленовъ, и сталъ медленно ходить взадъ и впередъ. На картузь, на руки опять посыпался дождь. Но хотѣлось додумать то, что началъ. Вдругъ опять глубоко распахнулась черная тьма, засверкали капли дождя и на пустоши, въ мертвенно-голубомъ свѣтѣ, вырѣзалась фигура мокрой тонкошей лошади. Блѣдное, металлически-зеленое поле осовъ мелькнуло за пустошью на чернильномъ фонѣ, а лошадь подняла голову—и Кузьмѣ стало жутко. Лошадь быстро потонула въ темнотѣ, но—чья она? почему не спутана? зачѣмъ ей всю ночь шататься безъ призора?.. И Кузьма повернулъ къ воротамъ. Въ канавѣ подъ валомъ, въ мокрыхъ лопухахъ и крапивѣ, кто-то не то рычалъ, не то храпѣлъ. Спотыкаясь, протягивая, какъ слѣпой, руки, впередъ, Кузьма приблизился къ канавѣ.

— Кто тутъ?—крикнулъ онъ.

Но храпъ былъ мертвецки пьяный, крѣпкій, захлебывающійся. Да и все кругомъ спало глубокимъ сномъ. Зарницы потухали, сонныя, невидимыя въ темнотѣ деревья шумѣли подъ усиливающимся дождемъ глухо и хмуро... А когда Кузьма ощупью добрался, наконецъ, до бани, дождь обрушился на землю съ такой силой, что, какъ въ дѣтствѣ, стали мелькать страшныя мысли о потопѣ. Онъ чиркнулъ спичкой, увидалъ широкія нары возлѣ окошечка и, свернувъ чуйку, кинулъ ее въ изголовье. Въ темнотѣ влѣзъ на нары и съ глубокимъ вздохомъ растянулся на нихъ, легъ по-стариковски, на спину и закрылъ усталые глаза. Боже мой, какая нелѣпая и тяжкая поѣздка! И какъ это онъ попалъ сюда? Въ барскомъ домѣ теперь тоже тьма, и зарницы

на лету, украдкой отражаются въ зеркалахъ... Въ шалашѣ, подъ проливнымъ дождемъ, спитъ Акимъ... Вотъ, въ этой банѣ, не разъ, конечно, видали чертей: вѣрять ли Акимъ хоть въ чорта какъ слѣдуетъ? Нѣтъ. Вѣрили тысячу лѣтъ тому назадъ, Акимъ же только машинально принялъ наслѣдство. Но, не вѣря, онъ все-таки съ увѣренностью рассказываетъ о томъ, какъ его покойникъ-дѣдъ—непремѣнно дѣдъ и непремѣнно покойникъ—пошелъ разъ въ ригу за хоботьемъ, а чортъ сидитъ себѣ на водилѣ, ножки переплелъ, лохматый, какъ собака... И, выставивъ одно колѣно, Кузьма положилъ кисть руки на лобъ и сталь, вздыхая и тоскуя, задремывать...

Лѣто онъ провелъ въ ожиданіи мѣста.

Ночью въ казаковскомъ саду стало ясно, что мечты о садахъ—глупы. Возвратясь въ городъ и хорошенько обдумавъ свое положеніе, началъ онъ искать мѣста—приказчика, конторщика; потомъ сталь соглашаться на любое—лишь бы былъ кусокъ хлѣба. Но поиски, хлопоты, просьбы пропадали даромъ. И охватило отчаяніе: да какъ же это онъ не видалъ, что ему и надѣяться-то нечего! Въ городъ онъ давнымъ-давно слылъ за большого чудака. Пьянство и бездѣліе превратили его въ посмѣшище. Жизнь его сперва изумляла городъ, потомъ стала казаться подозрительной. Да и правда: гдѣ это видано, чтобы мѣщанинъ въ его годы жилъ на подворьѣ, былъ холостъ и нищъ, какъ шарманщикъ: всего имущества—сундучокъ да тяжелый старый зонтъ! И Кузьма сталь посматривать въ зеркало: что это, въ самомъ дѣлѣ, за человекъ передъ нимъ? Ночуетъ въ „общемъ номерѣ“, среди чужихъ, пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ людей, утромъ плетется по жарѣ на базаръ, въ трактиры, гдѣ ловить слухи о мѣстахъ; послѣ обѣда спитъ, потомъ сидитъ у окна и читаетъ Косто-

марова, глядитъ на пыльную бѣлую улицу и блѣдно-голубое отъ жары небо... Для кого и для чего живетъ на свѣтѣ этотъ широкій въ кости, но худой и уже сѣдой отъ голода и строгихъ думъ мѣщанинъ, называющій себя анархистомъ и не умѣющій толкомъ объяснить, что значить—анархистъ? Сидитъ, читаетъ; вздохнетъ, пройдетъ по комнатѣ; опустится на корточки передъ длиннымъ диваномъ, отомкнетъ свой сундучокъ; положитъ поаккуратнѣе истрепанныя книжки и рукописи, двѣ-три линючихъ косоворотки, старый длиннополый скюртукъ, жилетку, истершееся метрическое свидѣтельство... И опуститъ руки. Къ чему все это? Какое убожество, одиночество! А что впереди—и подумать жутко. Тихонъ бездѣтень, богатъ, да онъ на похороны тринки не дастъ...

И лѣто тянулось безконечно долго. Распустили Думу, но это не нарушило однообразія жаркихъ длинныхъ дней. Ждали великаго деревенскаго бунта, но никто и бровью не повелъ, когда не произошло ровно ничего великаго. Устраивались новыя сказочно-свирѣпныя избіенія евреевъ, изо дня въ день шли казни, разстрѣлы, но городъ даже интересоваться пересталъ ими. Въ уѣздѣ, по усадьбамъ побаивались,—особенно послѣ того знаменитаго дня, когда взбунтовались мужики по чьему-то „распоряженію“. Но что за дѣло городу до уѣзда? Казаковъ прислали еще сотню; ихъ проклинали въ одинъ голосъ, но терпѣли. Мѣстную газетку закрывали три раза и, наконецъ, доканали, продажу столичныхъ запретили. На афишахъ опять стали печатать: „Съ дозволенія начальства, проѣздомъ черезъ здѣшній городъ“, да и афиши-то опять пошли гнусныя: пріѣхали малороссы, завлекавшіе на представленіе „знаменитой исторической драмы Тарасъ Бульба, убійца своего родного

сына“ тѣмъ, что „участвуетъ вся труппа“, гопакомъ, „роскошными костюмами“ или „бесплатными подарками“—дойной коровой и чайнымъ сервизомъ „стоимостью семьдесятъ пять рублей“; появились скороходы и предсказатели судьбы, какіе-то жулики, показывающіе человѣческое безобразіе—близнецовъ, бородатую женщину, дѣвицу четырнадцати пудовъ, „Чудо XX вѣка—живое чудовище, пойманное въ Красномъ морѣ“ и лежавшее дохлымъ въ жестяной ваннѣ за ситцевой занавѣской.. Военные подняли голову, ѣздили пьянствовать почему-то на вокзалъ и тамъ дебоширили, кричали, что „офицерство—это одна семья“, хохотали, читая требованія амнистіи и отмѣны смертной казни, и каждый думалъ, что говоритъ нѣчто очень новое, выпаливая: „Пусть прежде господа революціонеры прекратятъ убійства!“—или доказывая, что социализмъ—только глупь: „Позвольте,—это что же значитъ: ваши часы—мои часы, моя жена—ваша жена?“

— Будь проклять день рожденія моего въ этой трижды проклятой сторонѣ!—говорилъ иногда Кузьма, швыряя на столъ газету, закрывая глаза и стискивая зубы.—На весь міръ нужно было бы кричать теперь: ругайте, кто въ Бога вѣруетъ!

— А вотъ ты докричишься,—спокойно возражалъ ему кто-нибудь.

И переводилъ разговоръ на урожай, засуху. И Кузьма смолкалъ и тоже успокоивался: событія были столь жестоки, что человѣческой воспримчивости не хватало.

Въ уѣздѣ изрѣдка перепадали дожди, но въ городѣ съ самаго мая до августа, день въ день стояла адская сушь. Угловой домъ подворья жарился на солнцѣ. По ночамъ отъ духоты кровь стучала въ голову и будилъ каждый звукъ за открытыми окнами. А на сѣновалѣ

нельзя было спать отъ блохъ, крика молодыхъ пѣтуховъ и вони навознаго двора. Да и курить запрещалось: хозяинъ былъ толстъ, слабъ и нервень, какъ старая баба... Все лѣто не покидала Кузьму надежда съѣздить въ Воронежъ. Ахъ, какъ не цѣнилъ онъ дней молодости! Хоть бы отъ поѣзда до поѣзда побродить по воронежскимъ улицамъ, посмотрѣть на знакомые тополя, на тотъ голубенькій домикъ за городомъ... Да зачѣмъ? Истратить десять, пятнадцать рублей, а потомъ отказывать себѣ въ свѣчкѣ, въ булкѣ? Да и стыдно старику предаваться любовнымъ воспоминаніямъ. А что до Клаши, такъ его ли еще дочь-то она? Видѣлъ онъ ее года два тому назадъ: сидитъ у окна, плететъ кружево, обликъ милый и скромный, но похожа только на мать... Что скажетъ онъ ей, если даже рѣшится зайти? Какими глазами взглянетъ на старика Ивана Семеныча?.. И время текло невыносимо скучно. Даже пріѣзжихъ не было. За весь іюль останавливался только какой-то молодой дьяконъ, по семинарски чудаковатый. Приходилъ повидаться съ нимъ родственникъ, но ушелъ ни съ чѣмъ: дьяконъ былъ на базарѣ, а фамилію свою—Краснобаевъ—написалъ на доскѣ по-латыни: Бенедиктовъ...

Къ осени Кузьма убѣдился, что необходимо или по святымъ мѣстамъ уйти, въ монастырь какой-нибудь, или—махнуть рукой и опять запитъ, на зло кому-то. Однажды, отомкнувъ сундучокъ, нашель онъ „Исповѣдь“ Толстого, развернулъ ее и прочиталъ надпись карандашомъ, слѣланную съ пьяныхъ глазъ, еще у Касатника: „Всѣхъ отучить отъ водки нельзя“. Мѣсяца два тому назадъ онъ только поморщился бы,—глупая надпись!—теперь же ухмыльнулся и подумалъ: „А не послать ли все къ чортовой матери, не прожечь ли все

до нитки, да не дернуть ли по горлу бритвой?" Наступила осень, а чего ждать осенью? Уже пахло на базарѣ яблоками, сливами. Навезли гимназистовъ. Начались бѣга. Стало солнце садиться за Щепной площадью: выйдешь изъ воротъ вечеромъ, повернешь налево и, переходя перекресткомъ, ослѣпнешь; налево вся улица, упирающаяся вдаль въ площадь, залита низкимъ скучнымъ блескомъ. Сады за заборами—въ пыли, паутинѣ. Идетъ Полозовъ навстрѣчу—на немъ крылатка, но шляпу уже смѣнилъ картузь съ кокардой. Въ городскомъ саду ни души. Забита раковина музыкантовъ, забить кіоскъ, гдѣ продавали лѣтомъ кумысъ и лимонадъ, закрыть досчатый буфетъ. И однажды, сидя возлѣ этой раковины, Кузьма такъ затосковалъ, что не шутя задумался о самоубійствѣ. Солнце садилось, свѣтъ его былъ красноватый, летѣла мелкая розовая листва по аллеѣ, дулъ холодный вѣтеръ. Въ соборѣ звонили ко всенощной, и подъ этотъ мѣрный густой звонъ, уѣздный, субботній, душа ныла нестерпимо. Вдругъ подъ раковиной послышался кашель, кряхтѣнье... „Мотья“,—подумалъ Кузьма. И правда: вылѣзъ изъ-подъ лѣстницы Мотья-Утиная-Головка. Былъ онъ въ рыжихъ солдатскихъ сапогахъ, въ очень длинномъ гимназическомъ мундирѣ, обсыпанномъ мукою,—видно, базаръ позабавился,—и въ соломенной шляпѣ, много разъ поподавшей подъ колеса. Не раскрывая глазъ, отплеываясь и шатаясь съ похмелья, онъ прошелъ мимо, даже не попросивъ покурить. Кузьма самъ окликнулъ его:

— Мотья! Иди потолкуемъ, покуримъ...

И Мотья вернулся, сѣлъ на скамью, сталъ сонно, шевеля бровями, заворачивать цыгарку, но, кажется, плохо соображалъ, кто это рядомъ съ нимъ, кто это жалуется ему на свою судьбу...

А на другой день тотъ же Мотья принесъ Кузьмѣ записку Тихона. И петля, опять было захлестнувшая Кузьму, вдругъ лопнула...

Въ концѣ сентября онъ переѣхалъ въ Дурновку.

Помѣстье при Дурновкѣ было хуторское. Оно прежде такъ и называлось—хуторъ. Дурново владѣли нѣсколькими помѣстьями и занимали главное, на Зушѣ. Афанасій Нилычъ, затравившій Цыгана, только наѣзжалъ въ Дурновку—по пути съ охоты. Нилу Афанасьевичу, предводительствовавшему дворянствомъ, было не до хуторовъ: онъ всю жизнь устраивалъ обѣды да пилъ хересъ въ клубѣ, славясь своей полнотою, аппетитомъ, звонкимъ шопотомъ,—у него было серебряное горло,—щедростью, остроумиями и разсѣянностью. Рѣдко заглядывалъ въ Дурновку и сынъ его, уланъ, носившій имя дѣда. Уланъ считался еще крупнымъ помѣщикомъ. Выйдя въ отставку, онъ рѣшилъ нажить миллионы, показать, какъ надо хозяйствовать. Но въ полѣ бывать уланы не любилъ, да и губила его страсть къ покупкамъ: онъ покупалъ чуть не все, на что падалъ его взглядъ. Губили и поѣздки въ Москву, влюбчивость... Сыну его, не кончившему лицея, досталось уже только два хутора—Лаухино и Дурновка. И лицеистъ такъ разорилъ ихъ, что въ послѣдній годъ пребыванія его въ Дурновкѣ караулила усадьбу старая стряпуха, ходившая по ночамъ съ колотушкой и въ рыжей енотовой шубѣ... „Да что-жь,—думалъ Кузьма, до слезъ обрадованный предложеніемъ Тихона и глубоко затаившій свою радость.—Хуторъ, такъ хуторъ! Это-то и хорошо: ужъ, по крайности, подлинная глушь, татарщина!“ Когда-то Илья Мионовъ года два жилъ въ Дурновкѣ. Былъ въ ту пору Кузьма совсѣмъ ребенкомъ, и остались у него въ памяти только темно-зеленые пахучие

коноплянники, въ которыхъ тонула Дурновка, да еще одна темная лѣтняя ночь: ни единого огня не было въ деревнѣ,—вѣрно, спали всѣ,—а мимо ихъ избы шли, бѣлѣя въ темнотѣ рубахами, „девять дѣвокъ, девять бабъ, десятая удова“, всѣ босыя, простоволосыя, съ метлами, дубинами, вилами, и стоялъ оглушительный звонъ и стукъ въ заслонки, въ сковороды, покрываемый дикой хоровой пѣснью: вдова тащила соху, рядомъ съ ней шла дѣвка съ большой иконой, а прочія звонили, стучали и, когда вдова низкимъ голосомъ выводила—

Ты, коровья смерть,
Не ходи въ наше село!—

хоръ, на погребальный ладъ, протяжно вторилъ—

Мы опахиваемъ—

и, тоскуя, рѣзкими горловыми голосами подхватывалъ:

Со ладаномъ, со крестомъ,
Со святымъ Власі-емъ...

Теперь въ Дурновкѣ было буднично и глухо. Проса, коноплянники исчезли, а осень и безъ того оголила поля, огороды, задворки. Ёхаль Кузьма съ Воргла веселый и слегка хмельной: Тихонъ Ильичъ угощалъ его за обѣдомъ наливкой, а Настасья Петровна, за чаемъ послѣ обѣда, двумя сортами варенья; Тихонъ Ильичъ былъ очень добръ въ этотъ день, вспоминалъ молодость, дѣтство,—какъ они ѣли черепенники, какъ улюлюкали за Собачимъ Пистолетомъ и учились у Бѣлкина,—называлъ жену тетенькой, трунилъ надъ ея душеспасительными поѣздками къ монахинѣ Полукарпіи, надъ тѣмъ, что она, Настасья Петровна, поетъ иногда во снѣ тонкимъ, дрожащимъ голосомъ „Христосъ воскрес“... сказалъ насчетъ жалованья Кузьмы: „сочтемся,

братуша, сочтемся—не обижу...“ кратко отозвался о революціи: „Рано пташечка запѣла,—кабы кошечка не съѣла!..“ Ёхаль Кузьма съ Воргла на гладкомъ старомъ меринѣ, въ шарабанѣ, а вокругъ него разстилось море сухихъ бурыхъ пашень. Почти лѣтнее солнце, прозрачный воздухъ, блѣдно-голубое ясное небо,—все радовало и обѣщало долгій покой. Сѣдой, корявой полныи, вывороченной съ корнемъ сохами, было такъ много, что ее возили возами. Подъ самой усадьбой стояла на пашнѣ лошаденка, съ репьями въ холкѣ, и телѣга, высоко нагруженная полынью, а подлѣ лежалъ Яковъ, босой, въ короткихъ запыленныхъ порткахъ и длинной пасковной рубахѣ, въ стариковской шапкѣ, и, придавивъ бокомъ большого сѣдого кобеля, держалъ его за ухо. Кобель рычалъ и косился.

— Ай кусается?—крикнулъ Кузьма.

— Лють—мочи нѣтъ!—торопливо отозвался Яковъ, поднимая свою косую бороду неопредѣленнаго цвѣта.— На морды лошадямъ сигаеть...

И Кузьма засмѣялся отъ удовольствія. Ужь мужикъ—такъ мужикъ, степь—такъ степь!

А дорога шла подъ изволокъ, и горизонтъ суживался. Впереди зеленѣла новая желѣзная крыша риги, потонувшая въ глухомъ низкоросломъ саду. За садомъ, на противоположномъ косогорѣ, стоялъ длинный рядъ избъ изъ сизыхъ глинобитныхъ кирпичей, подъ соломой. Справа за пашнями, тянулся большой логъ, входившій въ тотъ, что отдѣлялъ усадьбу отъ деревни. И тамъ гдѣ лога сходились, блестѣлъ подъ солнцемъ прудъ, а на мысу между ними торчали крылья двухъ раскрытыхъ вѣтряковъ, окруженныхъ нѣсколькими избами однодворцевъ,—Мысовыхъ, какъ назвалъ ихъ Оська,—и бѣлѣла на выгонѣ вымазанная мѣломъ школа.

— Что-жь, учатся ребятишки-то?—спросилъ Кузьма.

— Обязательно,—сказалъ Оська.—Ученикъ у нихъ—бядовый!

— Како́й ученикъ? Учитель, что-ли?

— Ну, учитель, одна честь. Вышколилъ, говорю, ихняго брата—куда годишься. Солдаты. Бьетъ не судомъ, да зато у него и прилажено ужъ все! Заѣхали мы какъ-то съ Тихономъ Ильичемъ—какъ вскочутъ все разомъ, да какъ гаркнутъ: „Здравія жела-емъ ва-ша високо-бла-го-ро-дія!“

И опять засмѣялся Кузьма.

А когда проѣхали гумно, прокатили по убитой дорогѣ мимо вишневаго сада и повернули налѣво, въ длинный дворъ, подсохшій, золотившійся подъ солнцемъ, даже сердце заколотилось: вотъ онъ и дома, наконецъ. И, взойдя на крыльцо, переступивъ порогъ, Кузьма вздохнулъ и, перекрестившись, низко поклонился темной иконѣ въ углу прихожей...

И долго, долго было ему не до того, есть у русскаго народа будущее или нѣтъ. При встрѣчахъ съ братомъ онъ говорилъ о народѣ сурово, рѣзко, подражая Балашкину. Но суровость была напускная. „Ой, озлобился я!“—думалъ онъ порою.—Вижу только черное“... Но и думы были не глубоки. Вздоръ,—никакого озлобленія нѣтъ: гдѣ оно свѣтлое-то? А главное—не до того. Слишкомъ хорошо было чувствовать себя на покоѣ, хозяиномъ. И Кузьма ходилъ по усадьбѣ, заглядывалъ въ людскую, въ садъ,—все выискивая дѣла,—ходилъ на деревню, по часамъ сидѣлъ на порогахъ избъ, на гумнахъ, присматриваясь къ дурновцамъ, наслаждаясь возможностью дышать чистымъ воздухомъ, болтать съ новыми сосѣдями.

На поворотѣ съ гумна влѣво, во дворъ, стояли

варокъ и людская. За людской вишенникъ; на окраинѣ его дремалъ подъ солнцемъ старый домикъ; почти на противъ, черезъ дворъ, тянулись амбары, задомъ къ Дурновкѣ, къ широкому логу. Съ крыльца видна была половина деревни, за амбарами—прудь и часть мыса: вѣтрякъ и школа. Солнце всходило налѣво, за полями, за чугуноккой на горизонтѣ. По утрамъ прудъ блестялъ въ свѣтломъ и свѣжемъ пару, а изъ сада пахло красными и черными листьями, яблоками, бурьянами, росой. Комнаты были малы и пусты. Въ кабинетѣ, оклеенномъ старыми нотами, была ссыпана рожь, въ „залѣ“ и „гостиной“ стояло только нѣсколько вѣнскихъ стульевъ съ продранными сидѣньями, да большой раздвижной столъ. Гостиная выходила окнами въ садъ, и почти всю осень Кузьма ночевалъ въ ней на продавленномъ рѣпсовомъ диванѣ, не закрывая оконъ и не раздѣваясь. Поль никогда не мели: за кухарку временно жила вдова Однодворка, бывшая любовница молодого Дурново, которой надо было и къ ребятишкамъ своимъ бѣгать, и себѣ кое-что стряпать, и Кузьмѣ съ работникомъ. Кузьма самъ ставилъ по утрамъ самоваръ, потомъ сидѣлъ подъ окномъ въ залѣ пилъ чай съ яблоками. Въ утреннемъ блескѣ, за свѣтлымъ паромъ надъ пашнями, проходилъ по утрамъ поѣздъ—и надъ нимъ бѣжали назадъ розовые клубы. Густо дымились крыши деревни. Садъ свѣжо благоухалъ, на амбарахъ лежала серебристая изморозь. А въ полдень солнце стояло подъ деревней, на дворѣ было свѣтло и жарко, въ саду рдѣли клены и липы, тихо роняя листья, и просторъ, прозрачный сухой воздухъ полей полны были тишины и мира. Голуби, пригрѣтые солнцемъ, весь день спали на скатѣ соломенной крыши, надъ людской, желтѣвшей новой соломой въ ясномъ синемъ небѣ.

Отдыхалъ послѣ обѣда работникъ. Однодворка уходила домой. А Кузьма бродилъ. Онъ шелъ на гумно, радуясь солнцу, твердой дорогѣ, высохшимъ бурьянамъ, побурѣвшему подсекольному, милому позднему цвѣту голубого цикорія и тихо летѣвшему по воздуху пуху татарокъ. Пашни въ полѣ блестѣли подъ солнцемъ шелковистыми сѣтями чуть видной паутины, затянувшей ихъ на необозримое пространство. По огороду на сухихъ репейникахъ сидѣли щеглы. На гумнѣ, въ глубокой тишинѣ, на припекѣ, горячо сипѣли кузнечики... Съ гумна Кузьма перелѣзалъ черезъ валъ, возвращался въ усадьбу садомъ, по ельнику. Въ саду болталъ съ мѣщанами, съемщиками сада, съ Молодой и Козой, собиравшими падалицы, залѣзалъ съ ними въ крапивную глушь, гдѣ лежали самыя спѣлыя. Порой онъ брелъ на деревню, въ школу... Онъ посвѣжѣлъ, загорѣлъ, чувствовалъ себя почти счастливымъ.

Коза удивляла его своимъ здоровьемъ, веселой тупостью, бессмысленно-блестящими египетскими глазами. Молодая была красива и странна. При немъ, какъ и при Тихонѣ, молчитъ, слова не добьешься, отойдешь—рѣзко хохочетъ, перебрехивается съ мѣщанами, внезапно запѣваетъ:

Пуцай меня бьютъ, ругаютъ,—
Мои глазки перморгаютъ...

Солдатъ-учитель, глупый отъ природы, на службѣ сбился съ толку совершенно. По виду это былъ самый обыкновенный рыжий мужикъ лѣтъ подъ сорокъ. Но говорилъ онъ всегда такъ необыкновенно и несъ такую чепуху, что приходилось только руками разводиться. Онъ все чему-то съ величайшей хитростью улыбался, глядѣлъ на собесѣдника снисходительно, щурясь, на вопросы никогда не отвѣчалъ сразу.

— Какъ величать-то тебя?—спросилъ его Кузьма въ первый разъ зайдя въ школу.

Солдатъ прищурился, подумалъ.

— Безъ имени овца баранъ,—сказалъ онъ, наконецъ, не спѣша.—Но спрошу и я васъ: Адамъ—это имя, ай нѣтъ?

— Имя.

— Такъ. А сколько же, къ примѣру, народу померло съ тѣхъ поръ?

— Не знаю,—сказалъ Кузьма.—Да ты это къ чему?

— А къ тому самому, что намъ этого отъ роду не понять. Взять хоть смутьяна какого ни на есть. Ты бунтуешь? Бунтуй, любезный, можетъ, будешь фить-маршаломъ! Но только тебя еще можно въ лучшемъ видѣ растянуть безъ портокъ для экзекуціи. Ты мужикъ? Пашни. Бондарь? Опять же свое дѣло знай. Я, къ примѣру, солдатъ и коноваль. Иду недавно по ярманкѣ—глядь, лошадь въ сапѣ. Сейчасъ къ становому: такъ и такъ, ваше высокоблагородіе. „А можешь ты эту лошадь перомъ зарѣзать?“—Съ великимъ удовольствіемъ!“

— Какимъ перомъ?—спросилъ Кузьма.

— А гусинымъ. Взять, очинилъ, въ жилу становую чкнулъ, дунуль маленько, въ перо-то,—и готово. Дѣло-то, кажись, просто, анъ поди-ка, ухитрись!

И солдатъ лукаво подмигнулъ и постучалъ себя пальцемъ въ лобъ:

— Тутъ еще есть смѣлка-то.

Кузьма пожалъ плечами и смолкъ. И ужъ проходя мимо Однодворки, отъ ея Сеньки узналъ, какъ зовутъ солдата. Оказалось—Пармень.

— А что вамъ задано на завтра?—прибавилъ Кузьма, съ любопытствомъ глядя на огненные вихры Сеньки, на его живые зеленые глаза, конопатое лицо, щуплое

тѣльце и потрескавшіяся отъ грязи и цыпокъ руки и ноги.

— Задачи, стихи,—сказаль Сенька, придерживая лѣвой рукой короткія портченки, а правой подхвативъ поднятую ногу и прыгая на одномъ мѣстѣ.

— Какія задачи?

— Гусей сосчитать. Летѣло стадо гусей...

— А, знаю,—сказаль Кузьма.—А еще что?

— Еще мышей...

— Тоже сосчитать?

— Да. Шли шесть мышей, несли по шести грошей,—быстро забормоталь Сенька, косясь на серебряную часовую цѣпочку Кузьмы.—Одна мышъ поплоче несла два гроша... Сколько выйдетъ всего...

— Великолѣпно. А стихи какіе?

Сенька выпустиль ногу.

— Стихи—„Кто онъ?“

— Выучиль?

— Выучиль...

— А ну-ка.

И Сенька еще быстрѣ забормоталь про всадника, ѣхавшаго надъ Невой по лѣсамъ, гдѣ были только—

Ель, сосна, да мохъ сядой...

— Сѣдой,—сказаль Кузьма,—а не сядой.

— Ну, сидой,—согласился Сенька.

— А всадникъ-то этотъ кто же?

Сенька подумаль.

— Да колдунъ,—сказаль онъ.

— Такъ. Ну, скажи матери, чтобъ она хотъ виски-то тебѣ подстригла. Тебѣ же хуже, когда учитель дереть.

— А онъ уши найдетъ,—безпечно сказаль Сенька, снова берясь за ногу, и запрыгаль по выгону.

Мысь и Дурновка, какъ это всегда бываетъ со смежными деревнями, жили въ постоянной враждѣ и взаимномъ презрѣніи. Мысовые считали дурновцевъ разбойниками и побирושками, дурновцы—мысовыхъ. Но мало того: Дурновка была „барская“, а на мысу обитали „галманы“, однодворцы,—вѣрнѣе остатки однодворцевъ, выселившихся въ Томскую губернію, и это усугубляло вражду: мысовому нельзя было пройти вечеромъ или ночью, не получивъ ни съ того, ни сего камня въ голову. Внѣ вражды, внѣ распрей находилась только Однодворка. Небольшая, худая, аккуратная, она была жива, ровна и пріятна въ обращеніи, наблюдательна. Она знала, какъ свою, каждую семью и на Мысу, и въ Дурновкѣ, первая извѣщала усадьбу о каждомъ даже малѣйшемъ деревенскомъ событіи. Да и ея жизнь знали всѣ отлично. Она никогда и ни отъ кого ничего не скрывала, спокойно и просто рассказывала о мужѣ, о Дурново, о томъ, какъ она стала сводней, когда онъ уѣхаль.

— Что-жъ дѣлать-то,—говорила она, легонько вздыхая.—Бѣдность была лютая, хлѣбушка и въ новину не хватало. Мужикъ меня, правду надо сказать, любиль, да, вѣдь, покоришься. Цѣлыхъ три воза ржи далъ за меня баринъ. „Какъ же быть-то?“—говорю мужику.—„Видно, иди, говорить“. Поѣхаль за рожью, таскаетъ мѣрку за мѣркой, а у самого слезы капъ-капъ, капъ-капъ...

И, подумавъ, усмѣхалась:

— Ну, а потомъ, когда и баринъ уѣхаль, и мужъ въ Ростовъ ушелъ, стала я сводить кого съ кѣмъ попало... Распутные вы, кобели, прости Господи!

Бесѣдовать съ ней было занятно, но когда? Днемъ работала она, не покладая рукъ, по ночамъ штопала,

шила, воровала, что придется, на чугунокъ. Разъ, поздно вечеромъ, выѣхаль Кузьма къ Тихону Ильичу, поднялся на изволокъ и обмеръ отъ страха: надъ потонувшими во мракъ пашнями, на чуть тлѣющей полосѣ заката росло и плавно несло на Кузьму что-то черное, громадное...

— Кто это?—слабо крикнулъ онъ, натягивая вожжи.

— Ой! — слабо, въ ужасѣ крикнуло и то, что такъ быстро и плавно росло въ небѣ, и съ трескомъ разсыпалось.

Кузьма очнулся—и сразу узналъ въ темнотѣ Однодворку. Это она бѣжала на него на своихъ легкихъ босыхъ ногахъ, согнувшись, взгромоздивъ на себя два огромныхъ щита—изъ тѣхъ, что ставятъ зимой вдоль чугунокъ отъ заносовъ. И, оправившись, съ тихимъ смѣхомъ зашептала:

— Напугали вы меня до смерти. Бѣжишь такъ-то ночью—дрожишь вся, а что-жъ дѣлать-то? Вся деревня топится ими, только тѣмъ и спасаемся...

Зато совершенно неинтересный человекъ былъ работникъ Кошель. Говорить съ нимъ было не о чемъ, да онъ и не словоохотливъ былъ. Какъ большинство дурновцевъ, онъ все только повторялъ старыя немудренныя изреченія, подтверждалъ то, что давнымъ-давно извѣстно. Погода портилась — и онъ посматривалъ на небо:

— Портится погодка. Дожжокъ теперь для зеленой—первое дѣло.

Двоили паръ—и онъ замѣчалъ:

— Не передвоишь — безъ хлѣба посидишь. Такъ-то старички-то говаривали.

Онъ тоже служилъ въ свое время, былъ на Кавказѣ, но солдатчина не оставила на немъ никакихъ слѣдовъ.

Онъ не умѣлъ сказать слово „почта“, говорилъ: спочтва. Ровно ничего не могъ рассказать о Кавказѣ, кромѣ того только, что тамъ гора на горѣ, что изъ земли бьютъ тамъ страшно горячія и странныя воды: „положишь баранину—въ одну минуту сварится, а не вынешь вовремя—опять сырая станетъ“... И нисколько не гордился тѣмъ, что повидаль свѣтъ; онъ даже съ презрѣніемъ относился къ людямъ бывалымъ: вѣдь, „шатаются“ люди только поневолѣ или по бѣдности. Ни одному слуху не вѣрилъ—„все брешутъ!“—но вѣрилъ, божился, что недавно подъ Басовкой катилось въ сумерки телѣжное колесо — вѣдьма, а одинъ мужикъ, не будь дуракъ, взялъ да и поймалъ колесо, всунулъ во втулокъ подпояску и завязалъ ее...

— Ну, и что же?—спрашивалъ Кузьма.

— Да что? — отвѣчалъ Кошель. — Проснулась эта вѣдьма на-рани, глядь—а у ней подпояска изъ рота и изъ заду торчитъ, на животѣ завязана...

— А чего-жъ она не развязала-то ее?

— Видно, узелъ закрепенъ былъ.

— И тебѣ не стыдно такой чепухѣ вѣрить?

— А мнѣ что-жъ стыдиться? Люди ложь, и я тожъ.

И любилъ Кузьма только напѣвы его слушать. Сидишь въ темнотѣ у открытаго окна, нигдѣ ни огонька, деревня чуть чернѣетъ за логомъ, тихо такъ, что слышно паденіе каждой ягодки съ лѣсовки за угломъ дома, а онъ медленно похаживаетъ по двору съ колотушкой за поясомъ и заунывно-мирно напѣваетъ себѣ фальцетомъ: „Смолкни, пташка-канарейка“... До утра онъ караулилъ усадьбу, днемъ спалъ,—дѣла почти не было: съ дурновскими дѣлами Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ въ этотъ годъ управиться рано, изъ скотины оставилъ

всего лошадь да корову. И въ усадьбѣ было тихо, даже скучновато.

Ясные дни смѣнились холодными, синевато-сѣренькими, беззвучными. Стали щеглы и синицы посвистывать въ голомъ саду, цикаать въ елкахъ клесты, появились свирестели, снigiри и какія-то неторопливыя крохотныя птички, стайками перелетавшія съ мѣста на мѣсто по гумну, падины котораго уже проросли ярко-зелеными всходами; а когда такая молчаливая легенькая птичка одиноко сидѣла гдѣ-нибудь на былинкѣ въ полѣ, становилось и на душѣ одиноко и тихо по осеннему. На огородахъ между ригами, за Дурновкой, докапывали послѣднія картошки. И порой, подъ вечеръ, по-долгу стоялъ тамъ кто-нибудь изъ мужиковъ, задумавшись и заглядѣвшись въ поле, держа за плечами плетушку съ колосомъ. Стало рано темнѣть, и въ усадьбѣ говорили: „Какъ поздно машина-то теперь проходитъ!“— хотя расписание поѣздовъ ничуть не измѣнилось... Кузьма, сидя подъ окномъ, читалъ старую „Родину“, записалъ свою весеннюю поѣздку въ Казаково и разговоры съ Акимомъ, дѣлалъ замѣтки въ старой счетоводной книгѣ—то, что видѣлъ и слышалъ въ деревнѣ... Больше всѣхъ занималъ его Сѣрый.

Въ деревнѣ было пусто. Многіе уѣхали на клевера. Трифонъ, о злобѣ и сутяжничествѣ котораго рассказывали съ восторгомъ, умеръ на Успенье—подавился, разговляясь, кускомъ сырой ветчины. Комаръ, одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, знаменитый своей силой, умомъ и смѣлостью въ обращеніи съ господами, поступилъ въ началѣ сентября на винокуренный заводъ подъ Ельцомъ, заснулъ пьяный въ сушилкѣ и задохся. Не знали, что онъ тамъ, и задвинули двери засовомъ. Комаръ погнулъ его, стараясь вырваться на воздухъ, да

ужь, видно, на роду была написана ему такая смерть. Другой бунтовщикъ, Ванька Красный, опять закатился на донецкія шахты. Шорникъ работалъ по имѣніямъ, Родька на чугункѣ. Дениска пропадалъ гдѣ-то. И всѣ притворно жалѣли Сѣраго, пользуясь случаемъ поиздѣваться и надъ сыномъ, и надъ отцомъ. У Якова, когда онъ заговаривалъ о Сѣромъ, тряслись руки. Да и не могли не трястись. Что дѣлалъ этотъ Сѣрый съ землею, которую Яковъ готовъ былъ „горстями жрать“! Никто во всей Дурновкѣ и соотой доли не испыталъ того, что Яковъ, когда пошли слухи о бунтахъ, поджогахъ, отчужденіи земель. Онъ только молчалъ—отъ той подкольной скрытности, затаенности, что всосали съ молокомъ матери тысячи его предковъ. Да и дыханіе перехватило бы у него, если-бъ онъ заговорилъ. Теперь, когда слухи становились все безнадежнѣе, онъ изъ-за земли даже съ сыномъ Васькой помирился. Сынъ былъ рябой, грубый, коренастый малый, въ двадцать лѣтъ заросъ бородой, широкой, кудрявой и такой крѣпкой, что клещи не выдернули бы изъ нея ни волоса. Сынъ съ этой бородой, стриженной головою и въ красной рубахѣ, былъ похожъ на арестанта, а жену наряжалъ мѣщанкой. Но жадностью онъ вышелъ въ отца и уже сталъ тайкомъ поторговывать водочкой, махоркой, мыломъ, керосиномъ. И Яковъ помирился, надѣясь насытиться землею при помощи сына—забогатѣть и начать снимать ее. Но почему мирился Сѣрый съ Дениской, который уже не разъ „давалъ ему въ душу“? На что надѣялся онъ, нищенствуя и лодырничая, какъ послѣдній босякъ? Землю онъ сдавалъ, на мѣстахъ не жилъ. Дома сидѣлъ въ голодѣ и холодѣ, но думалъ только о томъ, какъ бы разжиться покурить: безъ трубки онъ дня не могъ перебиться. На всѣхъ сходкахъ бывалъ

онъ, но приходилъ всегда къ концу ихъ. Не пропускалъ ни одной свадьбы, ни оди́хъ крестинъ, ни оди́хъ похоронъ, хотя сидѣлъ у двери и, протягивая руку къ хозяину, обносившему гостей, нерѣдко получалъ одни грубые оговоры. До вина Сѣрый былъ не жаденъ, но могоарычи никогда не обходились безъ него: онъ встрѣвалъ не только во всѣ мiрскiе, но и во всѣ сосѣдскiе— послѣ купли, продажи, мѣны. И сосѣди уже такъ привыкли къ этому, что даже и не дивились, когда подходилъ Сѣрый. Да и занятно были слушать его.

— На словахъ—города беретъ,—говорили про Сѣраго. И точно: если на душѣ у него было покойно,—а покойно было тогда, когда былъ полонъ табакомъ кисеть,—какимъ дѣльнымъ, серьезнымъ мужикомъ могъ казаться Сѣрый!

— Вотъ теперь надо сына женить,—не спѣша рассуждалъ онъ, держа трубку въ зубахъ и крѣпко растирая корешки на ладони. Женится—всякую копейку въ домъ потащить, до работы жаденъ станетъ, какъ жукъ въ дерьмѣ будетъ округъ дома копаться... А работы мы, братъ, не боимся! Только подавай!

Но ни спокойствiя, ни работы у Сѣраго почти никогда не было. Наружность его оправдывала кличку: сѣръ, худъ, росту средняго, плечи обвислыя, полушубочекъ—короткiй, рванный, замызганный, валенки разбиты и подшиты бичевой, о шапкѣ и говорить нечего. Сидя въ избѣ, никогда не снимая этой шапки, не выпуская изо рта трубки, что-то озабоченно обдумывая, видъ онъ имѣлъ такой, точно все ждалъ чего-то. Но ему, по его мнѣнiю, чертовски не везло. Въ семьѣ Красовы жили не бѣдно; раздѣлились—все прахомъ пошло. Правда, старшiй братъ и теперь наѣдался до сыта; но меньшому—заколодило: не поддавало дѣла настоящаго,

да и только! Ну, а въ бирюльки играть былъ онъ не охотникъ. Всякiй, конечно, наровиль охаять...

— Да, вѣдь, языкъ-то безъ костей,—говорилъ Сѣрый.—Ты сперва дѣло въ руки дай, а потомъ ужъ и брешу.

Земли у него было порядочно—три десятины. Но податей зашло—на десятерыхъ. И отвалились отъ земли руки у Сѣраго: „Поневолѣ сдашь ее, землю-то: ее, матушку, въ порядкѣ надо держать, а ужъ какой тутъ порядокъ!“ Самъ онъ сѣялъ не больше полнивы, но и ту продавалъ на корню,—„милое за немилое сбывалъ“. И опять съ резонномъ: дождись-ка ее, попробуй. „Все, къ примѣру, дожждаться-то лучше“...—бормоталъ Яковъ, глядя въ сторону и зло усмѣхаясь. Но усмѣхался и Сѣрый—печально и презрительно.

— Лучше! — хмыкалъ онъ.—Тебѣ хорошо брехать: дѣвку отдалъ, малаго женилъ. А у меня—глянь, уголь-то сидитъ... ребятишекъ-то. Не чужiе, вѣдь. Я вонъ козу для нихъ держу, поросенка выкармливаю... Тоже, небось, пигъ-ѣсть просятъ.

— Ну, коза, къ примѣру, въ этомъ дѣлѣ не повинна,—возражалъ, раздражаясь, Яковъ.—Это у насъ, къ примѣру, все водочки, да трубочки на умѣ... трубочки, да водочки...

И, чтобъ не поругаться съ сосѣдомъ безъ толку, спѣшилъ отойти отъ Сѣраго. А Сѣрый спокойно и дѣльно замѣчалъ ему вслѣдъ:

— Пьяница, братъ, проспится, дуракъ никогда.

Раздѣлившись, долго скитался Сѣрый по квартирамъ, нанимался и въ городѣ, и по имѣнiямъ. Ходилъ и на клевера. И вотъ на клеверахъ-то и повезло ему однажды,—„подпало настоящее дѣло“. Навялась артель, къ какой пристрѣлъ Сѣрый, отдѣлать большую партiю.

по восьми гривенъ съ пуда, а клеверъ возьми и дай больше двухъ пудовъ. Вытрясли его—Сѣрый подрядился машонку бить. Нагналъ въ азадки зерна и купилъ ихъ. И забогатѣлъ: въ ту же осень поставилъ кирпичную избу. Но не рассчиталъ: оказалось, что избу нужно топить. А чѣмъ, спрашивается? Да нечѣмъ было и кормиться. И пришлось сжечь верхъ избы, и простояла она безъ крыши годъ, почернѣла вся. А труба пошла на хомуть. Правда, лошади еще не было; да, вѣдь, надо же когда-нибудь начинать обзаведеніе... И Сѣрый махнулъ рукой: рѣшилъ продать избу, поставить подешевле, глинобитную. Разсуждалъ онъ такъ: будетъ въ избѣ—ну, на худой конецъ, десять тысячъ кирпичей, за тысячу даютъ пять, а то и шесть рублей; выходитъ, значить, больше полсотни; а на полсотни... Но кирпичей оказалось три съ половиной тысячи, за матицу пришлось взять не пять цѣлковыхъ, а два съ полтиной... И долго на мѣстѣ чудесной избы возвышался, твердѣлъ подъ дождемъ голый бугоръ мусора: свезти его было не на чемъ, руки отъ дѣла отваливались. Яковъ поучалъ: „Надо было, къ примѣру, сразу подешевле наровить“... Да чортъ, надолго оно, дешевое-то?—думалъ Сѣрый. И, озабоченно приглядывая себѣ новую избу, цѣлый годъ приторговывался онъ только къ тѣмъ, что были совѣмъ не по деньгамъ ему. И примирился съ теперешней только въ твердой надеждѣ на будущую—крѣпкую, просторную, теплую.

— Въ этой я, прямо говорю, не жилецъ!—отрѣзалъ онъ однажды.

Яковъ внимательно посмотрѣлъ на него, потряхнул шапкой:

— Такъ. Знать, ждешь, что корабли приплывутъ?

— И приплывутъ,—отвѣтилъ Сѣрый загадочно.

— Ой, брось дурь,—сказалъ Яковъ:—наймись куда ни на есть, да зубами, къ примѣру, держись за мѣсто...

Но мысль о хорошемъ дворѣ, о порядкѣ, какой-то ладной, настоящей работѣ отравляла всю жизнь Сѣрому. Скучалъ онъ на мѣстахъ.

— Она, видно, работа-то, и дома не медь,—говорили сосѣди.

— Небось, была бы медь, кабы домъ былъ путный!

— Такъ. И наймаешься все помѣсячно, да до рабочей поры?

— И наймаюсь. Дома-то призоръ нуженъ, ай нѣтъ?

— А дома сидишь, трубочки раскуриваешь?

— Что-жъ мнѣ,—и покурить теперь нельзя?

И Сѣрый, вдругъ оживившись, вынималъ изо рта пустую холодную трубку и начиналъ любимую исторію: какъ онъ, будучи холостымъ, цѣлыхъ два года честно-благородно отжилъ у попа подъ Ельцомъ.

— Да я и сейчасъ поди туда—съ руками оторвутъ!—восклидалъ онъ.—Только слово сказать: пришелъ, молъ, папаша, поработаться на васъ—возьмете, ай нѣтъ? „Да что-й-то ты спрашиваешь-то, свѣтъ? Да ай я тебя не знаю? Да Господи,—живи хоть до вѣку!“

— Ну, къ примѣру, и шелъ бы...

— Шелъ бы! Ихъ вонъ,—ишь,—уголь-то сидить! Вѣстимо: чужую бѣду—руками разведу... А тутъ челоуѣкъ безъ толку пропадаетъ...

Безъ толку пропадалъ Сѣрый и нынѣшній годъ. Всю зиму съ озабоченнымъ видомъ просидѣлъ дома, безъ огня, въ холодѣ, въ голодѣ; великимъ постомъ пристроился (какимъ-то манеромъ къ Русановымъ подъ Тулой: въ своихъ-то мѣстахъ его ужъ не брали. Но не прошло и мѣсяца, какъ осточертѣла ему русановская экономія хуже горькой рѣдьки.

— Ой, малый!—сказалъ разъ приказчикъ.—Наскрось тебя вижу: придираешься ты лыжи наладить. Забираете, сукины дѣти, революцанеры, денежки впередъ, да и наровите въ кусты.

— Это, можетъ, бродяга какой такъ-то наровить, а не мы,—отрѣзалъ Сѣрый.

Но приказчикъ намека не понялъ. И пришлось дѣйствовать рѣшительнѣе. Заставили разъ Сѣраго навозить къ вечеру хоботья для скотины. Онъ поѣхалъ на гумно и сталъ навивать возъ соломы. Подошелъ приказчикъ:

— Развѣ я тебѣ не русскимъ языкомъ сказалъ—хоботье накладай?

— Не время его накладывать,—спокойно и твердо отвѣтилъ Сѣрый.

— Это почему?

— Путные хозяева въ обѣдъ хоботье даютъ, а не на ночь.

— Да ты-то что за учитель такой?

— Не люблю морить скотину. Вотъ и учитель весь.

— А везешь солому?

— На все время надо знать.

— Сію-же минуту брось накладывать!

Сѣрый поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, дѣла я не брошу. Дѣла мнѣ нельзя бросать.

— Дай сюда вилы, собака, и отойди отъ грѣха.

— Я не собака, а хрещенный человекъ. Вотъ отвезу—и отойду. И совсѣмъ уйду.

— Ну, братъ, наврядъ! Уйдешь, да вскорости и назадъ, въ волость припрешь.

Сѣрый соскочилъ съ воза, бросилъ вилы въ солому:

— Это я-то припру?

— Ты-то!

— Ой, малый, не припри ты! Авось, и за тобой знаемъ. Тоже, братъ, не похвалить хозяинъ...

Толстыя щеки приказчика налились сизой кровью, бѣлки выпучились. Онъ тыломъ кисти сдвинулъ картузь на затылокъ и, задохнувшись, быстро произнесъ:

— А-а! Вотъ какъ! Не похвалить? Говори же, когда такое дѣло,—за что?

— Мнѣ нечего говорить,—пробормоталъ Сѣрый чувствуя, что у него сразу отяжелѣли ноги отъ страха.

— Нѣтъ, братъ, брешешь—скажешь!

— А куда мука дѣвалась?—внезапно крикнулъ Сѣрый.

— Мука?? Какая такая мука?

— Сляпая. Съ мельницы...

Приказчикъ мертвой хваткой сгрѣбъ Сѣраго за воротъ, за-душу—и на мгновение оба замерли.

— Ты что же это,—за пельки хватать?—спросилъ Сѣрый спокойно.—Задушить хочешь?

И вдругъ яростно завизжалъ:

— Ну, бей, бей, пока сердце кипитъ!

И опять замеръ. И вдругъ рванулся, вырвался и схватилъ вилы.

— Ребята!—заоралъ приказчикъ, хотя кругомъ никого не было.—За старостой! Прислушайте: онъ меня заколотъ хотѣлъ, сукинъ сынъ!

— Не суйся, носъ сшибешь,—сказалъ Сѣрый, держа вилы на перевѣсѣ.—Авось, не прежде вамъ времечко!

Но тутъ приказчикъ размахнулся—и Сѣрый торчмя головой полетѣлъ въ солому...

Тоска, снова начавшая забирать надъ Кузьмой силу вмѣстѣ съ перемѣной погоды, тоска сердца и старческихъ болѣзней—подагры, ревматизма,—все увеличивалась по мѣрѣ того, какъ узнавалъ онъ Дурновку,

Сѣраго. Сперва было только грустно и смѣшно: что за нелѣпный человѣкъ! Потомъ досадно и противно: выродокъ! Все лѣто просидѣлъ на порогѣ избы, покуривая, поджидая милостей отъ Думы. Всю осень прошатался отъ двора къ двору, надѣясь пристроиться къ кому-нибудь, ѣдущему на клевера... Въ жаркій солнечный день загорѣлся новый ометъ на краю деревни: Сѣрый первымъ явился на пожаръ и оралъ до сипоты, опалилъ рѣсницы, промокъ до нитки, распоряжаясь водовозами, тѣми, что кидались съ вилами въ огромное розово-золотое пламя, растаскивали во все стороны огненные шапки, и тѣми, что просто метались среди жара, треска, льющейся воды, гама, наваленныхъ возлѣ избъ иконъ, кадушекъ, прялокъ, попонъ, рыдающихъ бабъ и сыплющихся съ обгорѣлыхъ лозинъ черныхъ листьевъ... Но что путнаго онъ сдѣлалъ? Въ октябрѣ, когда, послѣ проливныхъ дождей и ледяной бури, застылъ прудъ и сосѣдскій боровъ соскользнулъ съ мерзлаго бугра, проломилъ ледъ и сталъ тонуть, Сѣрый первый кинулся бѣжать черезъ логъ и со всего разбѣга шархнулся въ воду—спасать. Но почему? Чтобъ быть героемъ дня, чтобъ имѣть право прибѣжать съ пруда въ людскую, потребовать водки, табаку, закуски. Сперва онъ былъ весь лиловый, зубъ на зубъ не попадалъ, еле шевелилъ бѣлыми губами, переодѣваясь во все чужое, въ Кошелево. Потомъ ожилъ, захмелѣлъ, сталъ хвастать—и опять рассказалъ о томъ, какъ онъ честно-благородно служилъ у попа и какъ ловко выдалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дочь замужъ. Уже смеркалось, въ людской темнѣло, а онъ сидѣлъ за столомъ, съ жадностью жевалъ, заглатывалъ брусочки сырой ветчины и самодовольно повѣствовалъ:

— Хорошо. Снюхалась она, Матрющка-то, съ Егор-

кой съ этимъ... Ну, снюхалась, и снюхалась. Нехай. Сижу этакъ вечеркомъ подъ окошечкомъ, вижу—разъ Егорка прошелъ мимо избѣ, два... а моя—все нырь, да нырь къ окошечку... Значить, обдумали дѣло, думаю себѣ. И говорю бабѣ: ты тутъ кормочку скотинѣ дай, а я пойду,—на сходку повѣщали. Сѣлъ за избой въ солому, сижую, жду. А ужъ снѣжокъ первый напалъ. Вижу—опять снизу крадется Егорка, подошель—тук-тукъ въ уголь избы... А она и вотъ она. Зашли за погребъ, потомъ—шмыгъ въ избу въ новую, въ пустую, рядомъ. Подождалъ я сколько-нибудь...

— Исторія!—сказалъ Кузьма и болѣзненно усмѣхнулся.

Но Сѣрый принялъ это за похвалу, за восхищеніе его умомъ и хитростью. И, чувствуя себя героемъ, продолжалъ, то возвышая голосъ, то ѣдко понижая его:

— Стой, слухай, что дальше-то будетъ. Подождалъ, говорю, сколько-нибудь—да за ними... Вскочилъ на порогъ—прямо на ней и прихватилъ! Перепугались они—до страсти. Онъ, какъ куль, на земь свалился,—хоть рѣжь его,—а она обмерла,—лежитъ, какъ утка... „Ну, говорить, бей меня таперъ“. Это онъ-то. „Бить, говорю, ты мнѣ не нужонъ“... Поддевочку его съ хорь взялъ, сапожки съ него скопонулъ, пинжачекъ—тоже, оставилъ въ однихъ подштанникахъ,—почестъ въ чемъ мать родила... „Ну, говорю, ступай теперъ, куды хочешь“... А самъ домой. Смотрю—и онъ сзади идетъ: снѣгъ бѣлый—и онъ бѣлый, идетъ, сопить... Дѣтсья-то некуда,—куда кинешься? А моя Матрена Миколавна, какъ я только изъ избы,—въ поле! Закатилась—насилу сосѣдка подъ самымъ Басовымъ за рукавъ поймала, ко мнѣ привела. Далъ я ей отдохнуть и говорю: „Мы люди бѣдные, ай нѣтъ?“ Молчить. „Мать-то у тебя

убогая, ай умная?“ Опять молчить. „Какъ ты насъ оконфузила? А? Ты, что-жь, полонъ уголь мнѣ ихъ нашвыряешь, выbleдковъ-то, а я глазами моргай? Ты вокругъ себя при нашей бѣдности наблюдать должна, а не насмѣшничать да косу трепать,—сволочь ты!“— Ну, и зачалъ ее лудить,—былъ у меня тутъ кнутикъ похоженькій.. Ну, просто сказать, какъ слѣдуетъ,—всю поясницу изрубилъ, до той степени—въ ногахъ полозеетъ, валенки цѣлуется, а онъ сидитъ на лавкѣ, голоситъ. Взялся потомъ за него, за голубчика...

— И женилъ?—спросилъ Кузьма.

— Вона! — воскликнулъ Сѣрый и, чувствуя, что хмель одолеваетъ его, сталъ сгребать съ тарелки кусочки ветчины и пихать въ карманы портокъ.—Еще какъ свадьбу-то сыграли! На расходы я, братъ, жмуриться не стану...

„Ну, рассказъ!“—долго, съ тоской думалъ Кузьма послѣ этого вечера... А погода портилась. Писать не хотѣлось, тоска усиливалась. Да и тосковалъ Кузьма какъ-то не попржнему: старческой становилась его тоска, тянула къ людямъ, а въ одиночествѣ имѣла порою даже какую-то болѣзненную прелесть. Нищета, неудѣльность Сѣраго и Дениски поразили его: гнѣтъ деревня! Звѣрская исторія съ Молодой въ саду, смерть Родьки—ошеломили. Жизнь Тихона Ильича—изумляла. А ужъ его ли можно было изумить! Онъ ли не зналъ своего края, своего народа! Съ горечью и злобой изливалъ онъ свое сердце Тихону Ильичу, наставляя его, явиль.. Но если бы зналъ Тихонъ Ильичъ, какъ радостно кидался Кузьма къ окну, увидавъ у крыльца, подъ дождемъ бѣгунки, чуйку, картузь, сѣдую бороду! Какъ боялся онъ, что братъ не ночуетъ, какъ старался задержать его подольше, втянуть въ

разговоры, воспоминаія... Скучно бывало Кузьмѣ поздней осенью, охъ, какъ скучно—еще больше, чѣмъ деревнѣ, половина которой пропадала на заработкахъ. Только и радости, что явится кто-нибудь съ просьбой. Приѣзжалъ нѣсколько разъ извѣстный сутяга, Гололобый изъ Басовки—высокій, совершенно лысый мужикъ въ огромной шапкѣ,—писать прошеніе на свата, переломившаго ему ключицу. Приходила вдова Бутылочка съ Мыса—писать письма къ сыну, вся въ лохмотьяхъ, вся мокрая и ледяная отъ дождя. Начнетъ диктовать,—въ слезы.

— Городъ Серьпуховъ, при дворянской банѣ, домъ Желтухинъ...

И заплачетъ.

— Ну?—спрашиваетъ Кузьма, скорбно кося брови, по-стариковски глядя на Бутылочку—поверхъ пенснэ.— Ну, написалъ. Дальше что?

— Дальше-то?—спрашиваетъ Бутылочка шопотомъ и, стараясь овладѣть голосомъ, продолжаетъ:

— Дальше-то пиши, касатикъ, поскладнѣе... Передать, значить, Михалъ Назарычу Хлусову... въ собственные руки...

И затѣмъ начинается—то съ остановками, то совсѣмъ безъ остановокъ:

— Письмо милому и дорогому сыночку нашему Мишѣ что же ты, Миша, про насъ забылъ, никакого слуху нѣту отъ васъ... Ты самъ знаешь, мы на хвтерѣ, а теперича насъ сгоняютъ долой куда-жь мы теперича дѣнемся... Дорогой нашъ сыночекъ Миша просимъ мы васъ за ради Господа Бога, чтобъ вы приѣзжали домой какъ ни можно скорѣй...

И опять сквозь слезы, шопотомъ:

— Мы тутъ съ вами хотъ землянку выкопаемъ, и то будемъ у своемъ углу...

Бури и ледяные ливни, дни, похожіе на сумерки, грязь въ усадьбѣ, усѣянная мелкой желтой листвою акацій, необозримыя пашни и озими вокругъ Дурновки и безъ конца идущія надъ ними тучи опять томили лютой ненавистью къ этой проклятой странѣ, гдѣ восемь мѣсяцевъ метели, а четыре—дожди, гдѣ за нуждой приходится итти на варокъ или въ вишенникъ... Когда завернуло ненастье, пришлось гостиную забить на-глухо и перебраться въ залъ, чтобъ уже всю зиму и ночевать въ немъ, и обѣдать, и курить, и проводить долгіе вечера за тусклой кухонной лампочкой, шагая изъ угла въ уголь или сидя надъ „Родиной“ — въ картузѣ и чуйкѣ, едва спасавшись отъ холода и вѣтра, дувшаго въ щели. Иногда оказывалось, что забыли запастись керосиномъ, и Кузьма проводилъ сумерки безъ огня, а вечеромъ зажигалъ какой-нибудь огарокъ только для того, чтобъ поужинать картофельной похлебкой и теплой пшенной кашей, что молча подавала Молодая, поступившая на „барскій дворъ“ дней черезъ десять послѣ смерти Родьки... Кузьма со страхомъ поглядывалъ на ея строгое лицо.

— Куда поѣхать?—думалъ онъ порою.

Сосѣдей по близости было всего только трое: старуха княжна Шахова, которая не принимала даже предводителя, считая его невоспитаннымъ; отставной жандармъ Закржевскій, владѣлецъ трехсотъ десятинъ, геморроидально-злой и самоувѣренно-глупый человекъ, который и на порогъ не пустилъ бы Кузьму; и, наконецъ, мелкопомѣстный дворянинъ Басовъ, жившій въ избѣ, женившійся на распутной солдаткѣ-вдовѣ, говорившій только о хомутахъ и скотинѣ. О. Петръ, священникъ изъ Ко-

лодзей, куда Дурновка была приходомъ, посѣтилъ разъ Кузьму — на престольный праздникъ, но вести знакомство не возымѣлъ охоты ни тотъ, ни другой. Кузьма угостилъ священника только чаемъ—и священникъ рѣзко и неловко захохоталъ, увидавъ на столѣ самоваръ. „Самоварчикъ? Отлично! Вы, я вижу, не чета братцу—не тароваты на угощенье!“ Кузьма откровенно заявилъ, что никогда не бываетъ въ церкви по своимъ убѣждениямъ,—священникъ захохоталъ еще изумленнѣе, еще рѣзче и громче: „А-а! Новыя идеи? Отлично! Да оно и дешевле“. И хохотъ совсѣмъ не шелъ къ нему: точно другой кто-то хохоталъ за этого высокаго, худого человекъ съ большими лопатками и чернымъ крупными волосами, съ бѣгающими жадными глазами, тревожно-разсѣяннаго, все время что-то думающаго, обидчиваго и неумѣло развязнаго. „А на ночь-то, на ночь-то, небось, все-таки, крестись—потруживаешь?“—громко и торопливо сказалъ онъ, одѣваясь въ прихожей, измучивъ Кузьму разспросами о хозяйствѣ и внезапно переходя на ты. „Крещусь,—съ грустной улыбкой сознался Кузьма.—Да, вѣдь, страхъ—не вѣра и не вашему Богу крещусь я“. Но священникъ радостно и торопливо перебилъ: „Ага! Ага! Да это еще что! Вотъ попался бы ты о. Звѣреву изъ Казакова—вотъ это умъ!“ И скрылся въ полной увѣренности, что Кузьма долго будетъ помнить его.

Не часто бывалъ Кузьма и у брата—въ его грязномъ хозяйственномъ гнѣздѣ. А самъ братъ пріѣзжалъ только тогда, когда былъ чѣмъ-нибудь разстроенъ. И одиночество было такъ безнадежно, что порою Кузьма называлъ себя Дрейфусомъ на Чортовомъ островѣ. Но еще чаще думалъ съ сердцемъ, что есть въ немъ нѣчто общее съ Сѣрымъ. Ахъ, вѣдь, и онъ, подобно Сѣрому,

былъ нищъ, слабоволень, выбить изъ колеи и всю жизнь ждалъ какихъ-то счастливыхъ дней для работы!

Непріятное воспоминаніе осталось отъ храбрости, отъ разсказа, отъ хвастовства захмелѣвшаго Сѣраго. Но, вѣдь, обычно и во хмелю не таковъ бывалъ Сѣрый: только болтливъ, чѣмъ-то смущенъ и несмѣло-веселъ. Да и захмелѣть-то ему удавалось разъ пять въ годъ. Не жаженъ онъ былъ на вино, не то, что на табакъ. Изъ-за табаку онъ готовъ былъ пойти на какія угодно униженія, готовъ былъ по часамъ сидѣть возлѣ курящаго, поддакивать ему, льстить и все затѣмъ, чтобы, выждавши удобную минуту, какъ бы невзначай сказать: „Дай-ка, сватъ, на трубочку...“ Страстно любилъ онъ еще карты, долгіе разговоры, вечернія сборища по избамъ,—по тѣмъ избамъ, гдѣ большія семьи, гдѣ тепло, гдѣ огонь горитъ, бьютъ волну захожіе волнобой, шьютъ полушубки бродячіе портные. Но по избамъ еще не сбивался народъ—Сѣрый сидѣлъ дома... И, побывавъ у него нѣсколько разъ, Кузьма почувствовалъ, что не злобствовать надо, не трунить надъ Сѣрымъ. Жилъ Сѣрый тѣмъ, что заработала на лѣтней поденщинѣ жена, смиренная, молчаливая, съ придурью баба, да еще тѣмъ, что удавалось выпросить у Дениски, изрѣдка, не надолго и неизвѣстно зачѣмъ появлявшагося въ Дурновкѣ—съ чемоданомъ, бѣлымъ хлѣбомъ, колбасой, которую онъ любилъ безумно—и безъ стѣсненія бранившаго царя и господъ. По первому свѣгу Сѣрый куда-то ушелъ и пропадалъ съ недѣлю. Явился домой сумрачный.

— Ай опять къ Русанову ходилъ?—спросили сосѣди.

— Ходилъ,—отвѣтилъ Сѣрый.

— Зачѣмъ?

— Уговаривали наняться.

— Такъ. Не согласился?

— Дурѣи ихъ не былъ, да до-вѣку и не буду... Авось, не кровью имъ подписался!

И Сѣрый, не снимая шапки, надолго засѣлъ на лавку. И въ сумерки тоскливо становилось на душѣ при взглядѣ на его избу. Въ сумерки за широкимъ снѣжнымъ логомъ скучно чернѣла Дурновка, ея риги и лозинки на задворкахъ. Но темнѣло—и загорались огоньки, казалось, что въ избахъ мирно, уютно. И неприятно чернѣла только избенка Сѣраго, что стояла какъ-разъ противъ крыльца Кузьмы. Она была глуха, мертва. Кузьма уже зналъ: если войдешь въ ея темныя полураскрытыя сѣни, почувствуешь себя на порогѣ почти звѣринаго жилья—пахнетъ снѣгомъ, въ дыры крыши видно сумрачное небо, вѣтеръ шуршитъ навозомъ и хворостомъ, кое-какъ накиданнымъ на стропила; если найдешь оцущью покосившуюся стѣну и отворишь дверь, встрѣтишь холодъ, тьму, чуть мерцающее во тьмѣ мерзлое окошечко—и молчаніе. Никого не видно, но угадываешь: хозяинъ на лавкѣ,—уголькомъ краснѣетъ его трубка; хозяйка тихонько покачиваетъ повизгивающую люльку, гдѣ болтается блѣдный, сонный отъ голода рахитикъ. Двѣ дѣвченки, въ однѣхъ рубашенкахъ, сизыхъ отъ золы, забились на чуть теплую печку и что-то оживленно, шопотомъ разсказываютъ другъ другу. Въ гнилой соломѣ подъ нарами шуршать, вьются коза и поросенокъ,—большіе друзья. Страшно разогнуться, чтобы не удариться головой въ потолокъ. Повертываешься тоже съ опаской: отъ порога до противоположной стѣны всего пять шаговъ.

— Кто-й-то? — раздается изъ темноты негромкій голосъ.

— Я.

— Никакъ Кузьма Ильичъ?

— Онъ самый.

Сѣрый подвигается, опрастываетъ мѣсто на лавкѣ. Кузьма садится, закуриваетъ. Понемногу начинается разговоръ. Угнетенный темнотой, Сѣрый простъ, грустенъ, сознается въ своихъ слабостяхъ. Голосъ его порою дрожить...

Зима наступила долгая и снѣжная.

Блѣдно-бѣлѣющія подъ синевато-сумрачнымъ небомъ поля стали шире, просторнѣе и еще пустыннѣе. Избы, пуньки, лозины, риги рѣзко выдѣлялись на первыхъ порошахъ. Потомъ пошли вьюги и намели, навалили такихъ сугробовъ, столько снѣга, что деревня потонула въ немъ, приняла дикій сѣверный видъ, стала чернѣть только дверями да окошечками, еле выглядывающими изъ-подъ нахлобученныхъ бѣлыхъ шапокъ, изъ бѣлой толщи заваленокъ. За вьюгами подули по затвердѣвшему сѣрому насту полей вѣтры съ сѣвера, оборвали послѣдніе коричневые листья съ безпріютныхъ дубовыхъ кустарниковъ въ логахъ, стали тонуть въ непролазныхъ наносахъ, испещренныхъ заячьими слѣдами, однодворецъ Тарасъ Минаевъ, похожій на сибиряка, превратились въ мерзлыя глыбы водовозки, выросли ледяные скользкіе бугры вокругъ прорубей, накатались дороги по сугробамъ—и зимнія будни установились. Начались по деревнямъ повальныя болѣзни: оспа, горячка, скарлатина, крушъ. Но болѣзни эти споконъ вѣку не покидаютъ деревень зимою, и къ нимъ ужъ такъ привыкли, что говорили о нихъ не больше, чѣмъ о переменѣхъ погоды. Вокругъ прорубей, изъ которыхъ пила вся Дурновка, надъ вонючей темно-бутылочной водою, по цѣлымъ днямъ стояли, согнувшись и подоткнувъ юбки выше сизыхъ голыхъ колѣнъ, въ

мокрыхъ лаптяхъ, съ большими, закутанными головами, бабы. Онѣ вытаскивали изъ чугуновъ съ золою свои сѣрыя замашныя рубахи, надшитыя до пояса коленкоромъ, мужицкіе тяжевые портки, дѣтскіе загаженные свивальники, полоскали ихъ, били вальками и весело перекрикивались, сообщая другъ другу, что руки „зашились съ пару“, что во дворѣ у Макаровыхъ помираетъ въ горячкѣ бабка, что у снохи Якова завалило горло. Дѣвченки въ однѣхъ рубашенкахъ выскакивали изъ избъ, прямо съ печекъ, за уголь, на бугры затвердѣвшаго снѣга. Мальчишки шмыгали на ледяшкахъ съ горы, кувыркались, визжали, закатывались лютымъ кашлемъ и являлись домой только къ вечеру, въ жару, съ тяжелыми, мутными головами. Они были въ отцовскихъ обноскахъ—въ огромныхъ шапкахъ, въ разбитыхъ и сгнившихъ лаптяхъ, въ спустившихся онучахъ, въ портченкахъ съ протертыми колѣнками и въ такихъ рваныхъ зипунишкахъ, что деревня казалась жильемъ нищихъ. Они такъ промерзали, что, придя домой, едва шевелили губами, прося пить, а напившись, съ плачемъ лѣзли на печку. Но на захворавшихъ даже матери не обращали вниманія. А смеркалось въ три часа, и лохматые собаки сидѣли на крышахъ, почти сравнявшихся съ сугробами. Ни единая душа въ деревнѣ не знала, чѣмъ питаются эти собаки. Однако, онѣ были живы и даже свирѣпы.

Просыпались въ усадьбѣ рано. На разсвѣтѣ, въ синеватой темнотѣ, когда зажигались по избамъ огоньки затапливались по курному печи и сквозь застрѣхи медленно шель густой молочной дымъ, а во флигелѣ съ замерзшими сѣрыми окнами становилось холодно, какъ въ снѣгахъ, Кузьму будилъ стукъ дверей и шуршанье мерзлой, со снѣгомъ, соломы, которую таскалъ изъ роз-

вальней Кошель. Слышался его негромкій сиплый голосъ,—голосъ человѣка, проснувагося раньше всѣхъ, натошакъ озябшаго. Гремѣла трубой самовара и строгимъ шопотомъ переговаривалась съ Кошелемъ Молодая. Она спала не въ людской, гдѣ тараканы до крови обтачивали руки и ноги, а въ прихожей, и вся деревня была убѣждена, что это—не спроста. Деревня хорошо знала, что пережила Молодая за осень,—какъ сразилъ ее позоръ, смерть Родьки, то, что мать ея ушла побираться, отдавъ девятилѣтняго Илюшку Якову и замкнувъ пустую избу. Молчаливая, придавленная тяжестью горя, Молодая была строже и печальнѣе схишницы. Но какое дѣло деревнѣ до чужихъ печалей? Она даже пошла дальше: сдѣлала любовникомъ Молодой старика! И Кузьма уже зналъ отъ Одноворки, что говорили на деревнѣ, и, просыпаясь, почему-то всегда вспоминалъ объ этомъ — со стыдомъ и отвращеніемъ. Онъ стучалъ кулакомъ въ стѣну, давая знать, что ждетъ самовара, и, кряхтя, закуривалъ цыгарку: это успокаивало сердце и облегчало грудь. Онъ лежалъ подъ тулупомъ и, не рѣшаясь разстаться съ тепломъ, курилъ и думалъ. „Безстыжій народъ! Вѣдь, у меня дочь почти ровесница ей...“ То, что за стѣной ночевала молодая женщина, волновало его только отеческой нѣжностью. Днемъ она была молчалива и серьезна, скупа на слова, по-дѣвичьи застѣнчива. А когда спала, было въ ней даже что-то дѣтское, грустное и одинокое. Разъ уснула послѣ обѣда на своемъ сундукѣ въ прихожей, закутавъ голову пеньковой шалью, поджавъ ноги, и заголила колѣно. Женственно лежали ея ноги въ лаптяхъ, но озябшее колѣно бѣлѣло, какъ у дѣвочки. И Кузьма, проходя мимо, отвернулся и окликнулъ ее, чтобы она проснулась и закрылась. Но развѣ деревня повѣ-

рить этому? Не повѣрилъ бы даже Тихонъ Ильичъ: что-то ужъ очень странно усмѣхался онъ порою. Онъ и всегда-то былъ недовѣрчивъ, подозрителенъ, грубъ въ своихъ подозрѣніяхъ, а теперь и совсѣмъ потерялъ умъ: что ему ни скажи,—у него на все одинъ отвѣтъ.

— Слышалъ, Тихонъ Ильичъ?—Закрежевскій, говорятъ, отъ катарра помираетъ,—въ Орель повезли.

— Брехня. Знаемъ мы этотъ катарръ!

— Да мнѣ фельдшеръ говорилъ.

— А ты слушай его побольше...

Помолчишь.

— Хочу газетку выписать. Дай мнѣ, пожалуйста, въ счетъ жалованья рублей десять.

— Гм. Охота же человѣку брехней голову забивать. Да, признаться, со мной и денегъ-то всего пятиалтынный, не то двугривенный...

Войдетъ Молодая съ опущенными рѣсницами.

— Муки, Тихонъ Ильичъ, у насъ осталось чуть...

— Это какъ же такъ—чуть? Ой, брешешь, баба!

И перекоситъ брови. А доказывая, что муки должно было хватить, по крайней мѣрѣ, еще дня на три, все быстро поглядываетъ то на Кузьму, то на Молодую. Разъ даже спросилъ, усмѣхнувшись:

— А какъ спать вамъ,—ничего, тепло?

И Молодая, которой и такъ-то тяжелы были его приѣзды, густо покраснѣла и, нагнувъ голову, вышла, а у Кузьмы отъ стыда и злобы похолодѣли пальцы.

— Стыдно, братъ, Тихонъ Ильичъ,—пробормоталъ онъ, отвертываясь къ окну.—И особенно послѣ того, что ты самъ же открылъ мнѣ...

— А чего-жь она покраснѣла?—зло, смущенно и неловко улыбаясь, спросилъ Тихонъ Ильичъ.

По утрамъ неприятели всего было умываться. Въ

прихожей несло морозомъ отъ соломы, плавалъ, какъ битое стекло, ледъ въ рукомойникѣ. Кузьма порой принимался за чай, вымывъ только руки, и со сна казался совсѣмъ старикомъ. Отъ нечистоты и холода онъ сильно похудѣлъ и посѣдѣлъ за осень. Похудѣли и руки, кожа на нихъ стала тоньше, глянцевище, покрылась какими-то мелкими лиловатыми пятнышками.

— Укатали сивку крутыя горки!—думалъ онъ, закуривая послѣ чая и принимаясь за свое утреннее занятіе—созерцаніе деревни.

Какъ всегда, утро было сѣрое, съ жесткимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Подъ затвердѣвшимъ сѣрымъ снѣгомъ сѣрой стала къ Филипповкамъ и деревня. Сѣрыми мерзлыми лубками висѣло на перекладинахъ подъ крышами пунекъ бѣлье. Намерзало возлѣ избъ—лили помой, выкидывали золу. Оборванные мальчишки спѣшили по улицѣ между избами и пуньками въ школу, забѣгали на сугробы, скатывались съ нихъ на лаптяхъ; на всѣхъ были холщевые мѣшки съ грифельными досками и съ хлѣбомъ. Навстрѣчу имъ, присѣдая подъ коромысломъ съ двумя ушатами и неловко ступая безобразными задубенѣвшими валенками, обшитыми свиной кожей, шель въ одномъ армячишкѣ старый, больной, темнолицый Чугунокъ, отъ легкости котораго не осталось и слѣда; тянулася съ бугра на бугоръ и, раскатываясь, расплескивалася заткнутая соломой водовозка, за которой бѣжалъ бѣлоглазый заика Кобыляй; проходили бабы, занимавшія другъ у друга то соли, то пшена, то совокъ мучицы на лепешки или соломаху—заварное тѣсто, которое ѣдятъ съ коноплянымъ масломъ. На гумнахъ было пусто,—только у Якова дымились ворота риги: онъ, подражая богатымъ мужикамъ, молотилъ зимою. А за гумнами, за голымъ лознякомъ

на задворкахъ, разстилалось подъ низкимъ бѣлесымъ небомъ сѣрое снѣжное поле, пустыня волнообразнаго наста, и дулъ рѣзкій вѣтеръ. Въ деревнѣ было все-таки уютнѣй, но она казалась зачумленной: чуть не въ каждомъ дворѣ была оспа, сыпной тифъ.

Порой Кузьма ходилъ завтракать къ Кошелю, въ людскую—горячими, какъ огонь, картошками или вчерашними кислыми щами. Онъ вспоминалъ городъ, гдѣ прожилъ всю жизнь, и дивился: совсѣмъ не тянуло его туда. У Тихона городъ былъ завѣтной мечтой, онъ презиралъ и ненавидѣлъ деревню всей душой. Кузьма только силился ненавидѣть. Онъ теперь съ еще большимъ страхомъ, чѣмъ прежде, оглядывался на свое существованіе: онъ совсѣмъ одичалъ въ Дурновкѣ; онъ ничего не дѣлалъ, тосковалъ, томился своимъ бездѣльемъ; онъ не стригся два мѣсяца, часто не умывался, не снималъ чуйки, жадно хлебалъ щи изъ одной миски съ Кошелемъ. Но хуже всего было то, что, страшась своего существованія, которое старило его не по днямъ, а по часамъ, онъ чувствовалъ, что оно все-таки пріятно ему, что онъ, кажется, возвратился въ ту именно колею, какая, можетъ быть, и надлежала ему отъ рожденія: не даромъ, видно, текла въ немъ кровь дурновцевъ! А, между тѣмъ, вѣдь, до боли угнетала его эта безконечная дурновская зима, эти избы, проруби, мальчишки, собаки на крышахъ, холодъ, грязь, болѣзни, скотская лѣнь мужиковъ. Вѣдь, онъ чуть не каждый день вспоминалъ Меньшова, Акимку, Сѣраго—и они казались ему дикарями-выродками. Да что они—все выродилось!—думалъ онъ. Гдѣ теперь эти опахиванія, эти пѣсни, которыя, казалось, онъ слышалъ когда-то въ дѣтствѣ? Вотъ говорятъ, что прошлой зимой, въ ночь подъ Рождество, въ лютую метель, мужики изъ Коло-

дезей удавили въ Курасовскомъ лѣсу караульщика— съ тѣмъ, чтобы раздѣлить для какихъ-то колдовскихъ цѣлей веревку, снятую съ мертваго. Но вѣрили ли они въ эту веревку? Ой, слабо! Это нелѣпое и страшное дѣло совершенно было съ безпощадной жестокостью, но безъ вѣры, безъ твердости: говорятъ, что мужики рыдали на судѣ, какъ дѣти. Да у нихъ и ни во что нѣтъ вѣры. Если правда, что Молодая отравила Родьку, то развѣ вѣрила она, что такъ и должно поступить,— развѣ не простое отчаяніе это преступленіе? А Дурновка не вѣритъ ни ея горю, ни даже ему, старику... Да и самъ онъ все меньше вѣритъ себѣ,—своимъ мыслямъ, своимъ словамъ. И все чувствительнѣй становится...

Послѣ завтрака онъ гулялъ иногда—по усадьбѣ или по деревнѣ. Бывалъ на гумнѣ у Якова, въ избѣ у Сѣраго или Кошеля, старуха котораго, Баба-Копыль, жила одна, слыла колдуньей, была высока и страшно худа, форноса и зубаста, какъ смерть, говорила грубо и рѣшительно, какъ мужикъ курила трубку: истопить печку, сядетъ на нары и покуриваетъ себѣ, мотая тонкой длинной ногой въ тяжеломъ черномъ лаптѣ. Раза два за весь постъ Кузьма выѣзжалъ—былъ на почтѣ и у брата. И поѣздки эти были пріятны, но тяжелы: промерзаль Кузьма до того, что не чувствовалъ, есть у него ноги или нѣтъ. Въ началѣ осени онъ еще имѣлъ твердый взглядъ, опрятный видъ. Но твердость взгляда исчезла и пришла въ ветхость одежда. Отрепались ворота рубашекъ, протерлись локти пиджака; опойковые сапоги стали до красноты рыжи, тонки, кое-гдѣ лопнули. Бараній тулупъ, крытый казинетомъ, служилъ такъ давно, что весь пошелъ лысынами. А вѣтеръ въ полѣ былъ свирѣпый. Послѣ сидѣнія въ Дурновкѣ, нельзя было надышаться крѣпкой свѣжестью зимняго воздуха. Послѣ

долгаго созерцаія деревни, поражалъ снѣжно-сѣрый просторъ, по зимнему синѣющія дали казались неоглядными, красивыми, какъ на картинѣ. Бодро, отфыркиваясь, неслась противъ жесткаго вѣтра лошадь, смерзшіяся глудки со стукомъ летѣли изъ-подъ кованыхъ копытъ въ передокъ саней. Кошель, съ чернолиловой обмороженной щекой, бодро кряхтя, соскакивалъ съ облучка на раскатахъ и на бѣгу бокомъ вскакивалъ на него. Но вѣтеръ продувалъ насквозь, ноги, поставленныя въ солому, перебитую со снѣгомъ, ныли и коченьли, лобъ и скулы ломило... А въ низенькой почтовой конторѣ въ Ульяновкѣ было скучно такъ, какъ можетъ быть скучно только въ захолустныхъ казенныхъ мѣстахъ. Пахло плѣсенью, сургучемъ, оборванный почтальонъ стучалъ штемпелемъ, угрюмый Сахаровъ, похожій на гориллу, оралъ на мужиковъ, сердясь, что Кузьма не догадывается прислать ему пятокъ куръ или хоть чюдъ муки, отрывисто спрашивалъ: „Имя, хвалиліе ваше?“—и, порывшись въ шкапъ, твердо выговаривалъ: „Ниччего не будетъ“. Возлѣ дома Тихона Ильича волновалъ запахъ паровознаго дыма, напоминалъ, что есть гдѣ-то на свѣтѣ города, люди, оживленіе, газеты, новости. Поговорить съ братомъ, отдохнуть у него, согрѣться тоже было пріятно. Но разговоръ не налаживался. Брата поминутно отрывали въ лавку, по хозяйству, говорилъ онъ тоже только о хозяйствѣ, о брехнѣ, о подлости и злобѣ мужиковъ,—о необходимости поскорѣе, поскорѣе развязаться съ имѣніемъ. Настасья Петровна была жалка. Она, видимо, стала страшно бояться мужа; невпопадъ встрѣвала въ бесѣду, невпопадъ хвалила его,—его умъ, бережливость, зоркій хозяйскій глазъ, то, что онъ, по хозяйству, во все, во все вникалъ самъ.

— Ужъ такой доступный до всего, такой доступный!—говорила она—и Тихонъ Ильичъ грубо обрѣзаль ее, а Кузьма не зналъ, что сказать, боясь наткнуться на ссору. Роли мѣнялись: теперь ужъ не онъ, а братъ пугаль, наставляль его, не онъ, а братъ доказываль, что жить въ Россіи невозможно. Черезъ часъ такой бесѣды Кузьму начинало тянуть домой, въ усадьбу. „Куда же я дѣнусь?—со страхомъ думаль онъ, слушая брата, говорившаго о продажѣ имѣнія.—И неужели состоится эта дурацкая, ужасная свадьба Дениски съ Молодой? И почему такъ упорно твердить Тихонъ, что свадьба эта должна состояться?“ „Онъ рехнулся, ей-ей, рехнулся!“—бормоталь Кузьма на пути домой, вспоминая угрюмое и злое лицо Тихона, его замкнутость, подозрительность и утомительное повтореніе одного и того же. И покрикиваль на Кошеля, на лошадь, торопясь скрыть въ своемъ домишкѣ и тоску свою, и старую холодную одежду, и одиночество, и нѣжность при мысли о миломъ и печальномъ лицѣ Молодой, о ея женственности—и подколотной молчаливости. „Эхъ, да и какъ было ей не пропасть тутъ!“—тоскливо думаль онъ, глядя въ зимнія сумерки, на рѣдкіе огоньки Дурновки...

На Святкахъ къ Кузьмѣ повадился Иванушка изъ Басовки. Это былъ старозавѣтный мужикъ, ошалѣвшій отъ долготія, нѣкогда славившійся медвѣжьей силой. Коренастый, согнутый въ дугу, никогда не подымавшій лохматой бурой головы, ходившій носками внутрь, онъ поразилъ Кузьму еще болѣе, чѣмъ Меньшовъ, Акимъ, Сѣрый. Въ холеру девяносто второго года вся огромная семья Иванушки вымерла. Уцѣлѣль только сынъ, солдатъ, служившій теперь будочникомъ на чугунокъ, верстахъ въ пяти отъ Дурновки. Можно было дожить вѣкъ и у сына, но Иванушка предпочель бродить, побираться.

Онъ легко и косолапо шель по двору, съ палкой и шапкой въ лѣвой рукѣ, съ мѣшкомъ въ правой, съ раскрытой головой, на которой бѣлѣль снѣгъ—и овчарки почему-то не брехали на него. Молча входилъ въ домъ, бормоталь: „Дай Богъ дому сему да хозяина въ дому“,—и садился у стѣны на полъ. Кузьма отрывался отъ книги или насыпки мелкимъ табакомъ гильзъ и съ удивленіемъ, съ робостью смотрѣль на него поверхъ пенснэ, какъ на какого-то степного звѣря, присутствіе котораго было странно въ комнатѣ. Молча, съ опущенными рѣсницами, съ легкой ласковой улыбкой, мягко ступая лаптями, появлялась Молодая, подавала Иванушкѣ миску вареныхъ картошекъ и цѣлую краюху хлѣба, сѣрухъ отъ соли, и становилась у притолки. Она одѣвалась теперь, какъ мѣщанка, но лапти носила по-прежнему, въ плечахъ была плотна, широка, и красивое поблекшее лицо ея было такъ крестьянски-просто и старинно, что, казалось, иначе и не могла она называться Иванушкой, какъ дѣдушкой. И она, улыбаясь только одному ему, негромко говорила:

— Закуси, закуси, дѣдушка.

А онъ, не поднимая головы, зная ея ласку только по голосу, тихо ныль въ отвѣтъ, иногда бормоталь: „Спаси тебе Господь, внучка“, широко и неловко, точно лапой, крестился и жадно принимался за ѣду. На его бурыхъ волосахъ, нечеловѣческихъ густыхъ и крупныхъ, таяло. Съ лаптей текло по полу. Отъ ветхаго бураго чекменя, надѣтаго на грязную посконную рубаху, пахло курной избой. Изуродованныя долгой работой руки, корявые негнушіеся пальцы съ трудомъ ловили картошки.

— Небось холодно въ одномъ чекменѣ-то?—громко спрашиваль Кузьма.

— Ась? — какъ во снѣ, слабымъ нытьемъ отзывался Иванушка, подставляя закрытое волосами ухо.

— Холодно тебѣ, небось?

Иванушка думалъ.

— Чѣмъ холодно? — отвѣчалъ онъ съ разстановкой. — Ничаво ня холодно... Въ старину куда стюдянѣй было.

— Подними голову-то, волосы-то поправь:

Иванушка медленно качалъ головою.

— Таперь, братъ, не подымешь... Гнетъ къ землѣ-то...

И съ тусклой улыбкой силился поднять свое страшное, заросшее волосами лицо, свои крохотные глазки.

Наѣвшись, онъ вздыхалъ, крестился, собиралъ и дожевывалъ крошки съ колѣнъ; потомъ шарилъ возлѣ себя — искалъ мѣшокъ, палку и шапку, а, найдя и успокоившись, начиналъ неторопливую бесѣду. Онъ могъ просидѣть молча весь день, но Кузьма и Молодая распрашивали — и онъ, какъ во снѣ, откуда-то издалека, издалека отвѣчалъ. Онъ рассказывалъ своимъ неуклюжимъ стариннымъ языкомъ, что царь весь изъ золота, что рыбу царь не можетъ ѣсть — „дюже солна“, что пророкъ Илья разъ проломилъ небо и упалъ на землю: „дюже былъ грузень“; что Иванъ Креститель родился лохматый, какъ баранъ, и, крестя, билъ крестника костылемъ желѣзнымъ въ голову, чтобы тотъ „очухался“; что всякая лошадь разъ въ году, въ день Флора и Лавра, нарочитъ человекъ убить. Рассказывалъ, что въ старину ржи были такія, что ужъ не могъ проползти, что косили прежде въ день по двѣ десятины на брата; что у него былъ меринъ, котораго держали „на чѣпи“ — такъ силенъ и страшень былъ онъ; что однажды, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, у него, у Иванушки, украли такую дугу, за которую онъ двухъ цѣлковыхъ не взялъ бы... Онъ былъ твердо убѣжденъ, что семья его вымерла не

отъ холеры, а оттого, что перешла послѣ пожара въ новую избу, почевала въ ней, не давъ сперва переночевать кочету, и что онъ съ сыномъ спасся только случайно: спалъ въ ригѣ. Подъ вечеръ Иванушка поднимался и уходилъ, не обращая вниманія ни на какую погоду, не склоняясь ни на какія увѣщанія остаться до утра... И простудился на смерть — и подъ Крещенье скончался въ будкѣ сына. Сынъ уговаривалъ его причаститься. Иванушка не согласился: онъ сказалъ, что, причастившись, помрешь, а смерти онъ твердо рѣшилъ „не поддаваться“. Онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ безъ памяти; но даже и въ бреду просилъ невѣстку сказать, что его дома нѣтъ, если постучится смерть. Ночью разъ пришелъ въ себя, собралъ силы, слѣзъ съ печи и сталъ на колѣни передъ образомъ, озареннымъ лампадкой. Онъ тяжело вздыхалъ, долго бормоталъ, повторялъ: „Господи-Батюшка, прости мои прегрѣшенія...“ Потомъ задумался, долго молчалъ, прикинувъ головою къ полу. И вдругъ поднялся и твердо сказалъ: „Нѣ, не поддамся!“ Но утромъ увидалъ, что невѣстка разваливаетъ пироги, жарко топить печь...

— Ай мнѣ на похороны? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Невѣстка промолчала. Онъ опять собралъ силы, опять слѣзъ съ печи, вышелъ въ сѣнцы: да, вѣрно, — у стѣны стоймя стоялъ громадный лиловый гробъ съ бѣлыми восьмиконечными крестами! Тогда онъ вспомнилъ, что было лѣтъ тридцать тому назадъ съ сосѣдомъ, старикомъ Лукьяномъ: Лукьянъ захворалъ, ему купили гробъ — тоже хорошій, дорогой гробъ, — привезли изъ города муки, водки, соленого судака; а Лукьянъ возьми да и поправься. Куда было дѣвать гробъ? Чѣмъ оправдать траты? Лукьяна лѣтъ пять проклинали потомъ за нихъ,

сжили попреками со свѣту, изморили голодомъ, ставили вшами и грязью... Иванушка, вспомнивъ это, поникъ головой и покорно побрелъ въ избу. А ночью, лежа на спинѣ, безъ памяти, сталъ дрожащимъ, жалобнымъ голосомъ пѣть, да все тише, тише—и вдругъ затрясъ колѣнами, заикалъ, высоко, высоко поднялъ грудь вздохомъ и, съ пѣной на раскрытыхъ губахъ, застылъ...

Чуть не мѣсяцъ Кузьма пролежалъ изъ-за Иванушки въ постели. Утромъ на Крещенье говорили, что птица мерзнетъ на лету, а у Кузьмы даже валенокъ не было. И все-таки онъ поѣхалъ—взглянуть на руки мертваго. Руки эти, огромныя, грязно-восковыя, сложенныя и заоченѣвшія подъ огромной грудью на чистой посконной рубахѣ, уродованныя мозолистыми наростами въ теченіе цѣлыхъ восьмидесяти лѣтъ первобытно-тяжкой работы, были такъ грубы и страшны, что Кузьма поспѣшилъ отвернуться. А на волосы, на мертвое звѣриное лицо Иванушки онъ даже и покоситься не могъ,—поскорѣе кинулъ бѣлый коленкоръ. И изъ-подъ коленкора вдругъ пахнуло удушливо-противной сладковатой вонью... Чтобы согрѣться, Кузьма выпилъ водки и посидѣлъ передъ жарко пылающей печкой. Въ будкѣ было тепло и празднично-чисто, надъ возглавіемъ широкаго лиловаго гроба, закрытаго коленкоромъ, мерцалъ золотистый огонекъ восковой свѣчки, прилѣпленной къ угловому темному образу, пестрѣла яркими красками лубочная картина—продажа братьями Юсифа. Привѣтливая солдатка легко поднимала на рогачѣ и вдвигала въ печь пудовыя чугуны, весело говорила о казенныхъ дровахъ и все упрасивала остаться до возвращенія изъ села мужа, до выноса. Но Кузьму била лихорадка; лицо горѣло, отъ водки, отравой разлившейся по озябшему тѣлу, стали навертываться на глаза безпричинныя слезы...

И, не согрѣвшись, Кузьма поѣхалъ по бѣлымъ крѣпкимъ волнамъ полей къ Тихону Ильичу. Заиндевѣвшій, бѣлокудрявый меринъ бѣжалъ шибко, рыча и екая селезенкой, кидая изъ ноздрей столбы сѣраго пара; козырьки голосили, звонко визжали желѣзными подрѣзами по жесткому снѣгу; сзади, въ морозныхъ кругахъ, желтѣло низкое солнце; спереди, съ сѣвера, несло жгучимъ, захватывающимъ духъ вѣтромъ; вѣшки клонились въ густомъ кудрявомъ инеѣ, и крупныя сѣрыя овсянки стаей летѣли передъ мериномъ, разсыпались по лоснящейся дорогѣ, клевали мерзлый навозъ, опять взлетали и опять разсыпались. Кузьма глядѣлъ на нихъ сквозь тяжелыя бѣлыя рѣсницы, чувствовалъ, что задеревнѣвшее лицо его съ бѣлыми кудрями усовъ и бороды стало похоже на святочную маску... Солнце садилось, снѣжныя волны степи мертвенно зеленѣли въ оранжевомъ блескѣ, отъ ихъ хребтовъ и зазубринъ тянулись голубыя тѣни... Кузьма круто повернулъ лошадь и погналъ ее назадъ, домой. Но это уже не спасло. Солнце сѣло, въ домѣ съ запушенными сѣрыми стеклами брезжилъ тусклый свѣтъ, стояли сизыя сумерки, было нелюдимо и холодно. Снегирь, висѣвшій въ клѣткѣ возлѣ окна въ садѣ, околѣлъ,—вѣрно, отъ махорки,—лежалъ вверхъ лапками, распушивъ перья, раздувъ красный зобикъ.

— Готовъ!—сказалъ Кузьма и понесъ снегиря выкидывать.

Дурновка, глухая, занесенная мерзлыми снѣгами, такая далекая всему міру въ этотъ печальный вечеръ среди степной зимы, вдругъ ужаснула его. Конечно! Горящая голова мутна и тяжела, онъ сейчасъ ляжетъ и больше не встанетъ... Скрипя по снѣгу лаптями, къ крыльцу подходила съ ведромъ въ рукѣ Молодая, въ полушубкѣ, съ закутанной головою.

— Заболѣлъ, я, Дунюшка!—ласково сказалъ Кузьма, въ надеждѣ услышать и отъ нея ласковое слово.

Но Молодая равнодушно, сухо отвѣтила:

— Самоваръ, что-ль, поставить?

И даже не спросила, чѣмъ заболѣлъ. Не спросила ничего и объ Иванушкѣ... Кузьма вернулся въ темную комнату и, весь дрожа, со страхомъ соображая, какъ же это и куда онъ будетъ ходить теперь за нуждой, легъ на диванъ, служившій постелью... И вечера смѣшались съ ночами, ночи съ днями, счетъ ихъ потерялся.

Въ первую же ночь, часа въ три, онъ очнулся и постучалъ въ стѣну кулакомъ, чтобы попросить воды: мучила во снѣ жажда и мысль, выкинули ли саниря. Но на стукъ никто не отозвался: Молодая ушла ночевать въ людскую. И Кузьма вспомнилъ, почувствовалъ, что онъ смертельно боленъ, и его охватилъ такой ужасъ, такая тоска, точно онъ очнулся въ склепѣ. Значить, въ прихожей, пахнувшей снѣгомъ, соломой и хомутами, было пусто! Значить, онъ, больной и безпомощный, совсѣмъ одинъ въ этомъ темномъ ледяномъ домишкѣ, гдѣ тускло сѣрѣютъ окна среди мертвой тишины безконечной зимней ночи и виситъ ненужная клѣтка!

— Господи, спаси и помилуй, Господи, помоги хоть сколько-нибудь,—зашепталъ онъ, поднимаясь и шаря дрожащими руками по карманамъ.

Онъ хотѣлъ зажечь спичку. Но шопотъ его былъ горячечный, въ пылающей головѣ шумѣло и звенѣло, руки, ноги леденѣли... Приѣхала Клаша, быстро распахнула дверь, положила его голову на подушку, сѣла на стулъ возлѣ дивана... Одѣта она была барышней,—бархатный шубка, шапочка и муфта изъ бѣлаго мѣха,—руки ея пахли духами, глаза блестѣли, щеки съ мороза раскраснѣлись... „Ахъ, какъ хорошо распуталось все!“—шеп-

талъ кто-то, но нехорошо было то, что Клаша почему-то не зажгла огня, что приѣхала она не къ нему, а на похороны Иванушки, совпавшія съ именинами Тихона Ильича... что она внезапно запѣла подъ гитару: „Хазѣ-Булатъ удалой, бѣдна сакля твоя...“ Потомъ все это сразу исчезло, онъ открылъ глаза—и отъ того таинственнаго, тревожнаго и жуткаго, что наполняло его голову сумбуромъ, не осталось и слѣда. Снова увидѣлъ онъ темную, холодную комнату, сѣрѣющія окна; понялъ, что все вокругъ просто, слишкомъ просто,—что онъ боленъ и совсѣмъ, совсѣмъ одинъ...

Въ смертельной тоскѣ, отравлявшей душу въ началѣ болѣзни, Кузьма бредилъ только саниремъ, Клашей, Воронежомъ; даже въ бреду не покидала мысль, что все кончено... что, можетъ, хоть въ одномъ сжальтятся надъ нимъ—не похоронятъ въ Колодезяхъ, Но, Боже мой, не безуміе ли надѣяться на жалость въ Дурновкѣ! Разъ онъ пришелъ въ себя утромъ, когда топили печку,—и простые, спокойные голоса Кошеля и Молодой показались ему такъ безпощадны, чужды и странны, какъ всегда кажется безпощадна, чужда и странна больнымъ обыденная жизнь здоровыхъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, попросить поставить самоваръ—и онѣмѣлъ и чуть не заплакалъ: послышался сердитый шопотъ Кошеля, говорившаго, конечно, о немъ, о больномъ, и отрывистый отвѣтъ Молодой:

— А, да ну его! Помретъ,—похоронятъ...

Потомъ тоска начала ослабѣвать. Когда сознание прояснялось, тѣлу и душѣ становилось даже хорошо, по-дѣтски хорошо и уютно. Свѣтило въ окна, сквозь голыя вѣтви акацій, предвечернее солнце. Синѣлъ табачный дымъ. Возлѣ постели сидѣлъ старичокъ-фельдшеръ, пахнущій лекарствами и морозной свѣжестью,

отдиравшій съ усовъ ледяныя сосульки. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и Тихонъ Ильичъ, высокій, сѣдой, строгій, заваривалъ, стоя у стола, душистый чай. Фельдшеръ куриль, выпивалъ стакановъ восемь, десять, говорилъ о тельныхъ коровахъ, цѣнахъ на муку и масло, а Тихонъ Ильичъ рассказывалъ, какъ чудесно, богато хоронили Настасью Петровну, какъ онъ радъ, что нашелся, наконецъ, покупатель на Дурновку. Кузьма понималъ, что Тихонъ Ильичъ только что изъ города, что Настасья Петровна умерла тамъ внезапно, по дорогѣ на вокзалъ; понималъ, что стоили Тихону Ильичу похороны страшно дорого и что онъ уже взялъ задатокъ за Дурновку—и былъ совершенно равнодушенъ: его занимало предвечернее солнце.

Проснувшись однажды очень поздно, не чувствуя ни слабости, ни дрожи въ ногахъ, онъ надѣлъ новыя валенки и романовскій полушубочекъ,—подарокъ Тихона Ильича,—сѣлъ за самоваръ. День былъ пасмурный, теплый, навалило много снѣга. Отпечатывая въ немъ слѣды лаптей, испещренные крестиками, прошелъ подъ окномъ Сѣрый. Вокругъ него, обнюхивая его рваныя полы, бѣжали овчарки. А онъ тянулъ за поводъ высокую грязно-соловую лошадь, безобразную отъ старости и худобы, съ истертымъ хомутомъ плечами, съ побитой спиной, съ жидкимъ нечистымъ хвостомъ. Она ковыляла на трехъ ногахъ, четвертую, переломленную ниже колѣна, волочила. И Кузьма вспомнилъ, что третьяго дня былъ Тихонъ Ильичъ и сказалъ, что велѣлъ Сѣрому полакомить овчарокъ,—найти, привезти и зарѣзать старую лошадь, что Сѣрый и прежде промышлялъ иногда этимъ дѣломъ,—покупкой дохлой или негодной скотины на шкуру. Съ Сѣрымъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ, былъ недавно страшный случай: го-

товясь рѣзать какую-то кобылу, Сѣрый забылъ ее спутать, связалъ и затянулъ на сторону только морду,—и кобыла, какъ только онъ, перекрестившись, ударилъ ее тонкимъ ножичкомъ въ жилу возлѣ ключицы, взвизгнула и, съ визгомъ, съ желтыми, оскаленными отъ боли и ярости зубами, съ бьющей на снѣгъ струей черной крови, кинулась на своего убійцу и долго, какъ человѣкъ, гонялась за нимъ—и настигла бы, да „спасибо снѣгъ былъ глубокъ...“ Кузьму такъ поразилъ этотъ случай, что теперь, взглянувъ въ окно, онъ опять почувствовалъ тяжесть въ ногахъ. Потомъ заколотилось сердце... Онъ сталъ глотать горячій чай—и понемногу оправился. Покурилъ, посидѣлъ... Наконецъ, всталъ, вышелъ въ прихожую и взглянулъ на голый рѣдкій садъ за оттаявшимъ окномъ: въ саду, на бѣлоснѣжномъ покровѣ поляны, краснѣла огромная кровавая туша съ длинной шеей и ободранной головою; собаки, сгорбившись и упершись лапами въ мясо, жадно вырывали и растягивали кишки; два старыхъ черносизыхъ ворона бокомъ подпрыгивали къ головѣ, взлетали, когда собаки, рыча, кидались на нихъ, и опять опускались на дѣвственно-чистый снѣгъ. „Иванушка, Сѣрый, вороны...—подумалъ Кузьма.—Они, можетъ, еще помнятъ времена Ивана Грознаго... Господи, спаси и помилуй, вынеси меня отсюда!“

Недомоганіе не покидало Кузьму еще съ полъ-мѣсяца. Грустно и радостно трогала мысль о веснѣ, хотѣлось поскорѣе вонъ изъ Дурновки. Онъ зналъ, что зимѣ еще и конца не предвидится; но оттепели уже начинались. Первая недѣля февраля была темная, туманная. Туманъ скрывалъ поля, съѣдалъ снѣгъ. Деревья чернѣла, между грязными сугробами стояла вода; становой проѣхалъ однажды по деревнѣ гуськомъ, весь

закиданный конским пометомъ. Пѣли пѣтухи, изъ вентилятора тянуло волнующей весенней сыростью... Новая жизнь начиналась для Кузьмы,—онъ это чувствовалъ. Но какая? Если бы кто спросилъ его теперь объ „Итогахъ“, онъ только усмѣхнулся бы. Прежде, все собираясь писать, онъ часто думалъ о своемъ прошломъ. Теперь прошлое казалось ему такъ незначительно, такъ чуждо, что совершенно не вѣрилось въ него: да нѣтъ, это было не съ нимъ, а если съ нимъ, то не имѣетъ даже ни малѣйшей связи съ его душой. Теперь-то только созналъ онъ, какъ глупо было мечтать о какихъ-то итогахъ, проповѣдяхъ, спорахъ, кто хорошъ и кто дурень, кто правъ и кто виноватъ. Ужъ куда ему! Но жить еще хотѣлось—жить, ждать весны, переѣзда въ городъ; жить, покоряясь судьбѣ, и дѣлать какое угодно дѣло—хотя бы за одинъ кусокъ хлѣба... И, конечно, у брата,—какой онъ ни есть. Братъ, вѣдь, уже предлагалъ ему, больному, переселиться на Ворголь.

— Куда-жъ мнѣ гнать-то тебя,—сказалъ онъ, подумавъ.—Я и лавку съ дворомъ съ перваго марта передаю,—поѣдемъ-ка, братуша, въ городъ, подальше отъ этихъ живорѣзовъ!

И правда: живорѣзы. Была Одноворка и передавала подробности недавней исторіи съ Сѣрымъ. Дениска вернулся изъ Тулы вскорѣ послѣ Крещенья и околачивался безъ дѣла, болтая по деревнѣ, что хочетъ жениться, что у него есть денежки и что скоро заживетъ онъ за первый сортъ. Деревня сперва называла эти розсказни брехнею, потомъ, по намекамъ Дениски, сообразила, въ чемъ дѣло, и повѣрила. Повѣрилъ и Сѣрый и сталъ заискивать въ сынѣ. Но, ободравъ лошадь, получивъ цѣлковый отъ Тихона Ильича и наживъ полтинникъ на шкурѣ, загордѣлъ и загулялъ: пилъ два

дня, потерялъ трубку и легъ отлеживаться на печкѣ. Голова болѣла, покурить было не изъ чего. Вотъ онъ и сталъ обдирать на цыгарки потолокъ, который Дениска оклеивалъ лѣтомъ газетами и разными картинками. Обдиралъ онъ, конечно, тайкомъ, но разъ таки засталъ его Дениска за этимъ дѣломъ. Засталъ и заоралъ. Сѣрый съ похмелья тоже заоралъ—и Дениска стащилъ его съ печки и билъ смертнымъ боемъ до тѣхъ поръ, куда не сбѣжались сосѣди. Правда, миръ былъ заключенъ на другой же день вечеромъ, за кренделями и водкой; но, думалъ Кузьма, не живорѣзъ ли и Тихонъ Ильичъ, съ упорствомъ сумасшедшаго настаивавшій на свадьбѣ Молодой съ однимъ изъ этихъ живорѣзовъ?

Услыхавъ объ этой свадьбѣ впервые, Кузьма твердо рѣшилъ, что не допуститъ ея. Какой ужасъ, какая нелѣпость! Потомъ, приходя въ себя во время болѣзни, онъ даже радовался этой нелѣпости. Удивило и поразило его равнодушіе Молодой къ нему, больному. „Звѣрь, дикарь!“—думалъ онъ и, вспоминая о свадьбѣ, злобно прибавлялъ: „И отлично! Такъ ей и надо!“—Теперь, послѣ болѣзни, исчезли и рѣшимость, и злоба. Какъ-то заговорилъ онъ съ Молодой о намѣреніи Тихона Ильича—и она спокойно отвѣтила:

— Да что-жъ, я ужъ балакала съ бариномъ объ этомъ дѣлу. Дай Богъ ему добраго здоровья, это онъ хорошо придумалъ.

— Хорошо?—изумился Кузьма.

Молодая посмотрѣла на него и покачала головою.

— Да какъ же не хорошо-то? Чудны вы, ей-Богу, Кузьма Ильичъ! Сколько денегъ сулить, свадьбу беретъ на себя... Опять же не вдовца какого-нибудь придумалъ, а малаго молодого, безъ порока... не гнилого, не пьяницу...

— А лодыря, драчуна, дурака набитаго,—прибавилъ Кузьма.

Молодая потупила глаза, помолчала. Вздохнула и, повернувшись, пошла къ двери.

— Да какъ знаете,—сказала она съ дрожью въ голосѣ.—Дѣло ваше... Отговаривайте... Богъ съ вами.

Кузьма широко раскрылъ глаза и крикнулъ:

— Стой, да ты съ ума сошла! развѣ я тебѣ зла желаю?

Молодая обернулась и остановилась.

— А развѣ не зла?—горячо и грубо заговорила она, краснѣя и блестя глазами.—Куда-жъ, по вашему, мнѣ дѣваться? Вѣкъ чужіе пороги обивать? Чужую корку глотать? Бездомной побирушкой шататься? Ай вдовца, старика искать? Мало я еще страму-то приняла, мало слезъ поглотала?

И голосъ ея сорвался. Она заплакала и вышла. Вечеромъ Кузьма убѣдилъ ее, что онъ и не думалъ разстраивать дѣла, и она, наконецъ, повѣрила, ласково и застѣнчиво усмѣхнулась.

— Ну, спасибо вамъ,—сказала она тѣмъ милымъ тономъ, какимъ говорила съ Иванушкой.

Но и тутъ на рѣсницахъ ея задрожали слезы—и опять развелъ руками Кузьма.

— А теперь-то ты о чемъ?—сказалъ онъ.

И Молодая тихо отвѣтила:

— Да авось и Дениска-то не радость...

Злоба и рѣшимость исчезли, потому что теперь все стало понятно. Понялъ Кузьма и равнодушіе Молодой къ нему, больному. Да кто онъ ей? Отецъ, братъ? Вольно-жъ ему, глупому старику, было забывать, что онъ въ Дурновкѣ! Вольно-жъ ему было воображать, что Молодая понимаетъ его отношеніе къ ней! Тихонъ-то,

конечно, поступаетъ жестоко, живорѣзомъ, устраивая ея судьбу съ Дениской, да, вѣдь, онъ во сто разъ лучше знаетъ Дурновку. Вѣдь, жестокость Тихона кажется жестокостью только ему, Кузьмѣ...

Кошель привезъ съ почты газету почти за полтора мѣсяца. Дни стояли темные, туманные, и Кузьма съ утра до вечера читалъ, сидя у окна. И, кончивъ, ошеломивъ себя сказочнымъ числомъ новыхъ казней, оцѣпенѣлъ. Ярость душила прежде при чтеніи газетъ, — ярость бесплодная, потому что не хватало человѣческой воспріимчивости на то, что читалось. Теперь только похолодѣли пальцы. Да, да, яриться тутъ нечего. Все идетъ, какъ по писанному... По Сенькѣ и шапка... Онъ поднялъ голову: косо неслась бѣлая крупа, падая на черную нищую деревушку, на ухабистыя, грязныя дороги, на конскій навозъ, ледъ и воду; сумеречный туманъ скрывалъ безпредѣльныя поля, всю эту великую пустыню съ ея снѣгами, лѣсами, селеніями и городами,—царство голода и смерти...

— Авдотья!—крикнулъ Кузьма, поднимаясь съ мѣста.— Скажи Кошелю — лошадь въ козырьки запречь. Къ брату ѣду...

Тихонъ Ильичъ былъ дома. Онъ сидѣлъ за самоваромъ, въ одной ситцевой косовороткѣ, смуглый, почти черный, съ бѣлой бородой, съ насупленными сѣрыми бровями, большой и сильный, и заваривалъ чай.

— А! братуша!—привѣтливо и неестественно воскликнулъ онъ, не раздвигая бровей.— Вылѣзъ на свѣтъ Божій? Смотри, не рано ли?

— Ужъ очень соскучился, братъ,—отвѣтилъ Кузьма, цѣлуясь съ нимъ.

— Ну, а соскучился, давай грѣться и балакать...

Разспросивъ другъ друга, вѣтъ ли новостей, стали молча пить чай, потомъ закурили.

— Очень ты похудѣлъ, братуша! — сказалъ Тихонъ Ильичъ, затягиваясь и исподлобья глядя на Кузьму.

— Похудѣешь, — отвѣтилъ Кузьма тихо. — Ты не читаешь газетъ?

Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся.

— Брехню-то эту? Нѣтъ, Богъ милуетъ.

— Сколько казней, если-бъ ты зналъ!

— Казней? По дѣломъ. — Ты не слыхалъ, что подъ Ельцомъ-то было? На хуторѣ братьевъ Быковыхъ? — Помнишь, небось, — картавые-то?.. Сидятъ эти Быковы, не хуже насъ съ тобою, этакъ вечеркомъ, играютъ въ шашки... Поговариваютъ, что пора, молъ, и на боковую. Вдругъ—что такое? Топотъ на крыльцѣ, крикъ: „Отворяй!“ И не успѣли, братецъ ты мой, эти самые Быковы глазомъ моргнуть — вваливается ихній работникъ, мужичишка на манеръ Сѣраго, а за нимъ—два архаровца какіе-то, золоторотцы, короче сказать... И всѣ съ ломами. Подняли ломы, да какъ заорутъ: „Руки вверхъ, мать вашу такъ!“ Понимаешь: мужичишка и самъ-то бѣлъ, какъ мѣль, отъ страху, глаза вылупилъ, а оретъ громче всѣхъ... Быковы, конечно, тоже перепугались не на животь, а на смерть, вскочили, кричатъ: „Да что такое?“ А мужичишка свое: „уверхъ, да уверхъ!“

И Тихонъ Ильичъ сумрачно улыбулся и, задумавшись, смолкъ.

— Да договаривай же, — сказалъ Кузьма.

— Да и договаривать-то нечего... Подняли, конечно, руки и спрашиваютъ: „Да что вамъ надо-то?“ — „Ветчину подавай! Гдѣ ключи у тебя?“ — „Да сукинъ ты сынъ! Тебѣ ли не знать? Да вотъ они, на притолкъ на гвоздикъ висятъ...“

— Это съ поднятыми-то руками?—перебилъ Кузьма.

— Конечно, съ поднятыми... Ну, да и всыпать имъ теперь за эти руки! Удавятъ, говорятъ. Они ужъ въ острогѣ, голубчики...

— Эти за ветчину-то удавятъ?

— Нѣтъ, за транду, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе, — полусердито, полущугливо отозвался Тихонъ Ильичъ. — Будетъ тебѣ, ей-Богу, ерепениться-то, Балашкина изъ себя корчить! Пора бросать...

Кузьма долго молчалъ, тербилъ свою сѣренькую бородку. Измученное, худое лицо его, скорбные глаза, косо поднятая лѣвая бровь отражались въ зеркалѣ и, поглядѣвъ на себя, онъ тихо согласился:

— Ерепениться-то? Вѣрно, что пора... давно пора...

И Тихонъ Ильичъ перевелъ разговоръ на дѣла. Видимо, онъ и задумался-то давеча, среди рассказа, только потому, что вспомнилъ что-то гораздо болѣе важное, чѣмъ казни,—какое-то дѣло.

— Вотъ я ужъ сказалъ Денискѣ, чтобы онъ какъ ни можно скорѣе кончалъ эту музыку, — твердо, четко и строго заговорилъ онъ, изъ горсти подсыпая въ чайникъ чаю. — И прошу тебя, братуша, — прими ты участіе въ ней, въ музыкѣ-то этой. Мнѣ, понимаешь, неловко. А послѣ того перебирайся сюда. Гарно, братуша, будетъ! Разъ мы ужъ порѣшили раскассировать все вдребезги, сидѣть тебѣ тамъ безъ толку нечего. Только расходы двойные. И, переѣхавши, запрягайся со мной рядомъ. Свалимъ съ плечъ обузу, доберемся, Богъ дастъ, до города,—за ссыпку, да ужъ за настоящую примемся. Тутъ, въ этой яругѣ, не развернешься. Отрясемъ отъ ногъ прахъ ея,—и хоть въ тартары провались она. Не погибать же въ ней! У меня, имѣй въ виду,—сказалъ онъ, сдвигая брови, протягивая руки и стискивая ку-

лаки,—у меня еще не вывернешься, мнѣ еще рано на печи-то лежать! Чорту рога сломлю!

Кузьма слушалъ, почти со страхомъ глядя въ его остановившіеся, сумасшедшіе глаза, въ его косившій ротъ, хищно отчеканившій слова,—слушалъ и молчалъ. Потомъ спросилъ:

— Братъ, скажи ты мнѣ за ради Христа, какая тебѣ корысть въ этой свадьбѣ? Не пойму, Богъ свидѣтель, не пойму! Дениску твоего я прямо видѣть не могу. Этотъ новенькій типикъ почище всѣхъ старыхъ будетъ. Ты не смотри, что онъ стыдливъ и дурачкомъ прикидывается,—это такое циничное животное! Разсказываетъ про меня, что я съ Молодой живу...

— Ну, ужъ ты ни въ чемъ мѣры не знаешь,—нахмуриваясь, перебилъ Тихонъ Ильичъ.—Самъ же долбишь: несчастный народъ, несчастный народъ! А теперь—животное!

— Да, долблю и буду долбить!—горячо подхватилъ Кузьма.—Но у меня умъ за разумъ зашелъ! Ничего теперь не понимаю: не то несчастный, не то... Да ты послушай: вѣдь, ты же самъ его ненавидишь! Вы оба ненавидите другъ друга! Онъ про тебя иначе и не говорить, какъ „живорѣзъ, въ холку народу вѣлся“, а ты его живорѣзомъ ругаешь! Онъ нагло хвастается на деревнѣ, что теперь онъ—кумъ королю...

— Да знаю я!—опять перебилъ Тихонъ Ильичъ.

— А про Молодую онъ, знаешь, что говоритъ?—продолжалъ Кузьма, не слушая.—Она красавица, у нея, понимаешь, такой нѣжный, бѣлый цвѣтъ лица, глаза опущенные, а онъ, глупое животное, знаешь, что говоритъ? „Чисто кафельная, сволочь!“ Да, наконецъ, пойми ты одно: вѣдь, онъ не будетъ жить въ деревнѣ, его бродягу, теперь арканомъ на деревнѣ не

удержишь. Какой онъ хозяинъ, какой семьянинъ? Вчера, слышу, идетъ по деревнѣ и поетъ блядскимъ голоскомъ: „Прикрасна, какъ андѣль небесный, какъ деманъ коварна и зла...“

— Знаю!—крикнулъ Тихонъ Ильичъ.—Не будетъ жить въ деревнѣ, ни за что не будетъ! Да, вѣдь, и въ городѣ живутъ люди не хуже Дурновки. А онъ что не хозяинъ, не семьянинъ, такъ и мы съ тобой хороши хозяева! Я, помню, объ дѣлѣ тебѣ говорю,—въ трактирѣ-то, помнишь?—а ты перепела слушаешь... Все знаю! Да дальше-то, дальше-то что?

— Какъ что? И при чемъ тутъ перепелъ?—спросилъ Кузьма и, широко раскрывъ глаза, смолкъ.

А Тихонъ Ильичъ побарабанилъ пальцами по столу и строго, раздѣльно отчеканилъ:

— Имѣй въ виду: воду толочь—вода будетъ. Слово мое есть свято во вѣки вѣковъ. Разъ я сказалъ—сдѣлаю. За грѣхъ мой не свѣчку поставлю, а сотворю благое. Хоть и лепту одну подамъ, да за лепту эту попомнить мнѣ Господь.

Кузьма вскочилъ съ мѣста.

— Господь, Господь!—воскликнулъ онъ фальцетомъ.—Какой тамъ Господь у насъ! Какой Господь можетъ быть у Дениски, у Акимки, у Меньшова, у Сѣраго, у тебя, у меня?

— Постой,—строго спросилъ Тихонъ Ильичъ.—У какого такого Акимки?

— Я вонъ околѣвалъ лежалъ,—продолжалъ Кузьма, не слушая,—много я о Немъ думалъ-то? Одно думалъ: ничего о Немъ не знаю и думать не умѣю!—крикнулъ Кузьма.—Не научень!

И, оглядываясь бѣгающими страдальческими глазами, застегиваясь и разстегиваясь, прошелъ по ком-

натѣ и остановился передъ самымъ лицомъ Тихона Ильича.

— Запомни, братъ,—сказалъ онъ, отчеканивая слоги, и скулы его покраснѣли.—Запомни: наша съ тобой пѣсня спѣта. И никакія свѣчи насъ съ тобою не спасутъ. Слышишь? Мы—Дурновцы. Мы—ни Богу свѣча, ни чорту кочерга.

И, не находя словъ отъ волненія, смолкъ. Но Тихонъ Ильичъ уже опять думалъ что-то свое и внезапно согласился:

— Вѣрно. Ни къ чорту негодный народъ! Ты подумай только...

И оживился, увлеченный новой мыслью:

— Ты подумай только: пахутъ цѣлую тысячу лѣтъ,—да что я! больше!—а пахать путемъ—то-есть ни единая душа не умѣетъ! Единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать! Не знаютъ, когда въ поле надо выѣзжать! Когда надо сѣять, когда косить! „Какъ люди, такъ и мы“—только и всего. Замѣть!—строго крикнулъ онъ, сдвигая брови, какъ когда-то кричалъ на него Кузьма.— „Какъ люди, такъ и мы!“ Хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь,—верхняя корка вся къ чорту отваливается, а подъ коркой—кислая вода!..

И Кузьма, которому сперва казалось, что настала, наконецъ, минута сказать что-то самое важное въ жизни, съ ужасомъ и восторгомъ отчаянія взглянуть на послѣдній итогъ ея,—опѣшилъ. Мысли его спутались...

— Онъ рехнулся! — подумалъ онъ безсмысленными глазами слѣдя за братомъ, заживавшимъ лампу.

А Тихонъ Ильичъ, не давая ему опомниться, съ азартомъ продолжалъ:

— Народъ! Сквернословы, лгуны, да такіе безстыжіе, что ни единая душа другъ другу не вѣритъ! Замѣть,—

заоралъ онъ, не видя, что зажженный фитиль полыхаетъ и чуть не до потолка бьетъ копотью,—не намъ, не намъ, а другъ другу! И всѣ они такіе, всѣ! — закричалъ онъ плачущимъ голосомъ и съ трескомъ надѣлъ стекло на лампу.

За окнами посинѣло. На лужи и сугробы летѣлъ молодой бѣлый снѣгъ. Кузьма смотрѣлъ на него и молчалъ. Разговоръ принялъ такой неожиданный и нелѣпый оборотъ—и все это такъ надоѣло!—что даже горячность Кузьмы пропала. Не зная, что сказать, нерѣшаясь взглянуть въ бѣшеные скорбные глаза брата, онъ сталъ свертывать папиросу.

— Рехнулся,—думалъ онъ безнадежно.— Да туда и дорога. Все равно! Все—все равно. Шабашъ.

Закурилъ, сталъ успокаиваться и Тихонъ Ильичъ. Сълъ и, глядя на огонь лампы, тихо забормоталъ:

— А ты—„Дениска“... Слышалъ, что Макарь Ивановичъ-то, странникъ-то, надѣлалъ? Поймали, съ дружкомъ со своимъ, бабу на дорогѣ, оттащили въ карулку въ Ключикахъ—и четыре дня ходили насилывали ее... поочередно... Ну, теперь въ острогѣ...

— Тихонъ Ильичъ,—ласково сказалъ Кузьма,—что ты городишь? Къ чему? Ты нездоровъ, должно быть. Перескакиваешь съ одного на другое, сейчасъ одно утверждаешь, а черезъ минуту другое... Пьешь ты, что ли, много?

Тихонъ Ильичъ промолчалъ. Онъ только махнулъ рукою, и въ глазахъ его, устремленныхъ на огонь, задрожали слезы.

— Пьешь?—тихо повторилъ Кузьма.

— Пью, — тихо отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ. — Да запьешь! Ты думаешь, легко мнѣ досталась эта клѣтка-то золотая? Думаешь, легко было кобелемъ цѣпнымъ

всю жизнь прожить, да еще со старухой? Ни къ кому у меня, братуша, жалости не было... Ну, да и меня немного жалѣли!.. Ты думаешь, я не знаю, какъ меня ненавидятъ-то? Ты думаешь, не убили бы меня на смерть лютую, кабы попала имъ, мужичкамъ-то этимъ, шлея подъ хвостъ какъ слѣдуетъ,—кабы повезло имъ въ этой революци-то? Погоди, погоди, — будетъ дѣло, будетъ! Зарѣзали мы ихъ!

— А за ветчину—давить?—спросилъ Кузьма.

— Ну, ужъ и давить, — отозвался Тихонъ Ильичъ страдальчески. — Это, вѣдь, я такъ, — къ слову пришлось...

— Да, вѣдь, удавятъ!

— А это — не наше дѣло. Имъ отвѣчать Всевышнему.

И, сдвинувъ брови, задумался, закрылъ глаза.

— Ахъ! — сокрушенно сказала онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Ахъ, братъ ты мой милый! Скоро, скоро и намъ на судъ предъ престоломъ Его! Читаю я вотъ по вечерамъ требникъ — и плачу, рыдаю надъ этой самой книгой. Диву даюсь: какъ это можно было слова такія сладкія придумать! Да вотъ, постой...

И онъ быстро поднялся, досталъ изъ-за зеркала толстую книжку въ церковномъ переплетѣ, дрожащими руками надѣлъ очки и со слезами въ голосъ, торопливо, какъ бы боясь, что его прервутъ, сталъ читать:

— Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижу въ гробѣхъ лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безгласну, не имущую вида...

— Воистину суета человѣческая, житіе же—сѣнь и соніе. Ибо всуе мятется всякъ земнородный, яко же рѣче писаніе: егда міръ пріобряземъ, тогда во гробъ вселимся, идѣ же вкупѣ царіе и нищія...

— Царіе и нищія!—восторженно-грустно повторилъ Тихонъ Ильичъ и закачалъ головою.—Пропала жизнь, братуша! Была у меня, понимаешь, стряпуха нѣмая, подарилъ я ей, дурѣ, платокъ заграничный, а она взяла да и истаскала его на изнанку... Понимаешь? Отъ дури да отъ жадности. Жалко на лицо по буднямъ носить,—праздника, моль, дождусь,—а пришелъ праздникъ—лохмотья одни остались... Такъ вотъ и я... съ жизнью-то своей. Истинно, такъ!

А Кузьма, не слушая, смотрѣлъ на него со страхомъ, съ изумленіемъ и порывался крикнуть:

— Тихонъ Ильичъ, ты съ ума сходишь! Опомнись!

Но кричать, — это онъ живо чувствовалъ и понималъ теперь,—было бесполезно...

Ничего не крикнулъ онъ и на свадьбѣ. Возвращаясь въ Дурновку, чувствовалъ онъ одно—какую-то тупую тоску. Въ тупой тоскѣ и грусти прошли и всѣ послѣдніе дни его въ Дурновкѣ.

Шелъ снѣгъ эти дни, а снѣгу только и ждали въ дворѣ Сѣраго, чтобы дорога поправилась къ свадьбѣ.

Двѣнадцатаго февраля, передъ вечеромъ, въ сумракѣ холодной прихожей произошелъ негромкій разговоръ. У печки стояла Молодая, надвинувъ на лобъ желтый съ чернымъ горошкомъ платокъ, глядя на свои лапти. У дверей—коротконогій Дениска, безъ шапки, въ тяжелой, съ обвислыми плечами педдевкѣ. Онъ тоже смотрѣлъ внизъ, на полусапожки съ подковками, которые вертѣлъ въ рукахъ. Полусапожки принадлежали Молодой. Дениска починилъ ихъ и пришелъ получить пяточокъ за работу.

— Да у меня нѣту,—говорила Молодая.—А Кузьма Ильичъ никакъ заснулъ. Ты подожди до завтра-то.

— Мнѣ, быть, ждать-то нельзя,—пѣвуче и задумчиво отвѣтилъ Дениска, ковыряя ногтемъ подковку.

— Ну, какъ же теперь быть?

Дениска подумалъ, вздохнулъ и, потряхнувъ своими густыми волосами, вдругъ поднялъ голову.

— Ну, что-жъ языкъ-то даромъ трепать,—громко и рѣшительно сказалъ онъ, не глядя на Молодую и пересиливая застѣнчивость.—Говорилъ съ тобой Тихонъ Ильичъ?

— Говорилъ,—отвѣтила Молодая.—Надоѣлъ даже.

— Такъ я приду сейчасъ съ отцомъ. Все равно ему, Кузьмѣ-то Ильичу, вставать сейчасъ, чай пить...

Молодая подумала.

— Дѣло твое...

Дениска поставилъ полусапожки на подоконникъ и, не напоминая больше о деньгахъ, ушелъ. А черезъ полчаса на крыльцѣ послышался стукъ обиваемыхъ отъ снѣга лаптей. Дениска вернулся съ Сѣрымъ— и Сѣрый былъ зачѣмъ-то подпоясанъ по чекменю, по кострецамъ красной подпояской. Кузьма вышелъ къ нимъ. Дениска и Сѣрый долго крестились въ темный уголь, потомъ встряхнули волосами и подняли лица.

— Свать, не свать, а добрый человекъ!—не спѣша началъ Сѣрый необычно-развязнымъ и ладнымъ тономъ.—Тебѣ нарѣченную дочь отдавать, мнѣ сына женить. По доброму согласію, на ихнее счастье давай рѣчь промежъ себя держать.

— Да, вѣдь, у ней мать есть,—сказалъ Кузьма.

— Мать ея не хозяйка, вдова бездомная, изба ея забита, сама она не вѣсть гдѣ,—отвѣтилъ Сѣрый, не сбиваясь съ тона.—Обдумай сироту!

И степенно, низко поклонился.

Сдерживая болѣзненную улыбку, Кузьма велѣлъ кликнуть Молодую.

— Бѣги, ищи,—шопотомъ, какъ въ церкви, приказалъ Сѣрый Денискѣ.

— Да я тутъ,—сказала Молодая, выходя изъ-за двери, отъ печки, и поклонилась Сѣрому.

Наступило молчаніе. Самоваръ, стоявшій на полу и краснѣвшій въ темнотѣ рѣшеткой, кипѣлъ и клоко-талъ. Лицъ не было видно, но чувствовалось, что всѣ смущены.

— Ну, какъ же, дочка,—рѣшай,—сказалъ Кузьма.

Молодая подумала.

— Я малаго не корю...

— А ты, Денисъ?

Дениска тоже помолчалъ.

— Что-жъ, жениться все равно когда-нибудь надо...
Можетъ, Богъ дастъ,—ничего...

И сваты поздравили другъ друга съ начатіемъ дѣла. Самоваръ унесли въ людскую. Отодворка, раньше всѣхъ узнавшая новость и прибѣжавшая съ Мыса въ одной шали, зажгла въ людской лампочку, послала Кошеля за водкой и подсолнухами, посадила невѣсту съ женихомъ подъ святыхъ, налила имъ чаю, сама сѣла рядомъ съ Сѣрымъ и, чтобы нарушить неловкость, высоко и рѣзко запѣла, поглядывая на Дениску, на его землистое лицо и большія рѣсницы:

Какъ у насъ да по садику,
Зеленомъ винограднику,
Ходилъ, гулялъ молодець,
Пригожъ, бѣлъ-бѣлешенекъ...

А Кузьма бродилъ изъ угла въ уголь по темному залу, курилъ и, качая головой, морщась, бормоталъ:

— Ай, батюшки. Ай, какой стыдъ, какая чепуха, какое убожество...

На другой день всякій, кто слышалъ отъ Сѣраго объ этомъ пирѣ, ухмылялся и совѣтовалъ: „Ты бы хоть немножко-то помогъ молодымъ!“ То же сказалъ и Кошель: „Дѣло ихъ молодое, молодымъ помогать надо“. Сѣрый молча ушелъ домой и принесъ Молодой, которая гладила въ прихожей, два чугуника и мотокъ черныхъ нитокъ.

— Вотъ, невѣстушка,—сказалъ онъ смущенно:—на, свекровь прислала.—Можетъ, на что годится... Нѣту, вѣдь, ничего,—кабы было что, изъ рубахи выскочилъ бы...

Молодая поклонилась и поблагодарила. Она гладила гардину, присланную Тихономъ Ильичемъ „замѣсто фаты“, и глаза ея были влажны и красны. Сѣрый хотѣлъ утѣшить, сказать, что и ему „не медь“, но помялся, вздохнулъ и, поставивъ чугуники на подоконникъ, вышелъ.

— Нитки-то я въ чугуничекъ положилъ,—пробормоталъ онъ.

— Спасибо, батюшка,—еще разъ поблагодарила Молодая тѣмъ ласковымъ и особеннымъ тономъ, какимъ говорила только съ Иванушкой, и, какъ только вышелъ Сѣрый, неожиданно улыбнулась слабой насмѣшливой улыбкой и зашѣла: „Какъ у насъ да по садику“...

Кузьма высунулся изъ зала и строго посмотрѣлъ на нее поверхъ пенсне. Она смолкла.

— Слушай,—сказалъ Кузьма.—Можетъ, кинуть всю эту исторію?

— Теперь поздно, — негромко отвѣтила Молодая. — Ужъ и такъ страму не оберешься... Ай не знаютъ всѣ,

на чьи деньги пировать-то будемъ? Да и расходъ ужъ начали...

Кузьма пожалъ плечами. Правда, вмѣстѣ съ гардиной, Тихонъ Ильичъ прислалъ двадцать пять рублей, мѣшокъ крупчатой муки, пшена и худую свинью... Но не пропадать же изъ того, что свинью эту зарѣзали!

— Охъ, — сказалъ Кузьма. — Измучили вы меня! „Страмъ, расходъ“... Да ай ты дешевле свиньи?

— Дешевле, не дешевле,—мертвыхъ съ погоста не носить, — просто и твердо отвѣтила Молодая и, вздохнувъ, аккуратно сложила выглаженную, теплую гардину.—Обѣдать-то сейчасъ будете?

Лицо ея стало спокойное. „Ну, шабашъ,—тутъ пива не сваризи!“—подумалъ Кузьма и сказалъ:

— Ну, какъ знаешь, такъ и краешь...

Пообѣдавъ, онъ курилъ и смотрѣлъ въ окно. Темнѣло. Въ людской, онъ зналъ, уже спекли огромную витушку — „ряженный пирогъ“. Готовились варить два чугуна студня, чугуны лапши, чугуны шей, чугуны каши — все съ убоиной. И Сѣрый хлопоталъ на снѣжномъ бугрѣ между амбарами и сараемъ. На бугрѣ, въ синеватыхъ сумеркахъ, оранжевымъ пламенемъ пылала солома, которой завалили убитую свинью. Вокругъ пламени, поджидая добычи, сидѣли овчарки, и бѣлыя морды ихъ, груди были шелковисто-розовы. Сѣрый, утопая въ снѣгу, бѣгалъ, поправлялъ костеръ, замахиwался на овчарокъ. Полы зипуна онъ высоко поднималъ, заткнулъ за-поясъ, шапку все сдвигалъ на затылокъ кистью правой руки, въ которой блестѣлъ ножъ. Бѣгло и ярко озаряемый то съ той, то съ другой стороны, Сѣрый кидалъ на свѣтъ большую пляшущую тѣнь,—тѣнь язычника. Потомъ мимо амбара, по тропинкѣ на де-

ревню, пробѣжала и скрылась подъ снѣжнымъ бугромъ Однодворка—созывать „игриць“ и просить у Домашки елку, сберегаемую въ погребѣ, переходившую съ дѣвишника на дѣвишникъ. А когда Кузьма, причесавшись и переѣнивъ пиджакъ съ продранными локтями на завѣтный длиннополый сюртукъ, одѣлся и вышелъ на поблѣвшее отъ падающаго снѣга крыльцо, въ мягкой сѣрой темнотѣ, у освѣщенныхъ оконъ людской, уже чернѣла большая толпа дѣвокъ, ребятъ, мальчишекъ, стоялъ гамъ, говоръ, играли сразу на трехъ гармоникахъ и все разное. Кузьма, горбясь, перебирая пальцы и хрустя ими, дошелъ до толпы, протолкался и, нагнувшись, вошелъ въ темь, въ сѣни. Было людно, тѣсно и въ сѣняхъ. Вонючіе мальчишки шныряли между ногъ, ихъ хватали за шеи и выталкивали вонъ,—они снова лѣзли...

— Да пустите, ради Бога!—сказала Кузьма, сдавленный у двери.

Его сдавили еще больше—и кто-то рвануль дверь. Въ клубахъ пара, онъ перешагнуль порогъ и остановился у притолки. Тутъ тѣснился народъ почище—дѣвки въ цвѣтныхъ шаляхъ, ребята во всемъ новомъ. Пахло краснымъ товаромъ, полущубками, керосиномъ, махоркой, хвоей. Маленькое зеленое деревцо, убранное кумачными лоскутами, стояло на столѣ, простирая вѣтки надъ тусклой жестяной лампочкой. Вокругъ стола, подъ мокрыми, оттаявшими окошечками, у черныхъ сырыхъ стѣнъ, сидѣли наряженные игрицы, грубо нарумяненные и наблѣненные, съ блестящими глазами, всѣ въ шелковыхъ и шерстяныхъ платочкахъ, съ радужными вьющимися перьями изъ хвоста селезня, заткнутыми на вискахъ въ волосы. Какъ-разъ когда Кузьма вошелъ, Домашка, хромя дѣвка съ темнымъ,

злымъ и умнымъ лицомъ, съ черными острыми глазами и черными сросшимися бровями, затула грубымъ и сильнымъ контральто старинную величальную пѣсню:

Какъ у насъ при вечеру-вечеру,
При послѣднемъ концу вечера,
При Авдотьиномъ дѣвишнику...

Дѣвки дружнымъ и нестройнымъ хоромъ подхватили ея послѣднія слова—и всѣ обернулись къ невѣстѣ: она сидѣла, по обычаю, возлѣ печки, неубранная, вся накрытая большой темной шалью, и должна была отвѣтить пѣснѣ громкимъ плачемъ и причитаніями: „Рѣд-ный мой батюшка, родимая матушка, какъ мнѣ вѣкъ вѣковать, замужемъ горе горевать?“ Но невѣста молчала. И дѣвки, кончивъ пѣсню, недовольно покосились на нее. Потомъ пошептались и, нахмурившись, медленно и протяжно запѣли „сиротскую“:

Растопися, банюшка,—
Ты ударь, звонкій колоколь!

И у Кузьмы задрожали крѣпко сжатія челюсти, пошелъ морозъ по головѣ и по голенамъ, сладостно заломило скулы и глаза налились, помутились слезами. Невѣста завернулась въ шаль и вдругъ затряслась отъ такихъ рыданій, что всѣ тревожно переглянулись.

— Будя, дѣвки!—крикнуль кто-то.

— Будя, родная, будя!—заговорила Однодворка, слѣзая съ лавки.—Не пристойно.

Но дѣвки не слушали:

Ты ударь, звонкій колоколь,
Разбуди мово батюшку...

И невѣста со стономъ стала падать лицомъ на колѣни, на руки, захлебываясь отъ слезъ... Дрожащую, патающуюся и вскрикивающую, какъ отъ лютой боли,

ее увели, наконецъ, въ холодную половину избы — наряжать.

А потомъ Кузьма благословлялъ ее. Женихъ пришелъ съ Васькой, сыномъ Якова. Женихъ надѣлъ его сапоги; волосы жениха были подстрижены, шея, окаймленная воротомъ голубой рубахи съ кружевомъ, докрасна выбрита. Онъ умылся съ мыломъ и очень помолодѣлъ, былъ даже недурень и, зная это, степенно и скромно опускалъ темныя рѣсницы. Васька, „дружко“, въ красной рубахѣ, въ романовскомъ полушубкѣ на распашку, стриженный, рябой, крѣпкій, какъ всегда, походилъ на арестанта. Онъ вошелъ, насутился и покосился на игриць.

— Будя драть-то!—сказалъ онъ грубо и строго. — Вылязайте, вылязайте.

Игрицы хоромъ отвѣтили:

— Безъ троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ—изба не кроется. Положь по рублю на каждомъ углу, пятый—по середкѣ, да бутылку водки.

Васька вытащилъ изъ кармана полштофъ и поставилъ его на столъ. Дѣвки взяли — и поднялись. Стало еще тѣснѣе. Опять распахнулась дверь, опять понесло паромъ и холодомъ—вошла, расталкивая народъ, Однодворка съ фольговой иконкой, а за ней неврѣста, въ голубомъ платьѣ съ баской, и всѣ ахнули: такъ была она блѣдна, покорна, спокойна и красива. Васька на отмашь далъ затрецину въ лобъ широкоплечему головастому мальчишкѣ на кривыхъ, какъ у такса, ногахъ—и кинулъ на солому посреди избы чей-то старый полушубокъ. На него стали женихъ и невѣста. Кузьма, не поднимая головы, взялъ икону изъ рукъ Однодворки—и стало такъ тихо, что слышно было свистящее дыханіе любопытнаго голова-

стаго мальчишки. Женихъ и невѣста разомъ упали на колѣни и поклонились въ ноги Кузьмѣ. Поднялись и опять упали. Кузьма взглянулъ на невѣсту, и въ глазахъ ихъ, встрѣтившихся на мгновеніе, мелькнулъ ужасъ. Кузьма поблѣднѣлъ и съ ужасомъ подумалъ: „Сейчасъ брошу образъ на полъ“... Но руки его невольно сдѣлали иконой крестъ въ воздухѣ—и Молодая, чуть приложившись къ ней, поймала губами и руку его и робко потянулась къ губамъ. Онъ сунулъ икону кому-то въ сторону, схватилъ голову Молодой съ отцовской болью и нѣжностью и, цѣлуя новый пахучій платокъ, сладко заплакалъ. Потомъ, ничего не видя отъ слезъ, повернулся и, расталкивая народъ, шагнулъ въ сѣни. Тамъ уже было пусто. Снѣжный вѣтеръ ударилъ въ лицо. Занесенный порогъ блѣлѣлъ въ темнотѣ, крыша гудѣла. А за порогомъ несла непроглядная вьюга, и свѣтъ, падавшій изъ окошечекъ, изъ толщи снѣжныхъ заваленокъ, стоялъ въ ней дымными столбами...

Вьюга не стихла и утромъ. Въ сѣрой несущейся мути не было видно ни Дурновки, ни мельницы на мысу. Порой свѣтлѣло, порой становилось похоже на сумерки. Садъ поблѣлѣлъ, гулъ его сливался съ гуломъ вѣтра, въ которомъ все чудился дальній колокольный звонъ. Острые хребты сугробовъ дымились. Съ крыльца, на которомъ, жмурясь, обоняя сквозь свѣжесть вьюги теплый вкусный запахъ изъ трубы людской, сидѣли облѣпленные снѣгомъ овчарки, съ трудомъ различалъ Кузьма темныя, туманныя фигуры мужиковъ, лошадей, сани, позвякиванье колокольцовъ. Подъ жениха запрягли пару, подъ невѣсту одиночку. Сани покрыли казанскимъ войлоками съ черными разводами на концахъ. Поѣзжане подпоясались разноцвѣтными

подпоясками. Бабы надѣли ватныя шубки, накрылись шальями, шли къ санямъ опасливо, мелкими шажками, церемонно приговаривая: „Батюшки, свѣту божьяго не видно!..“ Рѣдко на комъ были свои наряды: все было собрано по сосѣдямъ, сосѣдкамъ, и потому требовалась особенная осторожность—не упасть, поднять подола по выше. На невѣстѣ и шубку, и голубое платье завернули на голову—она сѣла въ сани прямо на бѣлую юбку. Голова ея, убранная вѣнкомъ бумажныхъ цвѣтовъ была закутана шальями, подшальниками. Она такъ ослабѣла отъ слезъ, что какъ во снѣ видѣла темныя фигуры среди вьюги, слышала шумъ ея, говоръ, праздничный звонъ колокольцовъ. Лошади прижимали уши, воротили морды отъ снѣжнаго вѣтра, вѣтеръ разносилъ говоръ, крикъ, приказанія, слѣпилъ глаза, бѣлилъ усы, бороды, шапки, и поѣзжане съ трудомъ узнавали другъ друга въ туманѣ и сумракѣ.

— Ухъ, мать твою не замать!—бормоталъ Васька, нагибая голову, беря вожжи и садясь рядомъ съ женихомъ.

И грубо, равнодушно крикнулъ на вѣтеръ:

— Господа бояре, благословите жениха по невѣсту вѣхать!

Кто-то слабо отозвался:

— Богъ благословить...

И бубенцы заныли, полозья заскрипѣли, сугробы, разрываемые ими, задымились, завихрились, вихри, гривы и хвосты понесло въ сторону...

А на селѣ, въ церковной сторожкѣ, гдѣ отогрѣвались въ ожиданіи священника, всѣ угорѣли. Угарно было и въ церкви, угарно, холодно и сумрачно—отъ вьюги, низкихъ сводовъ и рѣшетокъ въ окошечкахъ. Свѣчи горѣли только въ рукахъ жениха и невѣсты да

въ рукѣ чернаго, худого, съ большими лопатками священника, наклонявшагося къ книгѣ, закапанной воскомъ, и быстро читавшаго сквозь очки. По полу стояли лужи,—на сапогахъ и лаптяхъ натаскали много снѣгу,—въ спины дулъ вѣтеръ изъ отворяемыхъ дверей. Священникъ строго поглядывалъ то на двери, то на жениха съ невѣстой, на ихъ напряженныя, ко всему готовыя фигуры, на лица, застывшія въ покорности и смиреніи, золотисто освѣщенныя снизу свѣчами. По привычкѣ, онъ произносилъ нѣкоторыя слова какъ бы съ чувствомъ, выдѣляя ихъ съ трогательной мольбой, но совершенно не думая ни о словахъ, ни о тѣхъ, къ кому они относились.

„Боже пречистый, и всея твари создателю...—говорилъ онъ торопливо, то понижая, то повышая голосъ.—Иже раба твоего Авраама благославивый, и разверзый ложесна Сарриѣ... иже Исаака Ревекцѣ даровавый... Іакова Рахилѣ сочетавый... подаждь рабомъ твоимъ симъ...“

— Имя?—строгимъ шопотомъ перебивалъ онъ самого себя, обращаясь къ псаломщику. И, поймавъ отвѣтъ: „Денисъ, Авдостя“...—продолжалъ съ чувствомъ:

„Подаждь рабомъ твоимъ симъ Денису и Евдокинъ животь миренъ, долгоденствіе, цѣломудріе... сподоби я видѣть чада чадовъ... и даждь има отъ росы небесныя свыше... исполни дома ихъ пшеницы, вина и елея... возвыси я яко кедры ливанскіе...“

Но окружающіе, если бы даже слушали и понимали его, все же помнили бы о вьюгѣ, о чужихъ лошадяхъ, о возвращеніи въ сумеркахъ въ Дурновку, о домѣ Сѣраго, а не Авраама и Исаака—и усмѣхнулись бы сравненію Дениски съ кедромъ ливанскимъ. Да и

ему самому, коротконотому, въ чужихъ сапогахъ, въ поддевкѣ съ низкой таліей и обвислыми плечами, было неловко сознавать, что онъ ниже ростомъ невѣсты, неловко и страшно держать на неподвижной головѣ царскій вѣнецъ—мѣдный огромный вѣнецъ съ крестомъ наверху, надѣтый глубоко, на уши. И рука Молодой, казавшейся въ вѣнцѣ еще красивѣй и мертвѣе, дрожала, и воскъ тающей свѣчи капалъ на оборки ея голубого платья...

Возвращаться было легче. Вьюга въ сумеркахъ была страшнѣе, но бодрило сознание, что обуза съ плечъ свалилась: дурно ли, хорошо ли, а дѣло кончили. И гнали лошадей шибко, наугадъ, довѣряясь только мутнымъ призракамъ вѣшекъ, и горластая жена Ваньки Краснаго стояла въ переднихъ саняхъ, приплясывала, махала платочкомъ и орала на вѣтеръ, въ буйную темную муть, въ снѣгъ, летѣвшій ей въ губы и заглушавшій ея волчій голосъ:

У голубя, у сизова,
Золотая голова...